

Н. Пинегин

32-1
974

В СТРАНЕ ПЕСЦОВ

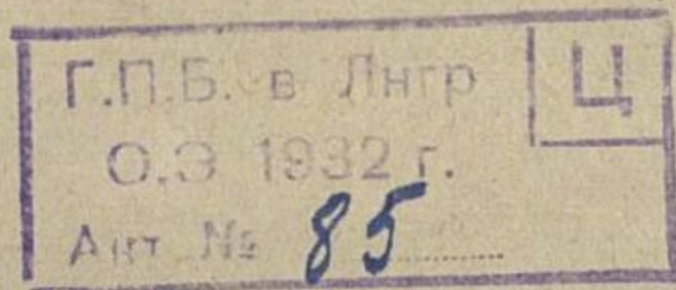
Н. П и н е и н

В С Т Р А Н Е П Е С Ц О В

32-1
974

иллюстрации

А В Т О Р А

И з д а т е л ь с т в о П и с а т е л е й в Л е н и н г р а д е

1-25
178

№ 216.

Отпечатано для Издательства Писателей в Ленинграде в количестве 7.300 экз. — 8 л. 20-й типографией Ошза ил. Евгении Соколовой, проспект Красных Командиров, 29. Заказ № 1410. Ленинградский Горлит № 21606. Обложка художника М. Кирнарского. Сдано в набор 4/X 1931 г. Подписано к печати 29/II 1932 г. Формат 72×105, порядковый № 13 Типограф. знаков 67392. Ответственный редактор М. Сергеев, Технический редактор Г. Сорокин. 1932

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Правительство молодой Якутской советской социалистической республики обратилось к Академии наук с просьбой всесторонне исследовать территорию республики с целью выявления ее богатств и рационального использования их. Якутская республика занимает площадь, которая превышает территориально все западно-европейские государства. Якутия изобилует ископаемыми богатствами. В южных частях Якутии выращиваются арбузы, северные же области ее омываются Ледовитым океаном и являются странами, где не бывала совсем нога исследователя, где возможны еще географические открытия. (Из газет 1925 г.)

В текущем году в план работ Якутской экспедиции Академии наук включается исследование полярных областей Якутии, в том числе Новосибирских островов, лежащих в Ледовитом океане. На острове Большом Ляховском предполагается постройка постоянной полярной станции. Во главе экспедиции будет стоять известный путешественник Н. В. Пинегин. Экспедиция отправляется из Ленинграда в начале мая. (Из газет 1928 г.)

Вот пачка писем. Год тысяча девятьсот двадцать восьмой. Разбирая эти клочки бумаги, один за другим, представляю своих корреспондентов. Их много. Беру наудачу — бухгалтер в глухом и безгазетном городишке Оханске. Вижу, как за столиком с недопитым стаканом

чая, склонившись, аккуратно выводит плотный человек твердые и ровные строки:

Академическому руководителю Северной экспедиции тов. Пинегину, Н. В.

Прочитав сегодня в газете о снаряжении и отправке экспедиции на крайний север Якутской советской социалистической республики, я решил обратиться к вам с запросом, не буду ли я полезен в качестве рядового участника или даже черной рабочей силы предполагаемой экспедиции. Сообщаю сведения о себе:

1. Мне 28 лет (1900 г.).

2. Имею среднее образование (реальное училище, 6 классов).

3. Специальность — счетоводство и бухгалтерия.

4. Здоров, т. е. не имею существенных отклонений от нормы (глаза, руки, сердце, легкие, ноги в полной исправности).

5. Читал книгу Нансена и вашу о путешествии с Седовым. Чувствую большое влечение к северу и желал бы испытать свои силы на севере.

Еще раз выражаю искреннее и страстное желание участвовать в далекой экспедиции под вашим руководством, с предоставлением любой работы.

Александр Воскобойников, уроженец Вятской губернии, села Юкаменского.

Бухгалтер внимательно перечитывает обе страницы. Все в порядке. Среди ведомостей под счетами находит конверт и красивым почерком гонит четкую пропись: «Ленинград. Академия наук...» И по линейке два раза подчеркивает.

Серый конверт со штемпелем «Сольвычегодск». Письмо размашистым почерком, буквы прыгают. Даже брызги от пера.

Наверное, где-нибудь в уголке клуба, ероша вихры, пишет рубаха-парень:

Уважаемый глава экспедиции. Хотя я и не был на севере, но чувствую к нему ужасно большое влечение. Поэтому давно мечтал принять участие в экспедиции в отдаленные страны и вообще попутешествовать. Теперь я служу по канцелярской части, но ощущаю в себе уверенность, что буду пригоден и для помощи в ваших подвигах. Я очень

сильный, недавно в нашем кружке получил первенство по метанию копья. Кроме того состою в кружке эсперантистов и очень увлекаюсь этим — будущим международным языком. От роду имею 19 лет. Пожалуйста, уведомьте о вашем согласии на мое участие в экспедиции на острова, за что буду благодарен.

Эсперантист М. Ларионов.

Вот — на линованой бумаге:

Письмо от плотника Степана Друшкова товарищу начальнику.

Прошу, не обидьтесь за мое неграмотное письмо, затем что сказывал Григорий Иванович, которого знаете, про вашу уважительность, с его же рекомендация пишу письмо, чтоб взяли плотником на остров, могу дом рубить срубом и в лапу, обучен рубанить, фуганить и тес хорохорить, жалованья, как положите, такое ответственное дело проводить острова, в чем и подписуюсь. Еще могу замок рубить русский и немецкий.

Плотник Степан Друшков.

Как только разнесется весть о новой экспедиции, к начальнику ее плывут десятки, а иногда и сотни подобных писем. Как отвечать на все порывы людей к кипучей деятельности, с жаждою подвигов? Как определить по письму, годен ли мечтающий о севере для тяжелой работы?

Никто не представляет, что путешествие на дальний север — не веселая прогулка, но почти всегда синоним тяжелого труда. Известный путешественник Пири говорил: «Полярная работа — такая же работа, как всякая другая». Я бы добавил: часто она однообразна, а подчас и чертовски скучна.

Да, наш бухгалтер, унесшись в мечтах от столбиков с мертвыми цифрами, от сальдо и дебетов к далеким и привлекательным просторам севера, конечно, не думал, что за такими же столбцами сидит в Ленинграде до поздней ночи начальник экспедиции. Для него каждая костяшка на счетах живет. А итог — половина успеха

задуманного дела. Малейшая ошибка в этих цифрах стоит лишений, а может быть и жизнью.

И горячий эсперантист, «служащий по канцелярской части», не видит, как, в часы его занятий у опостылевшей конторки, другой «счастливец», уезжающий в далекие страны, записывает в грузовую книжку ряд скучнейших названий:

Коробок энтомологических пустых — 4 штуки,
Подставок для пробирок — 3 штуки,
Ваты укупорочной — 6 килограмм,
Зажигалок с крышкой — 7 штук,
Линя смоленого — 1 бухта,
Картофеля сушеного — 10 килограмм.

А в эту же минуту еще один «счастливец», сидя в приемной торгового зава, перечитывает официальную бумажку с длинными колоннами названий и цифр, — нет ли в ней пропуска. А очередь к заву длинна.

Вот четвертый — по специальности биолог — в морозный февральский день в нетопленной кладовой с низкими сводами тщательно упаковывает в ящики рубанки и сверла, посуду и гробы¹ для рыб. До полярной области еще далеко. Дело происходит в Ленинграде. Но совсем по-полярному мерзнет нос и коченеют руки.

В книге Нансена, да и в моей, — грешен и я, — поэтически описывается праздничное отплытие полярной экспедиции от портовой набережной, сплошь запруженной народом. Речи, пестрота флагов и музыка. Не знаю, как было дело с Нансеном. Вероятно, нашел он достаточно воли подбодриться и привести себя в порядок для торжества отплытия. Так было и с нами при отправлении к северному полюсу. Теперь другая картина. Почти что будни.

Вокзал Октябрьской дороги. До отхода поезда остается 25 минут, а на автомобиле у товарной кассы груда

¹ Посуда для консервирования крупных рыб.

ящичков еще так велика. Начальник экспедиции не отходит от телефона в кассе: в последний момент пришли из-за границы вещи, их срочно принимает один из сотрудников. А он, как все, не спал двое суток. Справится ли? Вещи необходимо доставить в вагон к отходу поезда. . . Остается 12 минут, а здесь в кассе все еще не кончено заполнение накладной. Где-то на автомобиле несется сотрудник. Не забыт ли ящик вверх? Двигутся бесстрастные стрелки на циферблате. Взгляд на часы — только 5 минут. Кассир бесконечно долго ведет счет денег.

— Товарищ, вы зарежете нас.

За 3 минуты вбегает запыхавшийся сотрудник.

— Пospел. Вещи в вагоне. Все в порядке. Нет, не забыл. Вас ищут на платформе. Провожающие. Говорят, что экспедиция сегодня наверно не успеет отправиться.

— Отстать нельзя. Успеем. Посмотрите у багажного вагона, не оставлено ли кондукторами в спешке какой-нибудь вещи.

За одну минуту до отхода поезда вбегает второй сотрудник.

— Николай Васильевич, уже второй звонок. Вы не останетесь?

— Идите в вагон. Я сейчас.

Перед самым отходом поезда мимо группы провожающих, не видя их, вихрем проносятся в расстегнутых пальто два человека. Кондукторы уже подносят свистки к губам. Через несколько секунд начальник экспедиции, стоя на подножке вагона и целуя поспешно дочь, замечает людей с цветами, бегущих растерянной кучкой к вагону. Но поезд трогается и развивает ход.

Вот вторая картина. На дальнем севере в середине полярной ночи, когда лишь в полдень бывает чуть заметный рассвет, по тундре пестрая движется ниточка — упряжка собак. Рядом с ней то бегут, то присядут на

сани два человека. Мороз с ветром. По снегу струится густая поземка. Слепит глаза и больно колет открытые щеки и нос. Кругом муть и мгла, и темная синь. Длинный цуг собак у потяга, их быстро движущиеся лапки и ровная линия у горизонта, — все тонет в неясности и дымке метели. Под полозьями нарты однообразные, как шпалы, проскакивают застружины. По этим чертам на снегу — следам давно унесшихся ветров — путники держат свой курс. И каждый день после ночлега в маленькой землянке-поварне, в которую с трудом лишь могут втиснуться и лечь три человека, бегут усталые собаки все в такую же серо-голубую мглу.

Отыграют на небе сполохи,¹ ответит слабая заря полярной ночи, взойдет и скроется луна, отплывут назад немерянные версты, пройдут несчитанные часы, — собаки остановятся у новой такой же поварни. Новый ночлег. И будет новый день, такой, что не вспомнить потом, где он прожит был.

А если бы достать, как в сказке, «хрустальное всевидящее око», оно отыскало бы в великом северном просторе одинокую темную точку, к которой стремятся люди, пересекающие тундру с запряжкой собак. Эта точка — уединенный дом на заснеженном острове, крайний к северу человеческий дом. От него до полюса пустынное море, покрытое торосистым льдом.

Тускло светится через морозные узоры заснеженное окно. За ним — низенькая комната с серыми стенами. Перед листом бумаги, исчерченной цифрами и длинными формулами, в порядочно потрепанной одежде, согнувшись, сидит человек.

Скрипит дверь. Темным силуэтом на оконных узорах вырастает другой человек в мохнатой засаленной фуфайке. Смотрит через плечо на цифры, потом произносит:

¹ Северное сияние.

— Идем дрова пилить.

В молчании надеваются куртки. Двое выходят из дома.

Метель. У крыльца вихрями бьется сухая и тонкая снежная пыль. Длинным потоком такой же пыли курится край крыши. Куртки белеют быстрее, чем на мельнице.

Две человеческих фигуры быстро тают в серой шуршащей мгле.

Пройдут минуты. Вьюга успеет вырыть новые заструги и затуманить свежие следы на снегу. Тогда на косогоре у моря покажутся двое — согбенные, соединенные тяжелым бревном на плечах, серые, заплеванные вьютой люди. В шорохи и стоны вьюги скоро вплетется размеренное протяжное чавканье пилы.

Еще минута — раскроется темная пасть: дверь вытолкнет на вьюгу новую неясную фигуру, в руках ее дымящееся ведро. Потонет и этот во мгле метели, нырнув под угор, туда, где, засыпанные, смирно лежат в снежных ямках собаки. Как знак прихода человека, донесутся смягченные лай и звуки грызни за еду. И смолкнут. Дверь выбросит еще одного торопливого. Фонарик его попрыгает и помаечит неясным зайчиком у будок с инструментами, мелькнет у термометров на почве и влезет отсветом по перекладинам флюгера. Потом — поплывет, поплывет и спрячется в двери.

И останутся серая мгла с морозом, метель и чавканье пилы. Придет время — их покроет новый звук, машинный, мягкий, рокочущий, мощный. Этот родит яркие полосы света из окон и чернь на переплетах их, и новый воющий звук, исходящий из дома.

Если пойти искать место зарождения этого звука, придете в тесную комнатку, сплошь заставленную приборами. Они сияют лаком, никкелем, бронзой и полированным мрамором. Увидите бородатого волшебника, с бахромой у обшлагов и блестящей заплатой на задку. Волшебник занят какой-то игрой: трогает палочкой зо-

лотые спирали в шкафу с длинными странными лампами. Оттуда выскочит и злобно вонзится в волшебную палочку огненная голубоватая струя. Потом погаснет. А бородатый волшебник оседлает голову стальной полоской с наушниками и сядет у стола. Под умелой рукой его будут проскакивать искры, посыплются drobные звуки. — Радио работает. Волшебник — это радист. А пятизначные цифры перед его глазами — шифрованная телеграмма о наблюдениях полярной станции за прошлый день.

В соседней комнате, когда вернутся иззябшие пильщики, тяжело ухнет на пол вязанка дров. Заговорит радист:

— Тише, чорт вас...

Пройдет еще положенное время.

На звуки собираемой посуды выйдут из своих углов в большую комнату и радист, и пильщики, и шустрый человек.

Будут вести за обеденным столом вялый разговор:

— Сегодня в метелемере семьдесят пять.

— Да, этот месяц, пожалуй, будет рекордным. Семнадцатый день дует, не переставая. А на второе что?

— Манная каша, — раздастся голос из кухни.

— Опять. Опять на детском положении! Когда же доберусь я до доброты кусочка ветчины?

И оборвется. Остается один звук ложек. А за стенами дома возня сильнее бушующей метели. Дом начнет слабо дрожать.

Завывает антенна.

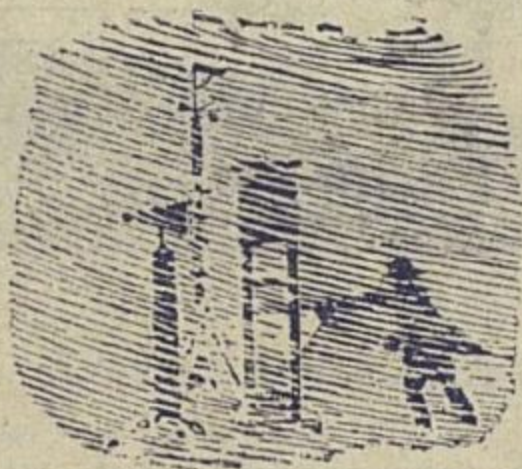
За белыми окнами тьма.

Снова выйдет из кухни человек с ведром и распахнет входную дверь. Плотным клубом вкатится по полу серое облако.

Когда облако рассеется, на месте его окажется серый завьюженный пес. Станет ласкаться к людям и навастривать уши в сторону громкоговорителя. А еще через часы погаснут в доме огни.

Когда затрещит будильник, сумрачный человек зажжет свечу, начнет одеваться. И наступит новый день, похожий на прошедший, такой, что не вспомнишь потом, как он прожит.

Вот кадры из картины — «Действительность в полярной стране».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сто восемь лет раньше нас ехал на Новосибирские острова лейтенант Анжу. Ехал, как и мы, исследовать их. В те времена не было еще помина о железных дорогах и пароходах. От самого Санкт-Петербурга надо было ехать на перекладных лошадях через всю Сибирь, сначала в Иркутск, потом до легендарного тогда Якутска. В Якутске путешественнику предоставлялся на выбор один из трех путей почти одинаково тяжелых. Первый — отправиться сплавом до устья Лены и там дожидаться конца темного времени года, чтобы проехать на острова по замерзшему морю, второй — ждать зимней дороги в Якутске и ехать через Устьянский Острог, третий путь — сухопутный на выючных лошадях до верховья реки Яны, со сплавом по ней до низовья, чтобы через тот же Устьянский Острог будущей весной выехать на острова.

Почти год нужно было потратить во времена Анжу, чтобы добраться до Новосибирских островов.

Мы, люди начала двадцатого века, рассчитывали попасть на острова через три месяца. Первые три чет-

верти пути — до Якутска — по железной дороге, на автомобиле и пароходе — можно теперь проехать налегке в три недели. Труднее осилить последнюю четверть — до островов. Тут и поныне средства сообщения не многим лучше, чем во времена Анжу. Но перед нами была возможность, которой не имел ни один из прежних исследователей, — пройти на острова из устья Лены морским путем.

Лейтенант Анжу после горячки сборов не имел возможности отдохнуть, как мы, в удобном мягком вагоне. Он должен был день и ночь ехать на перекладных лошадях, ночуя в кибитках, раскладывать на станциях походный погребец, пить чай, торопливо закусывать и снова мчаться дальше, безостановочно, строптиво погоняя ямщиков.

Нас скорый поезд доставил на седьмые сутки в Иркутск, в бывшую сибирскую столицу. Иркутск уже давно потерял свое значение центра, куда стекались сибирские богатства. А революция переместила и административный центр. Современные центры Сибири — Новосибирск и Красноярск — молодые города, растущие с американской быстротой и с каждым годом меняющие свой облик.

Но Иркутск в стороне, он еще не сменил прежнего лика. Это видишь с момента приезда. С вокзала в город можно попасть только через понтонный мост. На мосту, над голубой водой быстрой Ангары, стоит будочка, вас остановят здесь, сторож возьмет плату за переезд по мосту — обычай совсем средневековый. Извозчик на разбитой линейке повезет по улицам, обставленным низкими домиками с маленькими окнами, — у каждого ставни; ворота прочны, и высоки заборы. Ближе к центру дома побольше, но тип их тот же: низкие потолки, тесные и темные каморки. Купцы и мещане строили эти дома.

Таковы же и гостиницы. В них, в этих самых «номерах», останавливались торговцы, счастливые золото-

искатели и приезжие чиновники — цари и боги отрезанных от мира мест. Хозяин гостиницы, стоя в дверях вашей комнаты, со вздохом пожалуется на тяжелое теперешнее житье и расскажет о «хороших прежних временах», о веселом и бесшабашном разгуле прошлого, о штуках красного сукна, разостланных от номера гостиницы до ближнего трактира, чем после каторжной и окаянной жизни в тайге тешил свою душу внезапно разбогатевший старатель по золоту, о десятках извозчиков с бубенцами, лентами и колокольцами впереди тройки с удалым купеческим сынком, о золоте, кидавшемся пригоршнями, и о мешках монеты для жадной уличной толпы. Вид улиц таков, что сразу встанут в памяти записки жены декабриста Раевской, сразу вспомните о длинных вереницах людей в серых халатах с выбритыми наполовину головами и бубновым тузом на спине, вспомните, что только недавно замолк здесь слитный звон кандалов и не успела еще зарости дорожка к дому, огороженному высоким частоколом, про которую и теперь еще распевают:

От подъезда есть дорожка,
От Иркутского прошла.
Той дорожкой ехал барин,
Незнакомый господин.

Он со мною поровнялся,
Сказал кучеру: «Постой!
Ты скажи-ка, друг любезный,
Это что за дом большой?»

«Это, барин, дом казенный,
Александровский централ...»

Но это — в прошлом. Растущее поколение не видело этих тяжелых картин. Оно помнит лишь недавнее — банды чехо-словаков, их хозяйничанье, отряды суровых партизан со всех концов Сибири и разруху междувла-

стья, когда среди белого дня на улицах носились разбойники «кошеvníки», выхватывавшие прохожих в хорошей верхней одежде на глазах у всех. Эти удалцы, накидывая на жертву аркан и с гиком и свистом погоня лошадей, волочили ее за собой, на ходу догола раздевали «чюнаря», бросали в сугроб и скрывались в глухом переулке или за городом.

Теперь Иркутск — советский город, центр пушных и хлебных заготовок. Тянутся по улицам обозы с товарами, на площадях, у складов торговых организаций, грузятся на подводы тюки и ящики, которые пойдут быть может на побережье Ледовитого моря или на юг, к границам Монголии и Китая. Нет еще трамвая, но бегают шустрые автомобили, и ходит по главной улице автобус, переделанный домашними средствами из старого грузовика. Вместо прежних тракторов, открылись клубы и библиотеки. В городском театре застали мы оперу. Будущее города велико.

Но есть много старого в подозрительных со ставнями окошках, — в них дырочка-глазок. Жутко еще поздним вечером идти по окраинным переулкам. Бывают изредка случаи — в глухих местах у Ангары спускается на мирного прохожего аркан живучего «кошеvníка». И говорят на окраинах на воровском — «блатном» — жаргоне.

Совсем недавно в Иркутске кончался для едущих на Лену культурный путь. Дальше нужно было двигаться на лошадях. Теперь проложено до Качуга (на верхней Лене) приличное шоссе. Ежедневно из просторного двора Автопромторга отправляются несколько могучих «фомагов» — грузовиков. С ними же едут и пассажиры, если нет возможности отправиться с более удобным, прекрасным дилижансом Наркомпочтеля. Сообщение между Иркутском и Качугом поддерживается почти круглый год, за исключением времени, когда шоссе заносится глубокими снегами.

Наши грузы ушли вперед на тяжелых машинах, сами

же мы отправились на легковом автомобиле того же Автопромторга.

Дорога до Качука — полнокровная артерия: по ней текут товары для всей Якутии. Торговый путь пролегал тут давно, со времени завоевания Сибири. Все деревни и села по пути богаты. Здесь всегда промышляли извозом. Дома обширны, со множеством служб, некоторые походят на помещичьи усадьбы. Но и рядовые избы все с белыми наличниками у окон и с ажурными украшениями на воротах. На остановках расскажут вам обязательно об источнике богатства того или другого местного богатея. Почти во всех рассказах — кровь. Много купцов и золотоискателей исчезло бесследно на этой дороге. На их богатстве не в малой долеросло богатство здешних кулаков. По сторонам дороги путешественник и сейчас может видеть кресты и памятники умершим не своею смертью.

Немилосердно пыхтя и пугая встречных лошадей, быстро мчится автомобиль. Чем дальше от Иркутска, тем диче, пустынное становятся места. В холмистой с перелесками степи разбросаны редкие башкирские поселки. В глухом месте, километров двадцать за крупным селением Манзурка, в сгущавшихся сумерках, перед самым автомобилем в 8—10 метрах перебежала дорогу косуля. Она несколькими легкими и грациозными прыжками влетела на крутой придорожный обрыв и встала, как статуэтка, грациозная и легкая. Спустя секунду косуля исчезла. В этих же местах, проезжая в прошедшем году, я видел на опушке леса целое стадо коз.

Качуг, недавно небольшое село, в последние годы, с оживлением Якутского края и постройкой шоссе, превратился в довольно крупный транзитный центр. Здесь, в верховьях Лены, грузится все необходимое для жизни Якутской республики. Всю зиму идут в Качуг грузы, чтобы весной сплавом двинуться дальше по Лене. Невысокие берега совсем узенькой Лены, в низовьях пре-

вращающейся в неоглядное море, уставлены складами товаров, конторами торговых организаций, учреждениями и лабазами. На воде чуть не сплошь один за другим стоят карбасы,¹ паузки² и грузовые лодки. Пароходов здесь нет. Они заходят редко, только в половодье. Несколько раз в неделю показывается миниатюрный теплоход, который, буксируя маленькую лодку-баржу, возит почту и пассажиров.

Здесь, в Качуге, впервые после Ленинграда собрались все участники экспедиции. Все было в порядке. Грузы пришли, все было на месте, исключая нескольких несущественных посылок; моторный бот в исправности стоял на якоре. С ним было немало хлопот по доставке на Лену сухим путем.

Здесь уместно рассказать о наших планах. Наша главная задача — выстроить на Новосибирских островах полярную станцию и обслуживать ее в первый год существования. Казалось, проще всего было бы, зафрахтовав во Владивостоке пароход, отправить его к месту назначения со всем необходимым грузом. Так строились все советские полярные станции. На большом пароходе к месту доставлялись все грузы и быстро выбрасывались на берег силами многочисленной команды. Артель плотников в одну-две недели собирала выстроенный заранее дом. В это же время устанавливались машины, радио-мачта. По окончании постройки пароход уходил, а на новой станции оставался ее постоянный персонал.

К сожалению, мы не могли мечтать о такой роскоши. Такой способ был слишком дорог для нашего кармана. Пришлось устраиваться иначе. В 1927 году, во время

¹ Карбас — сплавное плоскодонное ленское судно в виде сруба, похожее на утюг, грузоподъемностью 60—70 тонн.

² Паузка — те же карбасы, но с постройкой в виде домика, в которых помещается пловучий магазин.

предварительной поездки на Новосибирские острова для разведки и выбора места станции, мне удалось привести морскую шхуну «Полярная Звезда»¹ в Якутск.

Вот с помощью этой маленькой шхуны мы и собирались добраться до острова Большого Ляховского. Но шхуна не могла перевезти все наше снаряжение за один раз. Ее грузоподъемность всего 55 тонн. Поэтому решено было из Якутска отправить весь груз в бухту Тикси на барже. Расстояние до острова от бухты Тикси (вблизи самого устья Лены) не велико — около 550 километров. Тут шхуна должна была за два раза перевезти нас со всем снаряжением и вернуться в устье Лены или в Якутск.

Все же, даже при наличии шхуны, предоставленной якутским правительством бесплатно, мы никак не могли уложить наши расходы в рамки отпущенных средств. Поломав голову, я решил уговорить товарищей сплавить наши грузы своими силами по Лене до Якутска, не прибегая к услугам парохода. Таким путем сплава мы сэкономили уйму денег. По этой причине все наши грузы были сосредоточены в Качуге. Теперь нам предстояло погрузить их на первобытный карбас и плыть по течению. Мы, шестеро, составляли команду карбаса и моторного бота, который, буксируя и направляя карбас, должен был идти во главе каравана. В Якутске к нашей небольшой семье должны были присоединиться рабочий, повар, плотник и печник.

Вот в кратких чертах план нашей экспедиции.

Вечером шестого июня, закончив последние хлопоты

¹ Шхуна «Полярная Звезда», парусно-моторное и приспособленное к плаванию по льдам судно, пришла в устье реки Лены из устья реки Колымы. Эта шхуна была оставлена владельцем ее, американским торговцем Свенсоном, на мели в устье реки Колымы. Якутский Госторг, сняв шхуну с мели, отремонтировал ее и отправил с товарами в устье Лены. Впоследствии шхуна была предоставлена якутским правительством в распоряжение Академии Наук.

в Качуге, поздним вечером сидели мы на палубе моторного бота. На борту его свежая красовалась надпись: «Меркурий Вагин».

Грузчики несли последние мешки на рядом стоявший, почти готовый к отплытию карбас. Кучка ребят не отходила от нашего бота, рассматривая невиданный в Качуге тип морского бота с высокими бортами, патентованным якорем на палубе, его косые паруса, заглядывая в каюту и читая по складам надпись: «Меркурий Вагин».

Один из ребят, побойчее, спросил:

— Кто же такой Меркурий Вагин? Разве есть такое имя?

Я начал рассказывать ребятам о казаке Меркурии Вагине, посланном в XVIII столетии из Якутска «провесть про земли и острова, что лежат в Ледовитом море», за студеным сибирским берегом у Святого Носа, как казак нашел большой остров и обошел его за лето кругом, как возвратился летовать на матерую землю, намереваясь будущей весной попытать счастья в новых открытиях, и как зарезали спутники сонного предводителя, закололи рогатиной сына его и вернулись затем с вестью о нечаянной гибели Меркурия Вагина в неизвестных студеных краях.

Уже темнело, к ребятам присоединились взрослые. Посыпались вопросы, куда мы едем на странном нашем судне, что будем делать на пустынном острове? Беседа с ребятами превратилась в лекцию о наших задачах, зачем идем мы строить на том самом острове, где был Меркурий, научную станцию, о будущности этой новой станции, там наверное вырастет человеческое поселение, а пустынная страна даст нам, жителям южным, свои богатства, о постоянном продвижении человека с юга на север, о том, что наши потомки, уроженцы далеких северных стран, будут себя чувствовать на далекой родине так же хорошо, как жители суровой Сибири. Она ведь также еще недавно была пустынной страной. Наша

моторная лодка понесет отсюда, с верховьев Лены, в страну холода и мрака имя первого исследователя неведомого острова.

Так закончился наш последний вечер в Качуге.

Ранним утром следующего дня, выйдя из каюты моторного бота, первое, что я увидел на пустом берегу, был мальчишка с узелком в руках. Он, покраснев, как рак, сказал мне дрожащим голосом:

— Дяденька начальник, возьми меня с собой на остров.

В это время уже отваливал от берега наш карбас. Красный флажок на дощатом балаганчике-каюте горел при свете восходящего солнца, как огонек.

Верхний участок Лены очень труден для сплава. Лена здесь узка, извилиста и мелководна. Узкая борозда фарватера капризно мечется от берега к берегу, повсюду перекаты, мели — по-местному «опечки». За последние годы партия по исследованию Ленского водного пути обставила этот участок судоходными знаками. Но мы на неуклюжем, трудно управляемом карбасе не отважились плыть без лоцмана тем более, что наш «Меркурий Вагин» по причине узости фарватера не мог быть использован в качестве буксира. Катер, идя во главе каравана, в случае посадки на мель был бы неминуемо смят тяжелым карбасом. Было решено, что карбас пойдет на буксире, только начиная с участка, где могут ходить пароходы. А до той поры катер пойдет отдельно. Мы надеялись, что сумеем провести его без лоцмана, руководствуясь знаками и промером.

В Качуге приходило наниматься много «лоцманов», всё самоучки, как и все здешние лоцманы. Карьера лоцмана здесь несложна. Поплаывает человек несколько лет с карбасами и лодками, а затем становится за руль. В конце концов мы выбрали одного солидного мужчину: он основательнее всех рассказывал про «опечки»,

про какие-то «слизы воды» и «коренные струи». Надежным он показался по той причине, что несколько лет плавал с изыскательской партией. Лоцманы Госпароходства, такие же самоучки, просили совсем несуразные деньги. А с деньгами у нас было туго.

Моторный катер должен был выйти из Качуга в тот же день после полудня, когда будут закончены последние закупки и расчеты. В полдень, когда мы собирались уже отваливать, один из главных агентов Госпароходства, очень скептически относившийся к намерению нашему сплавить карбас своими силами, не без злорадства сообщил нам новость: карбас стоит на мельничной плотине километрах в 12 от Качуга.

— Теперь придется-таки нашего лоцмана брать. По-езжайте скорее выручать, пока вода не сбыла.

Справедливость требует сказать, что этот же агент помог командировать на помощь нам лучшего лоцмана. Помощи не понадобилось. Мы догнали свою неуклюжую посудину только через шесть часов. Она плыла по свободной воде. Однако в Качуге нам не соврали: в самом деле, наш солидный лоцман уверенной рукой направил карбас в мельничную протоку, перегороженную плотиной. Карбас, на мгновение задержавшись на ней, благополучно перепрыгнул: вода, к счастью, стояла высоко, через плотину лилась мощная струя. Но лоцман на этом приключении не успокоился. До нашей встречи карбас успел три раза посидеть на мели.

Когда я поднялся на мостик, чтобы спросить лоцмана, как он решился взяться за дело, которого не знает, с лица бедняги уже бесследно исчезли самоуверенность и солидность. Он не рассказывал больше о «коренных струях» и «слизах воды». Передо мной стоял, без штанов, плотный, лысый старичок в длинной мокрой рубаше, иззябший и тусклый.

— Не в тую протоку занесло. Лена — она бесшабашная. Ежели не справишь, обязательно в опечку сядешь. Ноне совсем беда. Иной раз до самого Жигалова один-

два раза посидишь, а в сей раз много ли прошли, а три раза уже сидели.

Предвидя трудности сплава по Лене, думал я с некоторым смущением, что спутники, столкнувшись вплотную с трудной физической работой, будут не очень довольны ею. На деле же я застал в карбасе дружную компанию голых, но веселых людей. Они, захлебываясь, рассказывали о приключениях карбаса, о полной негодности лоцмана, о том, как, засев на мель, они заставили почтенного старца вместе со всеми лезть в холодную воду, сталкивать карбас при помощи ваг и «оплеух»¹ и как дивился в деревне народ на питерских, которые лезут в холодную воду без страха. — «Мы бы в жизнь не полезли. Что за охота! Кабы свое добро».

Убедившись в том, что команда карбаса не растеряется при встрече с новыми мелями и «опечками», я отправился на моторном боте вперед, чтобы в Жигалове, где строился наш дом, успеть принять его и разобратить к приходу. Но расчет выиграть сутки не оправдался, лоцман на боте оказался столь же удачливым, как и его собрат на карбасе. И этот лоцман столь же уверенно направил наш катер на какой-то «опечек». Мы налетели на него с полного хода. Винт, зарывшись в гальку, остановил машину. Все лопасти оказались исковерканными, попорчен и мотор. Пришла очередь нашему лоцману с руля пересаживаться на весла, чтобы дойти до Жигалова сплавом. Там можно починить мотор.

Жигалово — богатое село на верхней Лене. Часть грузов из Иркутска идет зимним путем через Жигалово. Поэтому здесь издавна промышляют постройкой лодок и карбасов. В ближайшем будущем до этого села будет продолжено Качутское шоссе. Тогда через Жигалово пойдут все срочные грузы.

¹ Оплеуха — широкая доска, прикрепляемая к борту судна поперек течения реки с целью вызвать подъем воды при посадке на мель.

В семи километрах выше села расположен большой затон для зимовки пароходов. При затоне небольшой лесопильный завод и механические мастерские для ремонта зимующих судов. В этом затоне и строился по чертежам, присланным из Ленинграда, наш будущий дом, вернее, его каркас, или основа.

В Жигалове нам пришлось задержаться. Чтобы поместить разобранные части дома, надо было сначала разгрузить карбас и снова загрузить его всем нашим снаряжением и строительным материалом. Здесь же в мастерских починили и мотор. Только через два дня, с болящими от спешной нагрузки костями, мы отплыли вниз. От услуг качугских лоцманов, «солидного» и «рекомендованного», пришлось отказаться. Строитель нашего дома, Минеев, нашел нам настоящего, долго ходившего по Лене пароходного лоцмана. Этот оказался настоящим лоцманом, хорошо знающим реку.

От Усть-Кута наш «Меркурий» взял карбас на буксир. Его машина всего 7 лошадиных сил. Разумеется, она лишь немногим ускорила движение карбаса, не больше 1 километра в час. Но мотор помог маневрам карбаса, облегчая работы находящихся на карбасе; выклики лоцмана; «На весла!» — стали редки, лишь при самых быстрых поворотах.

Лена, ниже Качуга неширокая — метров 50—80 — речка, постепенно увеличивается при движении на север. В верхнем течении до Усть-Кута почти за каждым поворотом реки разбросаны между красными обрывистыми берегами деревеньки и небольшие села. Население, заслышав стук мотора, выбегало поглазеть на редкое на этом месте явление — моторное судно. И пароход здесь редко проходит: движение совершается преимущественно сплавом. Мы обгоняли только лодки, неуклюжие карбасы и высокие паузки, набитые товарами с резными флюгерами, с кумачевыми вывесками, малые и большие. Некоторые из лодок тоже с пристройками — каютами или амбарчиками. Это — рассчитан-

ные на продолжительный сплав пловучие жилища. Здесь обычны также лодки — пловучие кооперативы. Они останавливаются подолгу в каждой деревне, пока несут мужики пушнину, конский волос и другой деревенский товар. У какой-то деревни встретили мы пловучую фотографию. Несколько дальше перегнали труппу бродячих артистов, основавшуюся на такой же лодке, и лодку бродячих циркачей. Владельца ее, гражданина Черноберевского, глотавшего огонь и державшего мисс Эллу «повисшей в воздухе научными силами гипнотизма», мы лицезрели потом во время короткой остановки в Киренске, вместе с «лэди Элеонорой», в городском саду.

Крупные сплавные суда, паузки и карбасы, редко плывут до Киренска, чаще до Витима или до Якутска; отслужившие службу карбасы и паузки разбираются. Характерный штрих Якутска и Витима — пробуравленные доски с карбасов на заборах, тротуарах и мелких постройках. Ежегодно с верховьев Лены отплывает множество лодок до ближних городов и сел. Лодки возвращаются всегда обратно. Мы постоянно встречали одну или несколько таких обратных лодок. Пара лошадей медленно тянет на буксире лодку с дремлющим рулевым. Девка, или парнишка, верхом правит конями.

Вид деревенок за каждым поворотом реки и засеянных пашен, покосов на островках стогами создают по первости впечатление, что плывешь по реке, которая протекает по хорошо заселенному краю. Однако внимательный путешественник заметит много странного. Между деревеньками, начиная от Жигалова, нет дорог, если не считать узкой, почти непроезжей тропы, пригодной лишь для верховых лошадей. Пашни на Лене жмутся к самым селеньям, а дальше, куда ни глянь, всюду бесконечный могучий лес. Когда на остановке поднимаешься на одну из высоких гор на берегу, увидишь одно безбрежное море сплошного леса, прорванное только гладью реки. Тогда станет понятной дей-

ствительность: все население этого края (если не считать кочующих тунгусов) живет по Лене. Кругом же дикий и девственный лес.

Мне пришлось в 1927 году, при возвращении с Ляховского острова, прожить в деревне Павловой на верхнем участке Лены десять дней. Нас застала зима в то время, как мы медленно поднимались против течения на лодке. За время вынужденного сидения я узнал, какая глухая сторона этот край, кажущийся с реки населенным. Медведи здесь буквально заходят в жилые места. За три года до нашего приезда в деревне Павловой в летнее время, когда все мужики были на сплаве, бабы убили за околицей медведицу и загнали на дерево ее детенышей. В Европейской России с уважением говорят про охотника, убившего нескольких медведей. Здесь парень в двадцать лет уже старый охотник на медведя. На парня, не убившего медведя, показывают пальцами. Эти охотники — потомки «государевых ямщиков», насильно поселенных на Лене для содержания ямских станций. До сих пор здешние жители называют деревни станками. Здесь говорят:

— До Усть-Кута осталось еще пять станков.

Мужики, по памяти «государевой службы», считают главной своей работой ямщину и отчасти сплав. На втором месте стоит охота за белкой, а на самом последнем — хлебопашество и домашние работы. По временам хозяин поможет в свободное время вспахать землю или заборонить. Но почти позором для мужика считается уход за скотом, удобрение земли и даже рыболовство. Мне пришлось видеть в Павловой, как бабы в осенний ледоход, подоткнув мокрые по пояс подолы, невелили в ледяной воде. Мужья в это время или отдыхали от охоты, или готовились к ней.

За Усть-Кутом «станки» попадаются уже не часто, а за Киренском они совсем редки. Все теснее охватывают их леса, меньше площадь распаханной земли и вырубок.

Наш караван плыл без остановок. С сожалением провозжали мы глазами мелькавшие, как в кинематографе, картины края, который в недалеком будущем наверное будет наводнен в летнее время туристами со всех концов Республики. Лена по красоте берегов едва ли имеет соперниц. Только на редких участках она однообразна.

Плывя от верховьев до устья, следишь за сменой панорам с напряжением. Красные обрывистые берега верхнего участка заменяются у Жигалова пологими склонами, заросшими чудесным лесом. У Усть-Кута берега снова становятся обрывистыми, и снова серые каменные утесы сменяются пологими увалами. Ближе к Киренску они становятся выше, оба берега сдвигаются. После Киренска Лена вступает в «Щеки», знаменитое по красоте и дикости ущелье. Для сплавных судов здесь опасные места. Немало разбилось их о вертикальные каменные стены головокружительной высоты. При подходе к «Щекам» установлен наблюдательный пост с сигналами: судам здесь не разойтись. Когда мы подплыли к «Щекам», фарватер был свободен. Наш карбас был подхвачен, как щепка, могучим течением реки, бурлящей в каменном извилистом коридоре. Мы с большим облегчением вздохнули, когда миновали скалу «Пьяный бык», известную многими крушениями судов. Название скала получила после того, как однажды разбилась о нее баржа со спиртом, сплавлявшимся в Якутск.

После впадения в Лену мощного притока Витима она широко разливается. Почти всюду река течет несколькими протоками между островами. Чем ближе к Якутску, тем больше островов.

Слобода Витим — небольшое селение вблизи самого устья реки того же названия. Устье ее знатоки Приленского края зовут «Золотыми Воротами». В самом деле, все золото со знаменитых Ленских приисков на реке Витиме шло через эту слободу. Здесь хорошо по-

мнят ленские расстрелы. Один из подсобных рабочих на нашем карбасе был мальчиком во время этих событий в Бодайбо. И теперь еще золотая горячка здесь не прошла. В слободе нет хлебопашцев, нет промышленников зверя, ни сплавщиков.

В Витиме мы расстались с лоцманом. Ниже Витима сплавному суду нечего бояться мелей. Единственная опасность — заблудиться среди островов. Мы надеялись довести наш караван до Якутска без лоцмана, при помощи судоходных карт. Наше судно плыло с высоким паводком. Он должен был помочь нам в том случае, если бы мы сделали ошибки при управлении. Распределив вахты по-морскому — на руле, у мотора и на карбасе, — мы плыли безостановочно. Только вблизи самого Якутска пришлось переждать сильный ветер.

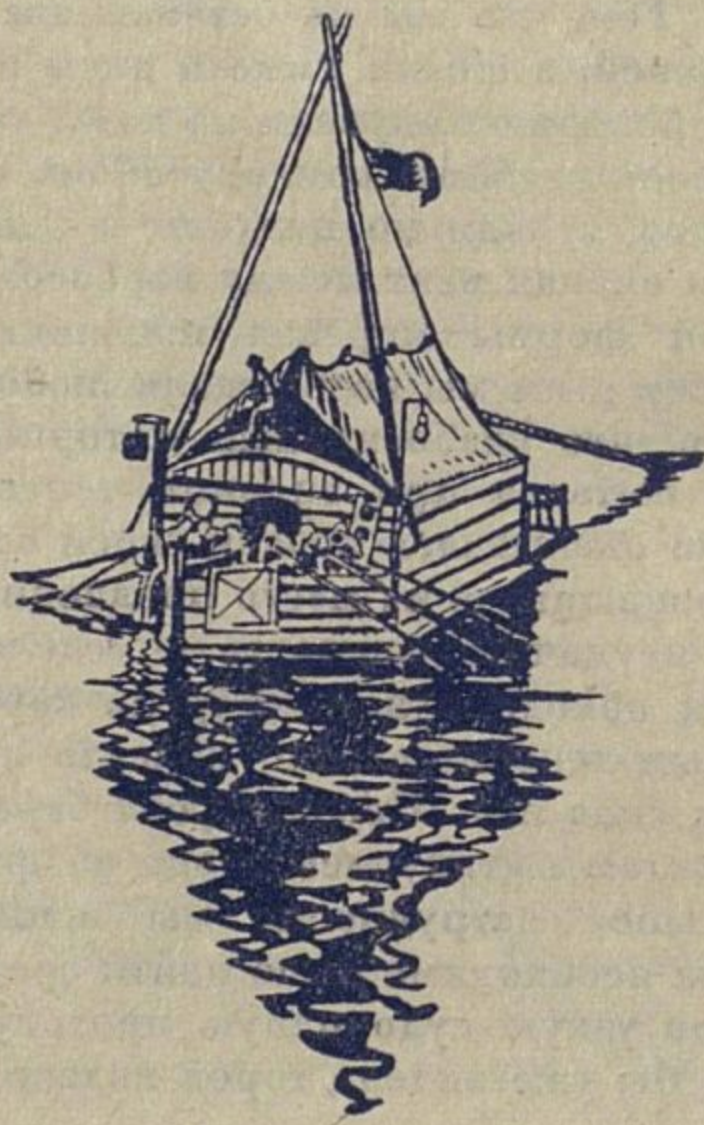
Вообще же говоря, наш караван представлял необычное зрелище. Тем, что мы не останавливались у паровых пристаней, а плыли мимо и днем и прозрачной ночью, даже провизию покупали на ходу, тем, что наши спортсмены, составлявшие команду обоих судов, коричневые от загара, гуляли по палубам в одних трусиках и изредка при сменах вахт между карбасом и ботом гуляла стройной формы морская шлюпочка с голыми людьми, — всем этим мы возбуждали любопытство.

Бывало еще, что слабосильный моторный бот в местах, где он пытался при сильном течении пересечь реку, внезапно оказывался позади своей баржи и с усилием снова возвращался на место предводителя. Мы называли такие неудачные маневры — «сделать турмана». Один раз при обходе одного острова карбас был подхвачен сильным течением. Оно нанесло карбас на остров. Паводок спас нас. Срезав кусок берега, мы по затопленным кустам вытянулись снова на фарватер.

Самое большое затруднение мы испытали вблизи Якутска, когда необходимо было найти среди бесчисленных островков узкую судоходную протоку, на которой стоит город. Мы уже видели город издали. Но по мере

нашего движения избранная нами протока начала быстро сужаться до нескольких десятков метров. Стоя у руля и направляя караван, я пережил в этой протоке несколько неприятных мгновений. «Неужели здесь, у самого Якутска, мы попали в глухую протоку? Вывозка всего имущества займет невероятно долгое время. Может сорваться вся экспедиция!» Как бы в ответ на эти мысли, из-за густых зеленых тальников, — в них, казалось, потерялась уже протока, — появился пароход.

Через полчаса мы подходили к самому Якутску. Сделав еще одного «турмана» на глазах зрителей на набережной, странный караван наш, «слон на буксире у клопа», с полуголым, бронзовым после месячного пребывания на солнце, экипажем, лихо причалили у самого города.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Безразлично, с юга или севера, зимой или летом, подъезжая к Якутску, вы уже достаточно устали от долгой дороги, от постоянной смены лиц, от безбрежного простора первобытной страны, от созерцания бесконечных лесов. Хочется скорее увидеть столицу самой обширной нашей республики, город шестидесятиградусных морозов. Уже смотришь на прекрасные виды почти равнодушно, даже на знаменитые «Ленские Столбы» — гигантские обнажения кембрийских гранитов.

Якутск с реки мало приметен. У небольшой протоки, на невысоком месте стоят группами приземистые деревянные бурые здания. Часть их, на окраинах, каждый год заливается вешними водами. Когда поднимаешься от пристани на берег, первыми бросаются в глаза полуразрушенные стены с красным флагом — бывший монастырь. Тут в уцелевших постройках теперь расположен Якутский музей. Левее его белый двухэтажный, старого купеческого типа, каменный дом — это почта. Дальше — ряды низких деревянных построек.

Одноэтажные домики еле выглядывают из-за бесконечных поленищ дров, заготовленных на зиму. У берегового откоса, полузаваленного теми же дровами, досками, бревнами и частями полуразобранных карбасов, вытянулись в линейку, вперемежку с железными баржами, пловучие домики на новеньких паузках. В них идет бойкая торговля. Среди ряда паузков и карбасов дымят один или два парохода.

Если отойти от берега, попадешь не в центр города, как ожидаешь, но в одну из пустынных улиц. Дома в них типичные сибирские, из лиственничных бревен, красно-коричневые от времени, с потемневшими ставнями и тройными рамами. По сторонам обычные для всей нашей провинции шаткие деревянные тротуары вдоль длинных заборов из карбасных досок. По окраинам города немало еще якутских юрт. Ни садилов, ни палисадов в Якутске нет.

Центр Якутска похож на средний провинциальный русский городок. Есть тут и собор, и древний гостиный двор, на площадях ларьки и лавки. На базаре — лабазы с прочными запорами, около них большие весы с рядом пузатых двухпудовых гирь. Особенность Якутска — длинные коновязи на площадях, таблички с названием улиц на якутском языке и странные вывески у мясных лавок — конские и бычьи головы. Все это создает облик провинции. Вероятно, скоро изменится лик Якутска. Здесь — столица молодой республики.

На одной из главных улиц стоит кирпичный двухэтажный (редкость в Якутске) дом. На нем скромная с государственным гербом вывеска «ЦИК Якутской АССР и Совет Народных Комиссаров». У дома — один-два извозчика на маленьких мохнатых лошаденках и в черной шинели и фуражке с красным околышем скуластый, с раскосыми глазами якут-милиционер.

Новый в Якутске человек всегда пугается при первом переходе через улицу. Здесь почва под ногами колышется, как на трясине. Это явление свойственно вечной

мерзлоте почвы. Нога вступает на тонкую корку ссохшейся грязи. Под ней находится не имеющая стока жидкая грязь. Оттаивающий слой почвы здесь не превышает метра. Мерзлота же идет до неизвестных пределов.

В начале XIX века якутский купец Шергин решил вырыть колодец. Колодец рыли несколько лет, углубив его до 116 метров, но так и не могли дойти не только до водоносных слоев, но и до талой земли. Этот колодец, известный под названием шахты Шергина, сохранился до настоящего времени. Мы осмотрели его во время пребывания в Якутске. Над шахтой возведена построечка, дверь держится на запоре. По нашей просьбе дворник бывшего Шергинского дома открыл дверь построечки. Затем он, вытащив из сруба над колодцем связку мороженных стерлядей и кусок мяса на веревке, предоставил нам возможность заглянуть внутрь. И сруб, и сам колодец заплыли льдом, который образуется от сгущения водяных паров наружного воздуха при соприкосновении с холодным воздухом шахты. Отверстие колодца быстро затягивается льдом. Два года назад, по поручению Академии наук, один из сотрудников пробил отверстие во льду с целью измерения температуры на разных глубинах. Сколько известно мне, эти измерения температуры так и не были произведены. В 1929 году шахта снова покрылась льдом, в срубе оставалось отверстие не больше 40 сантиметров.

Шергинская шахта, вместе с остатками деревянной городской стены, воздвигнутой казаками (теперь от нее осталась только одна башня своеобразной архитектуры), и городским музеем — вот, кажется, все достопримечательности старого Якутска.

Якутия — страна путешественников. В Якутске не найдется человека, сидевшего всю жизнь на месте. Каждый из якутян — на пароходе ли, в санях или верхом — проехал по много тысяч километров. От Якутска до Вилюйска — 600 километров, до Олекминска —

800, от Якутска до Верхоянска — 1 100, до Булуна — 1 300, до Средне-Колымска — 2 300 километров. Вот расстояния до окружающих городов.

По верховым тропам, сплавом, на лодках, пароходах и на санях, зимой и летом, через горы, пади и бурные реки едут по делам администраторы, служащие торговых организаций и местные жители. Едут с женами, с грудными младенцами. В дороге хоронят и женятся, рожают детей. В Якутске встретите людей, всю жизнь проводивших в разъездах, для них юрта и седло привычной стула и кровати. Среди разъездных агентов факторий, скупщиков пушнины, инструкторов и сопроводителей почт есть не имеющие дома. Ходят здесь по учреждениям проводники по профессии, сухие, как вяленая вобла, с дубленой кожей на лице, легкие на ходу люди. Они расскажут, какой сорт обуви пригоден в разные сезоны, другие посоветуют, на сколько дней провизии и в каком виде нужно взять, отправляясь в Сейм-чан или в Оймекон, в места, которые и в Якутске известны больше по наслышке, куда человеку меньше чем на два года нет смысла ехать.

Свежий человек, попавший в Якутск, поймет одно: тут темп жизни не наш. Здесь не думают с ужасом о двухмесячном пути на лошади с вьюком, а зимой, прощаясь, на вопрос — надолго ли — отвечают:

— Нет, скоро вернусь, месяца через три, однако, увидимся.

Путешествие в Иркутск или Булун, которое на пароходе в оба конца отнимает только полтора месяца, считается за увеселительную прогулку.

Наша экспедиция к отдаленным островам Ледовитого моря оказалась необычной и для Якутска. Среди бывавших всюду якутян не оказалось человека, посетившего эти острова. По этой причине наше предприятие привлекло особенное внимание. Мы получили полное содействие не только со стороны якутского правительства и различных организаций, но приобрели

множество доказательств желания помочь и облегчить нашу трудную задачу со стороны людей всех положений.

В Якутске нам пришлось задержаться неожиданно долго. Ремонт шхуны «Полярная Звезда» затянулся. Когда шхуна, наконец, была приведена в относительный порядок, не оказалось баржи с подходящим для нашего груза тоннажем. Нужно было ждать прибытия ее с верхнего участка Лены.

Мы прожили в Якутске двадцать дней. Дни мы проводили в хлопотах по снаряжению, закупая последнюю провизию. За это время успели осмотреть огромный Якутский музей с прекрасными экспонатами из северных областей. Посетили и питомник лисиц, чернобурых и сиводушек; некоторые были совсем ручные, как собачки. Делали доклады в ученых обществах, перезнакомились со всем городом.

В летний период трудно представить, что в этом же самом городе по зимам стоят шестидесятиградусные морозы. В селе Покровском, в 30 километрах от Якутска, вызревают помидоры и арбузы. Эти южные плоды подаются зимой в этом странном городе замороженными. В июле не находишь места от жары. По лишенным зелени улицам несется пыль, тянет душный ветер, река полна купающихся, чудесный якутский квас распиивается четвертями.

Прохлада наступает только вечером. За неимением садов и скверов здесь собираются по вечерам у завалинок. На скамеечке у ворот академической базы, где мы остановились, все места бывали заняты. Засиживались позднее прозрачной полуночи, особенно если затягивалась очередная партия в рюхи. В этих партиях, наряду с нашими товарищами, принимали участие жившие по соседству народный комиссар, прокурор Республики и дворник метеорологической станции. Этот катался на спинах высокопоставленных товарищей чаще других.

Якутяне любят встречать и провожать. К приходу пассажирского парохода собирается едва ли не четверть всего населения. В прошлом году я ехал на пароходе в низовье Лены, которое посещается два-три раза в навигацию. Тогда нас провожали бесчисленные толпы. Набережная, залитая народом, пестрела, как луг, ситцевыми платками, платьями, пиджаками и рубашками всех цветов. Обе баржи, пассажирская и грузовая, загруженные мешками, бочками, досками, тюками, живым скотом и высокими трудами сена, стояли, как возы перед дальним путем. С последним свистком парохода заволновалась толпа. Понеслись с барж и парохода, затлушая свисток, прощальные крики: «проща-ай, проща-а-й». А в городе лаем и воем откликнулись собаки.

На этот раз мы отъезжали скромно: шхуна из-за начавшегося мелководья отведена была за 7 километров от города. Никто не заметил, как семь человек сели в моторный бот и уехали к шхуне, как несколько часов спустя застучал мотор «Полярной Звезды», стреляя копотью в зеркальную гладь воды, и замелькали платки маленькой группы людей на пустынном берегу с кустами.

Около 1630 года кучка казаков-полуразбойников плыла на самодельных стружках из Мангазеи по реке Вилюй в «великую реку Лену». Замечая по берегам землянки и юрты диких туземцев, казаки причаливали к берегу, чтобы, по понятиям наших времен, пограбить, а по разумению живших в XVII веке — «взять ясак», т. е. обложить туземцев данью, по праву сильного, по праву превосходства оружия и дерзости. Два года спустя другая группа казаков сплыла по Лене из устья реки Куты. Дойдя до места, где ныне стоит Якутск, казаки задержались, устроив здесь по обычаю высокий острог с башнями и бойницами. В ближайшие же годы другие группы смельчаков уже из Якутска поплыли дальше вниз по Лене за добычей и на разведку новых

богатств. Но удержаться крепко в низовьи не удалось. Скудная природа и очень редкое население не сулили тут богатой жизни. Так и осталось низовье Лены незаселенным до последнего времени. Была попытка построить большой городок около Жиганска, но загдох он после разорения тунгусским племенем.

И ныне от самого Якутска до Жиганска судно плывет по пустынной реке. На первых двухстах километрах, недалеко от берега, стоят еще незаметные с реки небольшие якутские поселки. Дальше же, начиная с устья Алдана и до Жиганска, путешественник напрасно стал бы высматривать по берегам следы человеческого жилья. Только в Сангар-Хая у недавно начатых разработок каменного угля, да в редких местах у тунгусских летних стойбищ можно увидеть дымок, выдающий присутствие человека.

После Жиганска на берегу изредка можно увидеть рыбацьи юрты, а ближе к Булуну и становища, — низовья Лены богаты рыбой. Каждое лето из Якутска сплывают сюда на летний сезон рыбаки, с последним пароходом возвращаются домой. От Булуна до дельты берег кажется совсем населенным: всюду у песчаных берегов стоят конические юрты, летние тордохи¹ и рубленые избушки. В действительности же населенных мест ниже Булуна только три: Аякыт, Кумасхурт и Булкур. Каждое из них состоит лишь из нескольких домиков. Все же остальные поселки — сезонные, здесь живут только летом во время хода рыбы.

Самой пустынной Лена кажется в местах, где шире всего раскинулись острова. Тут, если бы и было жилье, все равно со стороны реки его бы и не увидеть. С палубы парохода коренные берега Лены заметны только издалека. Река ниже Якутска представляется в виде протоков между лабиринтов больших и малых островов и островков. Почти все острова заросли сплошь ивня-

¹ Конический шатер из оленьей кожи.

ком, елями, лиственницей и ольховником. Редкий из этих островков имеет название, а сколько их — не знает никто. Даже на новейшей карте издания 1928 года Лена изображена лишь частично в виде судоходного русла ее с главными островами, лежащими поблизости главного фарватера. И лоцманы двух плавающих в устье пароходов знают только этот фарватер, но не имеют представления о бесчисленных протоках в стороне от него. На этом участке даже самые опытные лоцманы должны быть все время на чеку, чтобы не сбиться с пути между похожими один на другой островками, не завести караван в незнакомую часть реки.

Говорил мне лучший лоцман на Лене, якут Богатырев, что есть, вероятно, кроме обычного пути пароходов, много других судоходных протоков. Бывали случаи, лоцманы, заблудившись, выходили к знакомым местам по новому фарватеру. Но кто отважится исследовать неизвестную часть без необходимости? В осеннее время, когда прекращаются белые ночи, лоцманы не берутся вести пароходы ночью, а всегда становятся на якорь при сгущении сумерек.

Когда плывешь по нижнему участку Лены, она не кажется широкой. Только в отдельных местах, где острова не столь часты, получаешь понятие о массе воды, стремящейся в Ледовитое море. Матерые берега невысокие, большею частью обрывистые, синеют где-то в недосыгаемой дали, почти скрываясь во влажной дымке над бесконечным водным простором. В тех местах, где коренные берега низки, в промежутке между островами иногда кажется, что небо сходится с водой, как в море. И воздух дрожит маревом, как в приморской местности.

В самом нижнем участке, перед дельтой, Лена, стесненная высокими Хараулахскими горами, снова собирается в одно русло. Вблизи Булуна Лена стремится одним потоком шириной от 2 до 6 километров. Здесь глубина реки достигает местами 30 метров,

Наш караван состоял из шхуны, которая вела на буксире железную с высокими каютками в два этажа баржу «Тюменка», за баржей шли несколько шлюпок и наш моторный бот. На палубе баржи совсем усадебная обстановка: штабелями сложены доски и кирпичи, как на дворе усадьбы, разложены для просушки овощи, золотятся на солнце лук, алая морковь и картошка. На носу у копен сена — мирно жующие четыре коровы. Плывя по нижней Лене, мы имели достаточно времени заняться всякими хозяйственными делами — распределить на две очереди груз, починить укупорку ящиков, уже проделавших около 8 тысяч километров, и перебрать запасы овощей. До устья плыть далеко.

На деле мы плыли даже дольше, чем предполагали. Мотор шхуны начал пошаливать вскоре после отплытия. А после того, как мы посидели на мели вблизи устья Алдана, остановки из-за капризов мотора стали постоянными. Поэтому, кроме остановок, соответствующих нашим планам, мы имели несколько совсем непредвиденных.

Первая плановая остановка — в Сангар-Хая. Здесь недавно начата разработка каменного угля, — это первые угольные копи в Якутии.

Якутия — страна сплошного леса. До революции никому не приходило в голову использовать многочисленные залежи каменного угля. Вероятно, и в других местах есть богатые залежи угля по берегам рек. В настоящее время известны только выходящие наружу, которые трудно не заметить, плывя по рекам. Слои угля выделяются в обрыве резкой, черной полосой: бери, добывай прямо с поверхности и грузи в судно. Сангар-Хая — одно из таких месторождений. У высокого нагорного берега Лены мы заметили стоящую у берега баржу. Мостки с нее вели прямо к штольне, выбитой в вечной мерзлоте. Прямо из штольни уголь ссыпался в баржу.

Этот уголь было решено взять для топлива будущего

дома на Ляховском острове. Мы быстро нагрузили нужное нам количество из баржи. Теперь уголь добывают здесь для отправки во Владивосток. Госпароходство с будущего года намерено также переделать для отопления углем котлы пароходов, плавающих на плесе нижней Лены, где заготовка дров всегда сопровождается трудными зимними экспедициями в ненаселенные места, а ежедневная погрузка дров заставляет держать на пароходе двойной штат команды. Есть надежда, что и в Якутске благодаря этому углю скоро разредятся несколько бесконечные поленицы дров; тем более, что добыча угля и доставка его водой совсем не затруднительны.

Вторую остановку мы сделали в Жиганске, чтобы накосить коровам свежей травы. Жиганск до сих пор носит название заштатного города. На самом деле это одно из самых жалких селений, какие мне приходилось видеть. С ним может поспорить только Усть-Янск, такой же заштатный городок на реке Яне.

Издали, с реки заметны две церкви и группа построек — нечто похожее если не на город, то хоть на село. Но, ступив на берег, видишь, что весь этот «город» по существу состоит из двух обветшалых церквей с поповским домом, двух рубленых избушек и десятка якутских и тунгусских юрт — да еще скамеечки на берегу реки. Население здесь, если судить по надписи на доске у берега, — 118 душ «мужеска и женска пола». Видимо, в счет населения включаются и обитатели ближайших тунгусских стойбищ.

В этом году нам не было времени подробно осмотреть Жиганск. Я познакомился с ним в 1927 году во время долгой стоянки парохода, переживавшего бурю. Тогда я посетил большую часть домов и частенько заходил в факторию Якторга для бесед с заведующим Поповым, прожившим здесь безвыездно десятков лет. Тогда в лавочке при фактории ассортимент товаров, остаток от зимы, был небогат: два куска мыла, чайник, сверток

сыромятной кожи, 15 пачек папирос и 3 якутских ножа, — вот все товары. Правда, с пароходом пришел уже новый ассортимент на целый год.

Темнота туземцев и привычка к зависимости, к долгам и незнание своих прав создают плодородную почву для процветания ловких дельцов и в настоящее время. В том же Жиганске при остановке парохода мы наблюдали, как из юрты в юрту воровато шныряли какие-то озабоченные люди и возвращались к пароходу крадучись, пряча за спиной узелки с пушниной.

Борьба со всякого рода хищниками в стране, где на несколько тысяч квадратных километров приходится один представитель администрации, чрезвычайно трудна. Как изловить плывущих в лодке спекулянтов в лабиринте ленских островов? Эти хищники избегают плыть по главному фарватеру в тех местах, где есть возможность встречи с администрацией. Даже в том случае, если бы имелись на реке посты, то и тогда догнать лодку хищника среди множества покрытых лесом островов представлялось бы почти безнадежным делом.

Все эти острова не высоки — несколько метров над уровнем воды — и в большинстве закрываются в половодье водой. Более крупные из них нередко прорезаны узенькими протоками, похожими на маленькие речки и ручейки. Их почти не видно с воды. Такие места даже при наличии плотного населения были бы прекрасным убежищем для всякого рода контрабандистов.

На одной из невольных остановок мы высаживались на берег островка, весьма типичного для нижней Лены. Все эти острова образованы наносами. Плывая по реке, можно наблюдать все стадии образования островов, начиная от песчаной мели, образовавшейся от того, что затонуло в этом месте пропитавшееся водой дерево и задержало стремящийся по дну с течением песок. Раз образовавшаяся отмель всегда имеет наклонность увеличиваться и рано или поздно превращается в песчаный остров. Пройдет много лет, прежде чем остров

зарастет ивняком. Во время половодья кусты ивняка станут задерживать грязь, мелкие сучья и щепки. В результате через несколько лет поверх песка лягут слои перегной, на котором в конце концов через столетия вырастет густой лес. В дальнейшей жизни острова на нем продолжают откладываться слои хвои, перегной растительности, осадков почвы, несущейся с высокими водами, и вот — перед вами типичный ленский остров.

Острова не только рождаются и живут, — они и умирают. Смерть приходит внезапно. Где-нибудь на фарватере по соседству образуется новая мель, из нее вырастает новый островок. Стесненное преградой течение кидается в сторону, фарватер изменяет свое направление, и быстрое течение начинает подмывать старый остров. В несколько лет от него может не остаться и следа; остров тает буквально на глазах. Проплывая мимо, видишь, как осыпается подмытый берег, как отваливаются в воду лишённые опоры деревья, как садятся в воду целые группы стволов с обнаженными корнями и уносятся водой. Грунт с такого погибающего островка относится на новую отмель. А лес, росший на острове, разбрасывается по берегам всего Ледовитого моря в виде «плавника». Елями, лиственницами и тополями, выросшими на Лене, будут топить камельки и печи на островах Ледовитого моря. Этим же плавником воспользуются эскимосы в Гренландии. Обломки стволов, вынесенных с берегов Лены, находили на берегах Лабрадора, в Америке.

Когда выходишь на берег ленского, покрытого лесом, острова, первыми бросаются в глаза высоко торчащие обломки деревьев и оголенность стволов в нижней части. Это — следы могучих ледоходов. Лед обламывает или валит все деревья метров на 10—15 от берега. Кустарники же в прибрежной части изуродованы сплошь. Обыкновенно древесные насаждения на островах очень густы, в глубь леса лед проникнуть не может. Зато вода в половодье, цедясь через лес, как через

решето, оставляет между деревьями множество ила, сучьев, коры, обломки смытых выше деревьев, целые стволы и всякий мусор. Во многих местах скопление плавника столь велико, что и без того густой лес становится совершенно непроходимым. В течение часа мы, не отойдя от берега и четверти километра, прокляли нашу затею проникнуть в глубь девственного леса этих островов. Выбрались на чистый берег, искушенные до волдырей комарами, покрытые грязью с ног до головы: все деревья и плавник залеплены ссохшимся илом. В предыдущем году мне пришлось побывать еще на нескольких островках. Все они различаются только большей или меньшей густотой леса и разной степенью влажности почвы. Некоторые острова сплошь болотисты, другие посуше.

Здесь для всякого рода дичи, пернатой и лесной, истинный рай. Один из наших спутников, побродив с ружьем по узким проточкам и островным озеркам, вернулся с полным ягташем. Едва мы успели войти в лес, как увидели свежий помет медведя и несколько дальше — отпечатки копыт двух лосей.

Среди всех этих похожих один на другой островов резко выделяется единственный на всем протяжении Лены гористый, составленный не наносными почвами, но каменными породами, остров Аграфены. Он стоит в 70 километрах выше Жиганска.

Про этот остров рассказывают легенды, в них была переплелась с вымыслом. Есть предание, что невдалеке от места, где стоит ныне Жиганск, в древние времена был основан казаками городок Красное. Город существовал недолго, он был уничтожен набегом непокорных туземцев. О существовании Красного и разорении его имеются исторические записи. Дальше легенда говорит, что три обитательницы Красного, из которых одна звалась Аграфеной, не подчинились распоряжению жить в Жиганске, но поселились на гористом острове. Пытались и другие перенести жилье на остров,

который никогда не заливается водой, но Аграфена, обладая волшебной силой, губила всех высаживавшихся туда. В числе погибших от руки волшебницы был и парень, который любил Аграфену. Эта якутская Лоре-ля обложила данью окрестных жителей и все суда, проплывавшие мимо острова. Проезжие должны были нести дары Аграфене. Существует между якутов поверье, что разбойница Аграфена и ее сестры и поныне живут на острове в виде ведьм, которых всякий проезжий обязан умиловить приношением дара.

Подобных легенд у якутов рассказывается множество. На лесных и горных тропинках имеется немало приметных мест — необычайной формы дерево, одинокая гора, крутая падь или бурливый поток с водопадами, стоящая отдельно скала. Все эти приметные места дают толчки воображению. Почти с каждым из них связываются суеверные представления. Минуя такие места, якут считает долгом принести дань духам, обитающим поблизости. Всегда около жилища духов якут остановится, чтобы повесить на куст или ближайшее дерево тряпочку, кусочек ремня, пучок волос из конского хвоста или клочок оленьей шерсти, бросить щепотку табаку или старую кость. Даже в пустынной тундре стоят местами одинокие палки или колышки, сплошь увешанные такого рода приношениями.

Плывя в предыдущем году мимо острова Аграфены, я видел, как якуты на палубе задолго до острова начали готовить дары волшебнице. Из бересты делались лодочки с фигурками на веслах и руле, изображавшими подобие домочадцев лица, приносящего жертву. Эти лодочки были щедро нагружены кусочками хлеба, сахара, спичками, обрывками цветных тряпок и мелкими монетами. С полной серьезностью взрослые якуты, пуская на воду эти игрушечные лодочки, провожали их глазами, пока жертвы не скрывались из вида. Не исполнившего этого обряда вблизи острова Аграфены, по верованиям якутов, ждут в низовьях реки всякие беды.

Несколько ниже острова Аграфены главное русло Лены подходит к высокому левому коренному берегу, в обрывах которого всюду видны слои каменного угля. Эти слои выходят также и у Жиганска и дальше до самого Булуна. Здесь же проходит полярный круг. Чувствуется уже дальний север. Лес у Жиганска невысок и состоит почти исключительно из одной лиственницы. Ближе к Булуну леса редеют, становятся ниже; горы издали кажутся почти голыми. Ближе замечаешь низкорослые, редко стоящие, чахлые и искривленные лиственницы, похожие на кустарник. Они группируются теснее по лощинам и на склонах гор. Граница леса недалеко, она проходит вблизи острова Тит-ары. Ниже Булуна, у поселка Аякыт, срезал я перочинным ножом взрослое дерево высотой около 4 метров и толщиной 5 сантиметров. По срезу можно было определить его возраст, сосчитав число годовых колец: дереву было 115 лет.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ранним утром 31 июля, на одиннадцатый день после Якутска, приплыли мы в Булун. Булун после революции стал административным центром громадного округа, который обнимает весь север Якутии от Хатанги до Алазеи; по площади округ равняется приблизительно Швеции и Норвегии, взятым вместе. Город распадается на две части: самый Булун на высоком склоне левого берега Лены и Кюсюр на другой стороне реки, на невысоком заболоченном берегу в расстоянии около 7 километров. В Булуне — окружной исполком и все правительственные учреждения, в Кюсюре — исключительно торговые фактории и склады продовольствия и пушнины. От Кюсюра же идет торговый путь на Верхоянск и Казачье.

Лена несколько выше Булуна собирается в одно русло. У Булуна и ниже — Лена, могучая река шириной от 2 до 6 километров, пробившая ложе между крутых каменистых берегов: к самой реке подходят отроги Хараулахских гор. И здесь в береговых обрывах видны следы каменного угля.

Наша первая остановка в Кюсюре — против фактории Якутгосторга. Селения с реки почти не видно. За высоким валом щебня и льда, выброшенных на берег стремительными ленскими ледоходами, видны только крыши торговых складов. Остальные постройки разбросаны по тундре тремя группами на протяжении почти 2 километров. Одна из них — поселок, низенькие домики вперемежку с юртами сгрудились у деревянной церкви с покосившимся крестом. Тут же кладбище. Ветхие позеленевшие кресты, колышки и новенькие столбики, увенчанные пятиконечными звездами. Одна из могил привлекает внимание надписью:

*РСФСР. Братская могила красноар-цев и комсо-
става Булунского экспедиционного отряда, умер-
ших от болезни цынги 23 чел. в начале 1923 года.*

Это следы гражданской войны. Волна ее с запозданием докатилась до севера, когда разбитые и вытесненные из Сибири отряды генерала Пепеляева пошли искать в бесконечных лесах и тундрах новых авантюристов и пытались насаждать белую власть в населенных пунктах, состоящих из нескольких тунгусских или якутских юрт.

Поодаль от первой, среди чахлого кустарника в тундре, вторая группа построек: дом с амбарами и кладовыми. Вокруг свалены груды лиственничных дров, перевернутые олени и собачьи нарты, у одной стены возки с кибитками, похожими на маленькие домики с окошечками: в таких разъезжали прежде чиновники, заседатели и исправники. Жилой дом фактории заселен до крайности. Комнаты отделены дощатыми, не достигающими до верха перегородками и ситцевыми занавесками. За занавесками — кровати и нары. В канцелярии — разбитая до крайности машинка Ремингтон, на самодельных полках — груды папок, а на столах, закапанных лиловыми чернилами, — бланковые штампы и печати из мамонтовой кости.

По случаю приезда гостей на длинном столе в общей комнате, большой и пузатый, блестит самовар; на блюде — груды сдобных булок, чудесных кренделей и ватрушек теплых, только что из печки. В тарелках — юкола, пупки¹ нельмы и стерляжья строганина.² Обычай севера — предложить гостям лучшее угощение, как видно, соблюдается и в фактории. При виде вкусных и свежих постряпушек в обыкновенный будний день подумаешь, что здесь едят их ежедневно. Знакомый с местным бытом знает, что живут здесь в общем скудно, а все эти вкусные вещи и постряпушки подаются только в самые большие праздники и редким гостям. Но на случай неожиданного приезда комплект такой закуски в замороженном виде хранится на погребке в мерзлоте и разогревается на скорую руку в несколько минут.

Чинные хозяйки тоже в праздничных нарядах. Туго заплетенные косы, шелковые наколки, платки и платья покроя восьмидесятых годов, богатые шали, серьги и броши кустарной работы, в руках серебряные трубочки с мундштуками. Женщины жеманно сидят у уголка стола, безмолвные и прямые.

Широкоскулый, с умными маленькими глазками, якут, заведующий факторией, рассказывает про минувшую зиму:

— Заготовили за зиму 5500 песцовых шкурок, белого медведя около десятка, жиганского соболя десятка два. Большая часть песцовых пойдет за первый сорт. Задания мы выполнили. Однако выполнять их становится с каждым годом труднее. Почему? — Нет, промысел не падает. Промышляют не меньше, чем раньше. Быть может даже больше. Но много шкурок уходит. Плынут из рук в руки стороной. В Якутске, всем ведь из-

¹ Так называют самую жирную часть рыбы — брюшко.

² Мороженная сырая рыба подается на стол в виде тонких стружек.

вестно, песец не ловится. А посмотрите, сколько сдают там. Множество! Это здешние же песцы и колымские; попавшие к частнику. Большой процент уходит от нас. Причина? — Очень простая. В первое время фактории продолжали купеческую политику: закрепить за собою промышленника. Открывали кредит, кому сколько надо. Результаты сказались скоро. Недобросовестный промышленник, задолжав одной фактории сумму, которой заведомо не выплатить, несет промысел другой организации и у этой забирает необходимые продукты. И получает также небольшой кредит. В конце концов он должен всем. Мы не можем даже взыскать долгов в полном размере. Ценные вещи так же, как пушнина, всегда укрываются. А остальное — юрта, разное хозяйственное добро, одежонка да шкура оленья вместо постели, — много ли они стоят? Но сплошь и рядом другой подставной, чистый от долгов, промышленник сдает пушнины на тысячу рублей. И есть между ними субъекты с долгом в четыре и пять тысяч.

«Теперь кредитование ограничено до самых малых размеров, только беднякам. И беспощадно боремся со злостными неплательщиками. Однако главное зло в наличии конкурирующих организаций. До тех пор, пока промышленник не будет иметь дело только с одной организацией и не будет прекращен прием от лиц, не занимающихся промыслом, пушнина не перестанет уходить в чужие руки.

В одном из домиков кюсюрских мы посетили мастерскую кустаря-самоучки, резчика и токаря по мамонтовой кости. В темном углу стоит самодельный токарный станок, около него несколько стамесок и пил. Вот все оборудование. Во всем Булуне штемцеля и печати его работы. Показал нам кустарь шахматы, портсигары с надписью «Булун», мундштуки, ножи для бумаги и стаканчики для карандашей. Все эти вещи ничем не отличаются от изделий из слоновой кости, хотя работа

довольно груба и безвкусна. Изделия хорошо раскупаются местными жителями и редкими приезжими. Кустарь существует безбедно. Жалуется на отсутствие образцов и инструментов, особенно для полировки.

Этот промысел ждет еще организатора. Драгоценная кость на месте дешева. Для мелких изделий и для изготовления полуфабрикатов можно пользоваться низшими сортами, даже сильно попорченными, выбирая из них годные части, в то время как везти такие сорта совсем невыгодно. Здесь в будущем может быть организована большая фабрика изделий и полуфабрикатов из мамонтовой кости.

В Булун мы отправились на нашем «Меркурии Вагине» под парусами и машиной. Моторный катер здесь известен только по наслышке. По этой причине наше прибытие в Булун походило на триумфальный въезд. Со всех сторон развалистым, но легким бегом сбегались якуты, даже хозяйки и старики собирались группами у порогов юрт и избышек. Мальчишки звериными глазами, затаив дух, следили за каждым движением моториста и людей, убиравших на катере паруса. В довершение, едва мы успели ступить на берег, от группы якутов отделился молодой человек в пиджаке и ичехах:¹

— Позвольте приветствовать культуру в лице вашего мотора! Восхищаемся вашим свободным движением среди бурной стихии! Познакомимся. Заведую избойчитальней в этом краю незаходящего солнца.

Булун раскинулся по пологому склону горы на видном месте при устьи речки Булункан. На первый взгляд он похож на небольшое село. Только плоские дерновые крыши, малая величина окошечек, скудная растительность, отсутствие оград, свет полуночного солнца и множество ездовых собак у низеньких юрт напоминают, что этот город самый северный в Сибири, центр един-

¹ Летняя кожаная обувь.

ственной области, лежащей за полярным кругом почти целиком.

Булун сравнительно молод. В прежнее время здесь жили купцы с приказчиками и несколько чиновников. На кладбище пышны могилы этих ушедших властителей тундры. Память о них совсем свежа. Еще помнят старики пословицу: «На небе — бог, в Булуне — Санникóв». Антипины, Новгородовы, Кушнарёвы — эти имена еще не позабыты в тундре. Купеческая власть пала позднее царской. Когда с далекого юга дошло и до Булуна известие о свержении недосягаемого белого царя, население тундры не верило. Все чиновничество, купечество и приказчики сидели на своих местах. Потом, вместо пристава и чиновников, оказались комиссары Временного правительства, стали звать полицию милицией. Но в тундре от того ничто не изменилось.

Только с приходом красных партизан слова Революции превратились в дела. В купеческие дома вселились Якторт, кооперативы «Холбос» и Сибторг. Милицию заняли серьезные люди в фуражках с красным околышем. По-новому сложились экономические отношения. Охотники из тундры снова повезли пушнину и стали получать в факториях свинец и порох, ножи и посуду, масло, муку и мануфактуру.

От Булуна до острова «Столб» и дальше по бесчисленным рукавам и дельтам, которыми Лена изливается в море, — самые рыбные места. Здесь несомненно возникнут в будущем консервные фабрики и заводы для переработки рыбных отходов, вырастут культурные поселки. По богатству рыбой нижний участок Лены занимает одно из первых мест нашей Республики.

Здесь ловятся лучшие сорта рыб. Из лососевых — голец, нельма, теймень, сиги, чир, пелядь, муксун, хариус и кондевка, из осетровых — помесь стерляди и осетра и множество других менее ценных видов. Местные жители улов сваливают в ямы, вырытые в мерз-

лоте, приезжие рыбаки засаливают только отборные сорта. Из нельмы вырезается одно брюшко — «пупки», остальное идет на корм собакам. Осетровая икра, если нет возможности отвести ее быстро в Якутск, выбрасывается, а икру белорыбицы почти никто не ест.

Мы проплыли по этому участку быстро. Дул попутный ветер. Шхуна с поднятыми парусами шла со скоростью пятнадцати километров. Впрочем, таким ходом успели дойти только до острова Тит-ары и встали, — опять зашалил мотор. В то время, как караван наш стоял, сверху показался идущий в низовье пароход «Лена» с баржами. Капитан «Лены» согласился присоединить нашу баржу к своему каравану. Шхуна ушла в бухту Тикси налегке.

Пароход делал остановки у промысловых «песков». На гудок выбегали из кожаных тордохов местные тунгусы, и приезжие якуты-рыбаки торопливо катили на баржи бочки с соленой рыбой. Спешили в каютку — походную факторию Акционерного общества «Туз-балык» (соль-рыба), где измученный бессонными ночами человек, заведующий факторией, принимал рыбу и выдавал артельным рыбакам товары: кирпичи чая, связки табака, пряжу для сетей, соль и бочки, щелкал на счетах и рылся в торговых книгах. Как только заканчивались расчеты с рыбаками, пароход давал гудок и шел к следующему «песку».

В этом году нам не пришлось побывать на берегах самого нижнего участка Лены: пароход стоял у «песков» недолго. Последний «песок» главного русла вблизи островка «Столб». От него Лена расходится рукавами, как пальцы от ладони; отсюда начинается дельта. Высокие каменные обрывы «Столба» видны не только из всех протоков и главного русла, но даже со стороны моря.

С вершины «Столба» хорошо видна высокая гора с могилами известного Де-Лонга и его спутников. Гора эта у местных жителей известна под именем «Американ-

ской горы». В 1881 году вблизи этой горы разыгрался последний акт ужасной трагедии, которой закончилась экспедиция на судне «Жаннета», отправленная из Америки через Берингов пролив на помощь Норденшельду, плывшему тогда на «Веге» вдоль северно-азиатского берега. Во главе экспедиции стоял капитан Де-Лонг. «Жаннета», вмерзнув в 1879 году среди ледяных полей близ острова Герольда, медленно двигалась в течение почти двух лет с пловучим льдом в северо-западном направлении и, наконец, была раздавлена льдами. Путешественники, потеряв корабль, отправились к Новосибирским островам на шлюпках, таща их по льду. Во время бури уже на открытой воде шлюпки разделились. Одна из них со всей командой пропала без вести.

Другая, под начальством Мельвилля, принесена была ветром к тунгусскому селению у одного из восточных рукавов в дельте Лены. Все одиннадцать пассажиров дошли благополучно до русского селения в одной из восточных ленских протоков.

Команда третьей шлюпки, предводительствуемой самим Де-Лонгом, была не столь счастлива. И эта шлюпка также дошла до устья Лены, но в места не населенные и ныне посещаемые только рыбаками. Время было позднее, рыбаки уже откочевали к югу, покинули дельту дикие олени и птицы. Истощенные голодом и лишениями 130-дневного пути, путешественники добрались до Американской горы. Никто уже, за исключением двух матросов, не мог двигаться дальше. Два матроса отправились налегке к югу, рассчитывая встретить жителей, которые оказали бы помощь всему отряду Де-Лонга.

В самом деле, недалеко от Кумахсурта едва державшиеся на ногах матросы набрали на тунгусское стойбище. Тунгусы накормили и одели несчастных. Но никак не могли понять просьбу матросов итти немедленно на помощь Де-Лонгу и остальным. Тунгусы отвезли матросов в Булун. Только в Булунах нашелся человек,

понимавший немного по-немецки. Послали на север вспомогательный отряд.

Но было уже позднее время, начало ноября. Де-Лонга в эту осень не нашли: лагерь был занесен снегом. Лишь следующей весной трупы несчастных были отысканы Мельвиллем вместе с дневником Де-Лонга, трагическим документом, рисующим день за днем постепенное истощение людей, умирающих от голода. Теперь на могиле стоит памятник в виде креста. Тела погибших отвезены в Америку.

Дельта Лены — громадная площадь свыше 30 000 кв. километров, до 250 километров в ширину, с множеством пустынных островков, — своеобразный и неисследованный край. Даже усть-ленские промышленники нелегко находят дорогу среди бесчисленных протоков дельты.

Безжизненные и плоские острова скучным рядом проходят перед глазами, когда плывешь по одной из главных протоков. Все они похожи друг на друга, как камешки на дне. Редко покажется на берегу стадо диких оленей или рассыплются между кочек серые пятнышки — гусиный выводок — и грациозная, на стройных крыльях, проплывет по воздуху серокрылая чайка. Над буро-зеленой тундрой можно увидеть изредка странные уединенные курганы, их местные жители называют «булгуньяками».

Если желаешь получить понятие о природе дельты, достаточно посетить один из островков. На каждом за невысоким мшистым откосом, на который придется подняться, ступите на влажную мшистую почву, обильно покрытую травой и зарослями стелющейся ивы. Редко увидите издали совсем низкие коричневые гряды, заросшие мхом и лишайниками. Чаще всего в поле зрения — однообразная тундра, на ней болотца и озерки на каждом шагу. Спорхнут с этих озер потревоженные вами утки, разбежится кучка линяющих гусей, зальются тонким посвистом, но останутся на озерках нервные

плавунчики, и понесется в вышине с беспокойным нудным криком длинноносая гагара. Из-за коричневой гряды выглянет серая в летнее время мордочка песка, твкнет и скроется. И тучами облепят комары.

По берегам островков всюду плавник. В излучинах проток через скопления его не легко перелезть. А у обрывистых мысов, где происходят во время ледохода напоры льда, берег становится неприступным. Здесь плавник, лед и взрытая почва представляют изумительный хаос. Выброшенный на берег лед не успевает стаивать за лето. Он скопляется год от года и закрывается почвой.

Ближе к морю больше плавника и чаще следы человека: знаки на островах и деревянные песцовые ловушки — «пасти».¹ Изредка можно увидеть деревянный сруб без крыши или конусообразную, обложенную дерном урасу. Это поварни для временных остановок для рыбной ловли или при поездках для вымотра «пастей» зимой. У самого моря есть несколько рыбацких и охотничьих поселков. У крупнейшего из этих поселков — «Быкова мыса» — мы пристали, чтобы взять ездовых собак, купленных мною в прошлом году и оставленных в поселке для прокорма.

В сибирских просторах раз встреченных людей не забывают. Отношения определяются обыкновенно после первой же встречи. Неудивительно поэтому, что на «Быковом мысе» я встретил нескольких друзей. Три дня, проведенные в скитаниях по тундре или в тесной хижине в плохую погоду, сближают. Есть у якутов слово «догор». Оно выражает наше понятие — приятель, хорошо расположенный человек. Все близкие догора автоматически становятся друзьями. Хотя мы и не застали на «Быковом мысе» ни одного из прошлогодних спутников-догоров, их близкие встретили не

¹ Пасть — деревянная песцовая ловушка в виде бревна, висящего над загородкой из колышков или досок.

только меня, но и всю экспедицию не менее ласково, как старых друзей, и оказали неожиданную помощь. На «Быковом мысе» рассчитывал я, видев в прошедшем году погреба, набитые доверху рыбой, запастись и в этом году кормом для собак. Оказалось, что зимой рыба ловилась плохо, в погребах ее почти не осталось. Но из скудных остатков каждый из жителей, считая меня уже знакомым по прошлому году и «догором», дал по несколько рыб. Таким путем набрали мы порядочно рыбы.

Селение «Быков мыс» стоит на морской стороне большого полуострова, соединенного с материком лишь тонким перешейком.

К нашему катеру от низких построечек бегут навстречу пушистые ездовые собаки. На лай выходят хозяева. Через сени, заваленные промысловым снаряжением, вводят в домик. Обычные приветствия: «Здорово, здорово. Капсэ (говори)».

В несколько минут узнаем все новости прошедшей зимы: о плохом улове рыбы, о раннем ходе оленя, образовалась промысловая артель, — председатель ее Угловский, культкомиссия хлопочет о радио. Мои собаки, исключая двух отравившихся, целы. Ждали нас раньше, с пароходом, как было условлено. Но, не встретив тогда, решили всем селением кормить собак. Здесь люди живут неторопливо; задержка на год в большом деле — никого не удивляет. Тунгус, взявший собак на прокорм, уже обучил езде всех молодых. Теперь они везут, как старые. Мне посоветовали подыскать еще одну передовую собаку: «Твой рыжий плоховат». Подали чай с баранками, юколу и строганину. Извинились, что сахара нет.

Вспоминая прошлогодние скитания по тундре Быковского полуострова, помянули тундровых кочевников, всех до одного.

На крайнем севере Якутии, где редок человек, встреча с подобными себе радостна почти всегда. Немного тре-

буется, чтобы приязнь встречи перевести в самые лучшие и даже дружеские отношения. Раз встреченного человека считают знакомым. Если вы чем-нибудь помогли, даже просто выказали участие, вас считают уже другом. Первобытный человек детски доверчив, он подходит к людям с распахнутой душой. В этой доверчивости и лежит причина легкости обмана этих детей природы. Вся система эксплуатации северных туземцев была построена на их темноте и ласковом отношении купца, которое обходилось его диким приятелям всегда слишком дорого.

На «Быковом мысе» передали мне привет от одного старика:

— Тунгус Боярский приезжал к пароходу. Хотел тебя увидеть. Подарок привозил.

Я с трудом, только покопавшись в памяти, вспомнил про этого догора. С ним я виделся в тундре в прошлом году два раза; тунгусы, кочующие поблизости Хараулахских гор, признают его за старшого. Зная это, при первой встрече я просил старика употребить свое влияние для охраны досок Ляховской станции, не вывезенных из бухты Тикси. Спустя неделю, промышленник этот отказал капитану шхуны, стоявшей тогда в Тикси, в перевозке небольшого груза. Мне объяснили этот отказ недовольством старика навязанной ему ролью хранителя вещей, к которым он отношения не имеет. Еще через неделю я снова встретился со стариком в его родной обстановке, в походном тордохе. За чаем между хозяином и моим проводником шел горячий разговор. Не зная языка, я улавливал только отдельные слова. Все же я понял, что речь идет о какой-то плохой муке. Заплесневевшая и подмоченная мука имелаась на шхуне Якторга «Полярная Звезда». Видели мы, что капитан расплачивался с тунгусами за прежние услуги этой мукой. Заинтересовавшись, я спросил проводника:

— Вы говорите о том, что капитан дал Боярскому плохую муку?

— Да, плохой мука, совсем плохой. Собаки не едят, — только выбросить.

Узнал я, что капитан за услуги тунгусов, в частности старика, расплачивался плохими продуктами, считая их по невозможно дорогой цене. Но старик не сетует на даром потраченный труд, а больше всего обижен пренебрежительным отношением капитана и тем, что капитан его, признаваемого всеми жителями за старшого, считает возможным обманывать.

— Я забыл, сколько лет считают меня за старшину, я был проводником у Неелова, Матисена и у Волосовича. Спросите везде, на 300 верст кругом, разве знает кто-нибудь тундру лучше меня. У кого олени в теле? За кем идут при перемене пастбища? Кто лучший здесь охотник? Кто знает все пути оленей в различные годы? Разве не говорили все, что я сошел с ума, когда в прошлом году ушел с сыном на охоту за оленем рано, как никогда не ходил, еще в феврале, в самый мороз. Все кругом качали головой — из ума стал выживать старик! А разве не видели все, сколько набил я тогда оленей. Считать устал, по горло в крови ходил!

— На тебя я не сержусь, напрасно сказали тебе, — продолжал разгорячившийся старик. — Ты со мною говоришь, как с человеком старым. Доски твои схороню. Пусть стоят хоть десять лет. Хочешь, убью оленя. Не хочешь. Ну, хорошо. Ну, подожди.

Старик выбежал из тордоха. Я вслед за ним. Не вздумал бы в самом деле старик колоть оленя. Однако он не набросил аркана, но, подбежав к ближайшему, одним взмахом ножа отрезал мягкий рог, вернулся в тордох и подал мне.

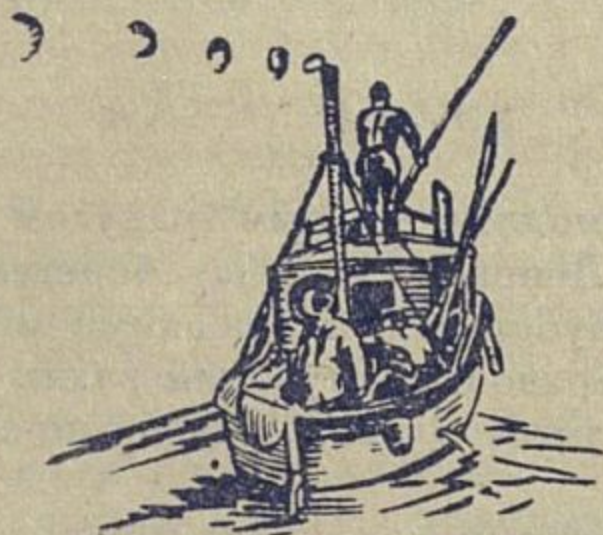
— На, пробуй. Самое вкусное.

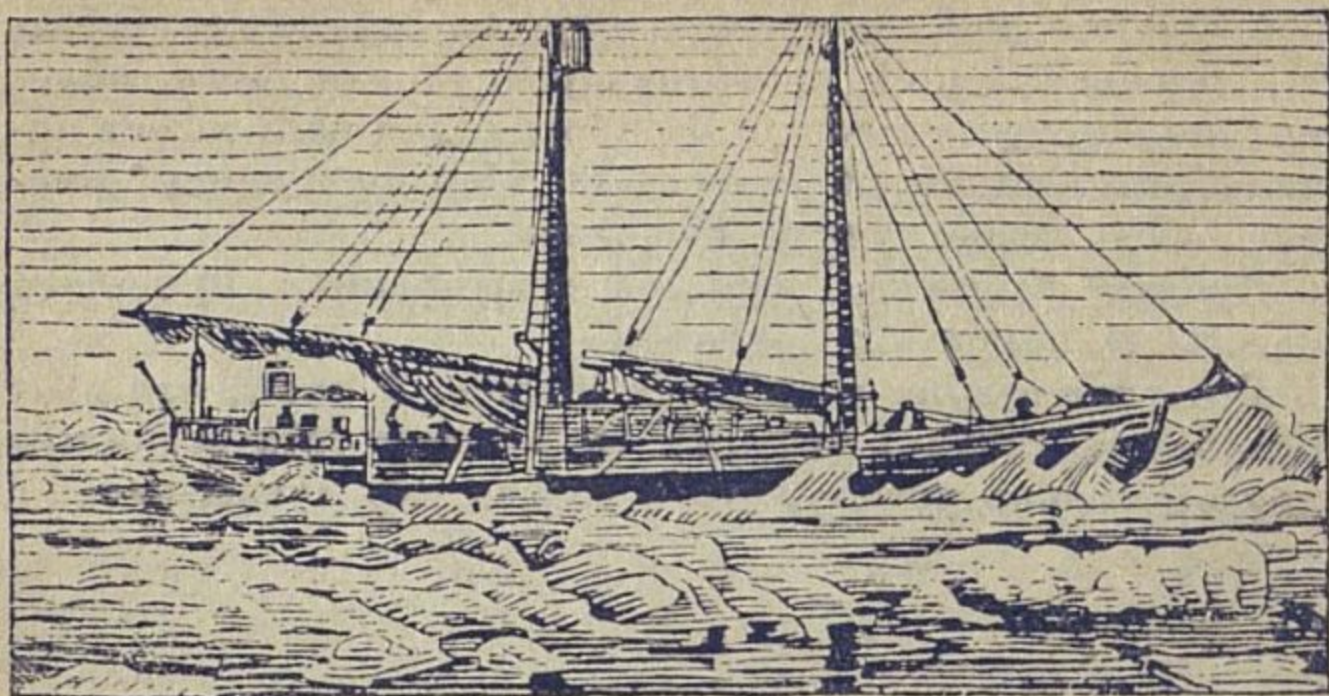
Я был изумлен. Все произошло в несколько мгновений. Этот странный подарок был результатом одного вопроса. Про этот наивный вопрос проводник, видно, успел рассказать. Когда по пути в тундре один из оленей при нечаянном падении сломал молодой, налитый

кровью рог, мой проводник, отрезав его совсем, обвязал оленьей жилой кровоточащий остаток рога, обломок же спрятал на нарту. Я спросил, для чего может понадобиться такой обломок рога. Мой проводник ответил: «Это самое лучшее кушанье».

Лучшее кушанье, скрывая отвращение, пришлось съесть до конца «из уважения».

Вот этот старик и посылал привет. Я знаю, что этот человек не забудет мое имя. Он считает себя истинным другом только потому, что я оказал ему «уважение».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Почти под семьдесят вторым градусом широты, у восточного края Ленской дельты, берегами низменного Быковского полуострова и высокими отрогами Хараудаских гор образован глубокий залив моря. В вершине его находится бухта Тикси, по-якутски — убежище.

Бухта Тикси обширна, глубока и безлюдна. Ни одного домика на ее голых и пустынных берегах. Только изредка можно увидеть в долине у моря тордох кочевника-тунгуса или стадо диких оленей на склоне горы.

Бухта эта — прекрасное место для устройства торгового порта. В ней два рейда: наружный, прикрытый моря островом Бруснева, и внутренний заливчик Булункан. К наружному рейду почти вплотную подходит обширный и глубокий залив Неелова, образованный Быковской протокой Лены. Он отделен от бухты Тикси низменным и узким перешейком.

Вероятно, прорыт будет здесь со временем канал, по которому речные караваны пойдут из Лены в Тикси, не огибая Быковского полуострова, а неглубоко сидящие

морские суда получают возможность доходить без затруднений до Булуна и выше. Тогда бухта Тикси заселится, станет морским торговым портом. Как скоро случится это? Ждать недолго. Северная Якутия нуждается в дешевом хлебе.

За него готова заплатить прекрасной рыбой, пушной, каменным углем и солью. Когда жизнь требует возникновения порта, он вырастает с волшебной быстротой.

Но теперь — молчание пустынных берегов. Теперь свободный пробег лучей незаходящего солнца по местам, где нет предметов, отбрасывающих тени, теперь без эха разносится одинокий крик гаттары и безопасен полет трехугольных гусиных стай.

С нашим прибытием бухта Тикси ожила. Между островом Бруснева и берегом, грузные на воде, осели баржи, дым парохода коптит волшебное-чистое небо, и ночное солнце багровеет в его клубах.

На речном караване, на баржах, едва ли не половина населения Булуна и поселка у Быкового мыса, — все ждут парохода из Владивостока. И сказать на ушко: многие надеются, не перепадет ли рюмочка спирта. На пароходе есть возможности достать.

В 1927 году впервые пришел пробным рейсом в устье Лены пароход Совторгфлота «Колыма». Странно было в этой пустынной бухте видеть облепленный баржами пароход с аэропланами на причалах, на палубах чистенькие фигуры комсостава среди кухлянок и торбасов устьленских жителей. Еще необычнее здесь, под 72 градусом, выглядели роскошные цветы и фрукты на столе в кают-компании, стоявшие со времени посещения Японии. В тот год, пароход, сдав на баржи полный груз муки, галет, чая, мануфактуры, табаку и консерв, благополучно возвратился во Владивосток с грузом ленского угля.

В этом году парохода не дождались. По какой причине — здесь так и не узнали до следующего года.

В Булуне и на речном пароходе тогда не было еще радиотелеграфа.

Лишь впоследствии выяснилось, что посланный в Лену «Ставрополь» дошел только до Большого Ляховского острова. Встретив в море Лаптевых сплоченные льды, капитан парохода не отважился пробиваться через них и повернул назад. На обратном пути «Ставрополь» зазимовал у мыса Северного. В 1928 году еще не было ни одной радиостанции на всем пути от Берингова пролива, — рейс совершался на авось. Больше таких рейсов не будет. Уже теперь построены радиостанции на островах Врангеля, Ляховском и в Булуне. Когда в дополнение к ним заработают новые станции у мыса Северного, в Тикси, в устьях Колымы и Яны, тогда с открытыми глазами, быть может при помощи разведчиков-аэропланов, пойдут караваны судов, груженные товарами для задыхающейся от бездорожья Якутии.

В бухте Тикси мы загрузили шхуну до пределов возможности нашим снаряжением с баржи. Едва ли когда-нибудь отправлялось в море судно, столь похожее на воз, груженный до отказа домашним скарбом. На палубе высились горы снаряжения. Трюм был запакован, как ящик с плотно уложенным товаром, а в каюты мы с трудом протискивались между многочисленными ящиками и чемоданами в кают-компании. Даже в ящиках под койками были втиснуты кирпичи. Несомненно, случись шторм, при такой погрузке мы потеряли бы немало снаряжения с палубы.

Но открытой воды с высокой волной ждать было трудно. По всему было видно, что предстоит тяжелое ледовое плавание, оно, вероятно, займет немало времени. В прошедшем году «Полярная Звезда» не встретила льда до самых Новосибирских островов. Но в этом году даже из бухты можно было различить невооруженным глазом льды, стоящие на горизонте. С прибрежной же возвышенности море казалось занятым льдом, насколько видит глаз.

Разумнее всего было предположить худшее: что шхуна не успеет сделать два рейса.

Поэтому мы постарались забрать с собою все необходимое.

Мы вышли из Тикси в ночь на 1 августа. И сразу же попали в лед. Мы не видали открытой воды. Знакомые с плаванием во льдах знают, как оно однообразно и нудно. Для читателя, знакомого со льдами только по газетным фельетонам, я приведу здесь из дневника несколько страниц, характерных для плавания во льдах.

10 августа. Пасмурное небо. Совсем тихо. Вокруг лед — мелкие пластины разбросаны, как рваные клочки бумаги по серому полу. Льдины медленно движутся, вращаясь и задевая соседок рваными краями. С голубоватых краев льдин сыплются шуга и мелкие кристаллы, похожие на тонкие полоски битого стекла. Шхуна медленно пробирается во льду, обходя крупные льдины или протискиваясь среди мелких. Тогда ход замедляется. Глуше и медленнее стучит мотор. Иногда мы останавливаемся. Стук мотора становится еще напряженнее. Наконец, преграда поддается, расходятся льдины у носа, веселее отбивает такт мотор, шхуна надменно плюет на побежденного врага сажей из выхлопной трубы и выплывает грудью на свободную воду.

Из брезентовой бочки «гнезда» на фок-мачте видно, что лед к северу плотнее. У берегов более чисто. Но здешнее море очень мелко, близ самого берега опасно идти: приходится лавировать во льдах. Можно сказать, нам везет. Конечно, приятнее бы идти открытой водой, чем биться с усилием во льдах. Но могло быть хуже. Мы все-таки движемся вперед. И этим можно быть довольным. К тому же попутный ветер. — Так я подбадриваю себя и других. Но, правду сказать, такие затруднения с самого начала не предвещают ничего хорошего. Долго, очень долго придется скитаться во

льдах, прежде чем дойдем до нашего острова. Надежда на вторичный рейс шхуны слабеет с каждым часом. А в Тикси остались вещи самые нужные. Там две трети всего запаса каменного угля, множество досок, часть провизии и многочисленные ящики с вещами, без которых в крайнем случае возможно обойтись, но отсутствие которых ляжет долгими часами излишней работы на наши плечи.

11 августа. Такое же пасмурное небо и убийственно однообразные льды. Часто находит туман. Сизые клочья спускаются пятнами, как театральный занавес, и закрывают горизонт. Иногда мы задерживаемся, упираясь в ледяное поле, и застреваем, не находя лазейки. Тогда машина начинает работать задним ходом. По временам пробуем форсировать лед. Медленно набирая ход, врезается шхуна в кашу битого льда и влезает на ледяное поле. Чаше мы скатываемся с него обратно, иногда оно поддается. Голубая змея бежит от носа к противоположному краю льдины. С трудом расталкивая льдины, мы продвигаемся на корпус или два. Отходим назад и снова врезаемся в трещину. Стоять на руле при работе во льду — удовольствие сомнительное. Из гнезда на мачте все время команда:

— Лево руля. Еще левее. Лево на борт! На борт!

Не успеет рулевой положить руль на борт, как слышатся новые выкрики:

— Давай еще левее, давай, говорю!

— Лево на борту до отказа, — ворчит потный рулевой.

— Перекладывай тогда право на борт. Еще правее. Стоп, так держать! Лево на борт. Лево, говорю тебе!

Так целый день. Шхуна во льдах поворотлива. Ее обводы очень хороши. Бронированный нос легко взбирается на лед и давит тяжестью судна отдельные льдины и небольшие поля, толщиной до полутора метра. Нужно сказать, что здешний лед не прочен. Он образовался, судя по цвету и загрязненности, поблизости от берега

в заливах и проливах. К вечеру стали встречаться более плотные льды, белые с зеленоватым искристым основанием и голубой подошвой, с высокими торосами и белоснежной поверхностью снега. Однажды при столкновении с крупным ледяным полем шхуна вылезла на него почти на половину корпуса и застряла в таком положении. Мы долго не могли сдвинуться, но через четверть часа лед не выдержал тяжести судна и треснул. Видели среди льда труп оленя.

12 августа. Всю ночь лавировали по разводьям между льдами, но по нужному направлению прошли очень мало. Все та же туманная и пасмурная погода. Установить с точностью, где мы находимся, нельзя. Берегов не видно, и нет возможности определиться по солнцу. Вероятнее всего, мы находимся в Янском заливе: вода сильно опреснена, температура ее поднялась. После полудня мелькнул в тумане какой-то малый островок, а часов около пяти вечера снова видели мы какую-то землю фантастических очертаний — не то сбрывок берега в тумане, не то высокий гористый остров.

При плавании во льдах всегда остро чувство напряженности. Силишься проникнуть взглядом однообразную стену тумана, почти всегда сопровождающего лед. Что там вдали темнеет на северо-востоке? Земля? Опять все закрылось!... Нет, что-то чернеет! Протрешь стекла бинокля и все же не понимаешь ничего, пока не разорвется на мгновение туманный покров. Тогда увидишь совсем вблизи тень на воде, отброшенную ледяным полем. Иногда белым привидением невдалеке от судна покажется в студенистой мгле тумана стена высоких торосов. Пройдет минута-другая, стена начинает медленно таять, уменьшаться в размерах и... превратится в невеликую льдину с лежащими на ней обломками, которую судно подминает, не замедляя хода.

Около полуночи встретились очень тяжелые льды. Прохода на восток нет. В таких случаях выход один —

ждать. Остановились, пришвартовались ледяным якорем у ледяного поля, милях в четырех от берега.

14 августа. Упорные ветры от запада до севера. Вчера холодный и пасмурный день, но без тумана. Два раза пытались пробиться к северо-востоку — безуспешно! Теперь стоим, пришвартовавшись к небольшой стамухе.¹ Терпение, терпение! Вокруг шхуны из моря постоянно выставляются мордочки нерп. У нас множество страстных охотников. Они стреляют по каждой высунувшейся из воды головы, но, к счастью, в большинстве случаев, мимо. Однако капитану, удалось подстрелить маленькую нерпу у самого борта. Я, выскочив на льдину, пробовал воткнуть гарпун из имевшихся на шхуне, он оказался совсем тупым и не вошел. Но все-таки удалось, поддержав ручкой гарпуна тонувшее животное, вытянуть его из воды.

15 августа. Все та же томительная стоянка во льдах. Слабые ветры не раздвигают льда. Ночью, в то время, как я и капитан обсуждали в штурманской рубке наше положение, туда довольно спокойно вошел Т. и сообщил, что только что видел белого медведя... Мне приходилось не раз наблюдать людей при встречах судна с белым медведем. Всегда весть о белом медведе производила невероятную суматоху. Если бы кто-нибудь крикнул: «пожар!», беготни и волнения было бы не больше. Никто из бывших на шхуне, кроме меня и Т., еще ни разу не видал медведя. Можно вообразить, что за столпотворение началось на палубе! Через минуту наш корабль был в полной боевой готовности. Медведь же тихонько брел по направлению шхуны. Он заметил ее и, старательно вытягивая длинную шею, принюхивался, хотя был еще очень далеко — едва заметен невооруженным глазом. Если бы его обнаружили не-

¹ Стамуха — огромной величины льдина, стоящая на сравнительно мелком месте.

сколько позднее на более близком расстоянии, вероятно, нам бы удалось снять с него шкуру, но при наличии десятка винтовок в дрожащих от волнения и охотничьей страсти руках выждать его приближения на расстояние верного выстрела было безнадежно. Пока я спускался в каюту за своей винтовкой и разыскивал разрывные патроны, вверху уже затрещали выстрелы. Медведь несколько минут оглядывался с удивлением, даже присел, поворачивая голову в сторону свистящих пуль. В конце концов зверь, повидимому, почувствовал какую-то угрозу: возвратившись на палубу, я увидел его высоко взметывающим толстый зад.

17 августа. Шхуна стоит в том же месте у мыса Куртях пришвартованной к невысокому торосу — стамухе. Положение шхуны не вполне благоприятно. Стамуха лишь слегка касается дна, каждый напор льда трогает ее с места. Закрытие ненадежное. Но в последние дни не было возможности выбрать более подходящей стамухи. Берег от нас недалек — в полутора километрах. Под вечер ненадолго выезжали на берег за дровами.

Эти берега — одно из чудес природы. Надо сказать правду: в этом чуде нет ничего красивого. Приближаясь, видишь обыкновенный крутой склон берега, похожий на глинистый обрыв, мокрый как после сильного дождя. Обрыв, действительно, влажен. По нему всюду стекают струйки воды. Только подойдя вплотную, начинаешь понимать причину влажности обрыва: весь он составлен из льда, а темный, похожий на глину, цвет его происходит от грязных струек, стекающих по склону. Только в некоторых участках лед виден ясно, большая часть его закрыта тонкими слоями грязевых потоков, плывущих сверху, с тонкого слоя почвы, прикрывшего ископаемый ледник. Грязевые потоки текут и от заполненных почвой трещин во льду. Такие потоки, скатываясь книзу, образуют конусообразные возвышения; они, как зубья, торчат внизу откоса.

Мне приходилось уже в прошедшем году видеть обна-

жения ископаемого льда на Быковом полуострове у бухты Тикси. Однако на Быковом нет столь полных обнажений, нет столь высоких склонов, искрящихся на солнечных лучах. Там картина затушевана. Как и на Быковом, лед залегает здесь непосредственно под почвой. Прикрыт он нетолстым слоем тундряного перегной толщиной от 30 до 50 сантиметров. Вблизи морского побережья в Якутии ископаемый лед встречается повсюду от устья Лены до Колымы. Можно многие сотни верст ехать по тундре, не подозревая, что под тонким слоем почвы всюду лежит мощная, не тающая в течение тысячелетий, толща льда. Только вблизи берегов, сильно разрушаемых морем, или в ущельи, вырытом рекой, показывается лед, полускрытый оплывами грязи. Если отскоблить ножом верхнюю грязную корку, легко добраться до совершенно чистого, слегка мутноватого пузырчатого льда. Иногда стены льда прорываются пластами почвы, как будто широкая трещина, наполненная почвой, прорезала его. В таких пластах легко найти остатки растений, которые здесь не растут, и животных, вымерших много тысяч лет назад. Находили в подобных откосах не только кости, но и вполне сохранившиеся в промерзшей почве трупы животных, или вымерших повсеместно, или живущих теперь в теплых или тропических странах. На севере Якутии обычны находки костей лошади, первобытного быка и носорога, овцебыка и ископаемого оленя-великана. Особенно часто находят кости мамонта. Добыча мамонтовых бивней прекрасной сохранности, которые в продаже идут почти наравне со слоновой костью, в северных областях Якутии — доходный промысел. Эти бивни отличаются от слоновых большей величиной, изогнутостью и наружным слоем коричневой, красной или синей эмали. Скелет мамонта и части его тела, украшающие Зоологический музей Академии наук в Ленинграде, найдены в подобном же откосе с ископаемым льдом.

Нам в эту поездку, несмотря на кратковременное пре-

бывание на берегу, удалось найти несколько костей мамонта, ископаемого оленя и других животных.

Хотя и вчера и сегодня на берегу мы видели большие стада диких оленей и множество гусей, я запретил брать на берег ружья, чтобы быть в ежеминутной готовности вернуться на судно: лед стал реже. В мясе мы не нуждались. Разве возможно собрать ярых охотников, когда они завидят оленя или окружают стадо линяющих гусей!

Впрочем, без охоты не обошлось. В устьи речки плавало множество гусей, линяющих и молодых. Большая часть лётных гусей при нашем приближении успела убежать в тундру, но один выводок почти лётных гусей задержался. Его окружили наши безоружные охотники. Гуси пытались спастись в речке. Вот здесь-то и началась охота! Собиравшие плавник не могли удержаться от искушения добыть дичь, плывущую под носом в нескольких шагах, и открыли канонаду... палками. Гуси, ловко ныряя, укрывались от первобытного оружия. Большая часть выводка спаслась. Но все же два гуся достались нам в качестве трофеев.

Вчера впервые выпускали собак прогуляться по льдине. Несчастные псы после недельного сидения на привязи в тесных шлюпках сошли с ума от радости. Коснувшись ногами снега, они начали визжать, носиться кругами и лаять и визжать от восторга. Поднялся концерт неслыханный.

Вторник 21 августа. Все те же отвратительные туманы. Вблизи судна лед довольно разрежен, но плохая видимость препятствует пуститься в дальнейший путь. К тому же не совсем закончен ремонт машины. Еще до бухты Тикси сломались зубцы в шестеренке распределительного валика. Во льдах уже несколько раз нашим механикам приходилось чинить шестеренку, ввинчивая и припаивая медью железные зубцы целыми сериями. Пустившись в путь при такой видимости, мы рискуем с ненадежным мотором оказаться в самом жалком положении в том случае, если мотор вздумает остано-

виться как раз там, где от него потребуется полная работа. По этим причинам разумнее будет дождаться про-света в этих бесконечных туманах, чтобы знать, по край-ней мере, что за путь впереди.

Четверг 23 августа. Наконец-то благодетельная пере-мена! Поздней ночью льды начали разрезаться сильнее, в то же время слегка разорвался туман. Впереди боль-шие разводья у самого берега. Мы распрощались с на-шей ненадежной стамухой и начали лавировать по раз-водьям без особенных затруднений. Однако, после по-луночи встретились тесно сжатые ледяные поля. При-шлось остановиться.

К утру погода улучшилась, а в полдень, при перемене приливного течения, снова разредились льды. Идем, пробираясь из одной полыньи в другую. Через полтора часа опять встретились тесно сжатые льды. Но сегодня идем упрямо вперед, бьем перемычки, застреваем, снова вырываемся, вклиниваемся в каждую трещину и кро-шим лед, насколько это может делать наша маленькая шхуна. К вечеру упрямство наше было вознаграждено: я мог наконец спуститься из наблюдательной бочки, — впереди широкие полыньи. А на горизонте лед совсем разрежен. Уже видны похожие на вулканы горы «Свя-того носа». А оттуда до Ляховского острова рукой по-дать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

... «Далече ли от Набары реки
остров с заморным зубом и какой
к нему ход?»

Конец августа на Новосибирских островах — поздняя осень. Когда мы встали на якорь у мыса «Станции», зеленых красок на склонах берега уже не было. Он казался совсем побуревшим. Во всех озерках и малых водоемах уже хрустела тонкая корочка молодого льда. Ручьи и речки пересохли и вымерзли. Птицы успели вырастить птенцов, и почти все улетели на юг. Лишь на одном байджерахе нашли мы запоздалый выводок полярной совы. Но и эти птенцы уже перепархивали. Один из них, младший, с огромными глазами и клювом — страшное чудовище в пуху, попал в наши руки. Это было 26 августа.

Мы рассчитывали прибыть на остров в первой половине августа. Прибыв своевременно, мы успели бы до начала зимы закончить постройку дома. В действительности мы запоздали недели на три. Выгрузка нашего снаряжения закончилась только первого сентября,

и в этот же день ушла шхуна. Эта пора на Ляховском острове уже переход к зиме. Уже через неделю наш лагерь и склады оказались под снегом. Постройка станции происходила в условиях начала зимы, при постоянных ветрах и выюгах.

Нас было всего восемь человек, но постройка росла быстро. Уже через три дня после того, как мы положили обвязку дома — тяжелые лиственничные бревна, над ними выросли очертания будущего дома, его бревенчатый каркас.

Через неделю пустынный берег пустынного моря стал неузнаваем. Там, где раньше тянулся голый и безжизненный увал, вырос блестящий светлыми красками дом, еще без окон и без крыши. Ближе к берегу стояли: подобие амбара — стропила, затянутые брезентом, где хранилось все наше снаряжение, две палатки, жилой, тоже брезентовый, барак и такая же кухня. От лагеря у моря бежали по молодому снегу в гору тропинки к постройке и к складу досок. Струилась тонкая полоска дыма, перекликаясь, сновали темные на снегу фигуры людей, и всюду шныряли собаки. Поздним вечером, когда лагерь успокаивался и в небе играло, переливаясь лентами и лучами, северное сияние, а лай и вой собак заглушал грохот и шум разыгравшегося прибоя, местность казалась пустынной. По утрам, с рассветом, пустынный берег снова оживал. К концу сентября мы могли уже проводить вечера в новом доме, работая внутри при свете керосиновых ламп. А к половине октября совсем покинули лагерь на берегу.

Давно уже стояла зима: уже в начале октября морозы доходили до 25 градусов, часто налетали жестокие выюги; нередко приходилось подолгу работать лопатой, пробивая в снегу туннель, чтобы выйти утром из палаток.

В первые недели, проведенные на острове, я не вел дневника — не хватало времени. При воспоминании о времени постройки невольно напрашивается сравне-

ние с военной обстановкой. Когда небольшой отряд вблизи противника копает траншею, он не может прекратить работу, пока не закончит ее. Враг близок. Опасность заставляет делать чудеса. Траншея бывает готова в кратчайший срок. Так и у нас: враг-зима стоял у порога. И маленькая группа в полтора месяца устроила свою траншею — новую полярную станцию. В конце декабря из окон ее впервые в этой части Ледовитого моря полились на снег яркие лучи электрического света. Станция вступила в строй на полярном фронте.

Амундсен в одной из книг ответил на часто ставившийся ему вопрос: «Да стоит ли тратить деньги, энергию, а часто и жизни для исследования далеких полярных областей, где, кроме снега да льда, нет ничего?» Теперь объяснения необходимости и неизбежности движения людей на север несвоевременны и излишни. Человек уже приступил к завоеванию Арктики. Мы уже знаем, что без изучения климата полярных стран немыслимо детальное изучение законов общего движения воздушных масс над земным шаром и невозможны долгосрочные предсказания погоды. А успешные предсказания погоды равносильны освобождению урожая от случайностей, морских сообщений и рыбаков от внезапных перемен погоды, от риска человеческими жизнями. Из этого вытекает необходимость иметь в Арктике наблюдательные посты — полярные станции. Они растут одна за другой.

В последнее десятилетие с Арктики сорвано мистическое покрывало. Человек, вооруженный знаниями и современной техникой, смело идет на штурм мистики и «ужасов». Ближайшее знакомство с полярными областями показало, что все эти «ужасы» преувеличены. Прежнее название «страна смерти» подходит к Арктике в такой же степени, как ко всякой другой на земле, но не больше. Изучение показало, что жизненная энергия

арктических растений и животных, не замирающая в самых суровых областях, изумительна, а воздух чист от бактерий и целителен.

Трезвые экономисты скажут вам с точностью, какое количество людей может прокормить тот или иной участок арктической области, считавшийся раньше бесплодной пустыней. При этом они назовут лишь минимальные цифры, на основании слабого еще современного знания природы этих областей. При дальнейшем изучении пределы использования полярных богатств несомненно расширятся.

Нелишне будет рассказать читателю, что такое Новосибирские острова и что должна была извлечь из них новая полярная станция.

Когда узнали люди впервые об этих островах? — Вероятно, давно. Но люди эти, древние обитатели современного Прианского края, следы которых найдены и на Новосибирских островах, сами исчезли с лица земли. От них остались лишь развалины полузасыпанных землей жилищ, каменные орудия и предания, что жил вблизи побережья Ледовитого моря народ онкилоны, ушедший на какие-то острова Ледовитого моря под натиском пришедших с юга племен. Среди русских молва об островах к северу от Яны и Анабары впервые разнеслась в половине XVII столетия. Но никто из русских или жителей Прианской области до путешествия Меркурия Вагина в 1711 году на островах не бывал. От убийц Меркурия Вагина узнали в Якутске, что к северу от Святого Носа лежит пустынный и безлесный остров, окружность не то девять, не то двенадцать дней езды на собаках, что за этим островом к северу видна еще земля. Но веры убийцам не было. До половины XVIII столетия новых сведений про острова не поступало. В 1760 году устьянский якут Этириккан побывал на этих островах, а десять лет спустя якутский купец Иван Ляхов при сборе мамонтовой кости на берегу моря за-

метил большое стадо оленей, которое двигалось по морю откуда-то с севера. Поехав по оленьему следу, Ляхов за семьдесят верст от берега нашел большой остров. Следы вели дальше, к другому острову, Малому Ляховскому. На этом острове следы не кончились, а завели Ляхова еще дальше на север, в высокие торосы. Ляхов вернулся и доложил в Якутске об открытии. Екатерина II, по получении известия в Петербурге, приказала называть острова Ляховскими, хотя по справедливости их следовало бы назвать островами Вагина. Через три года Ляхов снова посетил острова. В эту поездку к северу от острова Малого открыт был большой остров, названный Котельным.

Посылали из Якутска в 1775 году землемера Хвойнова для съемки острова Ляховского, но съемки он не закончил. Отважные люди начали ездить на острова ради добычи мамонтовой кости.

В начале XIX столетия один из промышленников, якутский мещанин Яков Санников, нашел к западу от Малого Ляховского острова небольшой высокий остров Столбовой, а к востоку от Котельного этот же промышленник в 1805 году открыл большой Фаддеевский остров. Еще один большой остров был открыт к востоку от Фаддеевского в 1806 году. Его называли «Новая Сибирь», а в 1808 году к западу от Котельного найден был остров Бельковский. В этом же году отправилась из Якутска экспедиция чиновника Геденштрома и землемера Кожевина, в ней участвовал и Яков Санников. Экспедиция продолжалась почти три года. В результате была составлена первая карта Новосибирских островов. В 1815 году якут Максим Ляхов нашел еще два небольших островка — Семеновский и Васильевский. Карта, составленная экспедицией Геденштрома, оказалась несовершенной. Для исправления и для отыскания новой земли к северу от островов, которую будто бы видел Санников, была отправлена из Петербурга экспе-

диция Анжу. Анжу привез, наконец, после четырехлетнего путешествия полную и достоверную карту островов. Еще один остров Стрижева открыла в 1902 году экспедиция Толля. Последнее открытие — небольшие острова Вилкицкого и Жохова — сделано Гидрографической экспедицией в 1914 году.

Начиная с первых посетителей-промышленников, все побывавшие на островах рассказывали о них чудеса. Всюду, «в довольном расстоянии от берега, на возвышенных местах», находили промышленники предметы, «уважения достойные»: лошадиные, буйволовы, бычачьи и овечьи головы и кости невиданных животных, и «заморный зуб» — мамонтовы бивни — в «великом множестве». Рассказывали, что под землей повсюду лежит лед, лед же на дне морском, что на острове Новая Сибирь, где нет даже кустарников, стоят «деревянные горы», в которых окаменелые и засыпанные землей сохранились деревья, что изобилуют острова оленями, песцами и медведями, а на берегах много выброшенного морем леса, и в горах видали каменный уголь.

Впоследствии геологи Воллосович, Толль и натуралист Бунге подтвердили почти все эти известия. Промышленники, по просьбе Воллосовича, добыли и доставили в Петербург части целого трупа мамонта, который хорошо сохранился в оледеневшей почве острова Большого Ляховского. Толль, исследовав странное явление мощных залежей льда под тонким слоем почвы, объяснил его оледенением этих островов во время ледниковых периодов. Тогда климат этой суровой страны был несколько мягче, на острове росли береза, ива и ольха, водились тут огромные животные — мамонты, шерстистый носорог, тигр, дикая лошадь, первобытный бык, овцебык и олень. Животные эти, отрезанные морем, медленно приспособлялись к перемене климата, но в конце концов погибли. Вечная мерзлота и ископаемый лед сохранили от тления части скелетов и трупов всех этих давно вымерших или живущих ныне далеко на юге

животных. Новосибирские острова, прославившись во всем мире как кладбище доисторических времен, доставили науке много ценного материала о вымерших животных.

Славу доисторического кладбища острова заслужили вполне. Костей оказалось множество. Для жителей Усть-янского края открылась возможность нового промысла: сбора мамонтовых бивней или «мамонтowej кости». Их находили в обрывах берега, разрушаемого морем, на осушенных мелях и при разрушении почвы вследствие вспучивания. Вместо подобранных, из земли показывались новые. С начала XIX столетия устьянцы начали постоянно посещать острова. Отправляясь весной, они летовали там артелями и возвращались к зиме с грузом мамонтowej кости.

В таком положении были знания об островах, когда решено было установить на них полярную станцию.

Новосибирские острова были подходящими для установки новой станции в ряду других станций, опоясывающих берега в советском секторе Арктики, потому что в этом месте как раз имелся прорыв цепи станций: его необходимо было заполнить. С другой стороны, северная Якутия задыхается в своих просторах от недостатка путей сообщения. Доставка муки в устье Яны обходится в четыре раза дороже стоимости самой муки. Уже давно назрела потребность привоза товаров северным морским путем и вывоза тем же путем богатств этих областей. Но доставка этим путем будет выгодна только при уверенности в беспрепятственном проходе судов. Такая уверенность может быть получена, когда будет известно расположение льдов по пути. А для выяснения настоящего и для предвидения будущего расположения их необходимы наблюдательные пункты над состоянием льдов и погоды — полярные станции, снабженные радиотелеграфом. Эти станции сообщают в научные центры сведения о состоянии погоды и льдов. Научные же центры через те же станции дадут парохо-

дам указания, какого пути держаться им, и определят наиболее благоприятное для навигации время.

Итак, новая станция и радиостанция при ней должны были служить в конечном счете чисто практическим целям. Были еще две цели: они являются сами собой при постройке каждого далеко вынесенного на север жилья человека, первая — длительное, пристальное изучение совсем неизвестной девственной страны, пересеченной лишь случайными маршрутами экспедиций. Вторая цель — закладка на крайнем севере нового форпоста культуры, от которого, как от ростка весной, побегут во все стороны новые ростки и корни.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Когда читаешь газетный фельетон, посвященный описанию полярной области, или брошюрку об Арктике человека, севернее Вологды не бывавшего, как обязательный ассортимент встречаешь выражения: «Полярная ночь бездонная и жадная, при которой даже снег — черный»... «Им предстоит провести больше ста дней ужасной, непрерывной и темной полярной ночи»... «Беспрерывная дикая пляска ураганов и метелей»... «Здесь в стране ужасов и смерти»... Плохую, очень плохую услугу оказывают делу завоевания севера человеком эти штампованные понятия.

Что такое полярная ночь? — Под этим названием подразумевается понятие о промежутке времени, когда солнце не всходит над горизонтом даже в полдень. Это явление наблюдается в областях севернее $67^{\circ} 33'$ северной широты и южнее $67^{\circ} 33'$ южной широты, иначе говоря, за полярными кругами земли. Полярную ночь можно видеть и в Мурманске. Там в декабре и в начале января солнце не всходит в течение четырех недель. Но непрерывной ночи в Мурманске нет: на

широте этого города полуденный рассвет и затухание его длятся не менее шести часов. Если когда-нибудь человек будет зимовать на самом полюсе, т. е. под 90° широты, ему не придется видеть солнца 179 дней. А в течение трех месяцев он не заметит в полдень даже признаков зари.

Но обычно речь идет не о столь высоких широтах. Нужно вспомнить, что самое северное в настоящее время поселение человека находится около 81° ; там полярная ночь ощущается в течение пяти-шести недель. А в более южных широтах, между 71° и 74° , где расположено большинство наших самых северных колоний, отсутствие дня неприятно сказывается в промежуток времени не более двух-трех недель. Поэтому зимовавшему в полярных областях всегда немножко смешно читать о «беспрерывной полярной ночи».

«Бездонная полярная ночь, при которой даже снег — черен», — в действительности прозрачна. Когда перестает светить зря, снег не становится черным. Благодаря отблеску звезд от ослепительно-чистого, лишеного пыли снега полной темноты не бывает. На земле Франца-Иосифа в декабре, в самое темное время, я получал хорошие фотографические снимки пейзажа, которые напоминали фотографии пасмурного дня, с выдержкой в один час. Итак, полярная ночь прозрачна. А когда восходит луна, благодаря той же совершенной белизне снега возможно читать печать среднего размера, правда, держа книгу близко к глазам. Ясно видна мушка на дуле ружья. Экспозиция для получения хорошего негатива с ландшафта, освещенного светом полной луны, не превышает пяти минут (при светосиле объектива $f\ 1:4,5$). Когда при отсутствии луны начинается игра северного сияния, прозрачность ночи увеличивается, она делается по временам столь же светлой, как при луне.

Несомненно, постоянное отсутствие дневного света все же оказывает в высоких широтах нежелательное

действие на человека. После всех зимовок я замечал при первых солнечных лучах бледность на лицах товарищей, которая быстро проходила после первых же продолжительных прогулок по воздуху. Однако можно предположить, что само отсутствие света не столь страшно. Ведь точно так же не видят света углекопы, рабочие ночных смен на фабриках и персонал подземных железных дорог. Однако никто не замечал особенно вредных последствий этих профессий. Я думаю, что бледность и анемичность после полярной ночи объясняются проще: вынужденным сидением в жилом помещении. А сидение это вызвано тем же страхом перед полярной ночью. Боятся ночи люди, к ней не привыкшие.

По описанию Стеффансона, эскимосы Северной Америки, вполне освоившиеся в течение многих поколений с полярной ночью, считают ее самым лучшим и приятным временем года. Стеффансон говорит со слов эскимосов, что полярная ночь для них — самая веселая пора: время игр, поездок по гостям, сезон хорошего санного пути и нетрудной рыбной ловли. Приблизительно такой же отзыв о ночи дают чукчи, наиболее приспособленные из жителей нашего побережья, и русские в устьях Колымы и Индигирки.

Нет, мы окажем медвежью услугу делу освоения севера, если будем писать о полярной природе стилем газетных корреспондентов-новичков, изображая жизнь в полярных областях каким-то тоскливым прозябанием.

Находить ужасы там, где их не существует, — характерный признак этого стиля. «Ужасный северный шторм»... (таким кажется свежий ветерок лицу, на море не бывавшему и сваленному с ног морской болезнью), «Тьма полярной ночи»... (которой автор не видал), «Дикий рев медведей»... (белый медведь — зверь крайне молчаливый), «Страшный напор льдов»... «Ледяные горы, грозящие превратить в порошок приближающегося к ним», — все это плоды живого

воображения, свойственные людям или крайне боязливым, или вовсе незнакомым с этими явлениями. Мне по поводу всех этих «ужасов» вспоминается случай, когда на моих глазах на Новой Земле впервые для радиостанции на Маточкином Шаре переправляли на берег корову, обыкновенную деревенскую добрую корову. Тогда бывшие у станции два самоеда с ужасом шарахнулись в сторону: они испугались этого «страшного зверя». Я впоследствии спросил самоеда:

— Чего ты испугался?

— Ой, такой страшный зверь! Страшно ревит.

— А белого медведя ты не боишься?

— Нет, посто бояться. Совсем не боюсь. Медведя вижу — веселый бываю. Медведь — много жира, много мяса. Жить хорошо!

Когда мне приходилось рассказывать моим далеким северным друзьям, родившимся в тундре и, кроме нее, ничего не видавшим, про родные края, о городе с его шумом и бешеным движением, они на вопрос: «Хотел бы ты поехать в город?» — обычно отвечали: «Нет, страшно».

Вообразите себя на месте этих людей. Представьте человека, не видевшего в жизни сближения людей более нескольких десятков и не имеющего представления ни о поездках в поезде и в трамвае, ни об автомобилях, — он в самом деле должен испытать страх при одной мысли о городе.

Мы, горожане, с этими, в самом деле опасными предметами свыклись. Мы хорошо знаем, что один неверный шаг или минута невнимания при переходе улицы грозят нам смертью. Но об этом не думаем, как не думаем об опасности, когда отодвигаемся от окна при приближении встречного поезда. Мы просто избегаем ее.

Точно так же житель крайнего севера не чувствует ни тнета полярной ночи, ни «страшного» рева медведей, и, опасаясь метелей и бурь, он покойно переживает их. Он тверже нашего помнит, что неверный шаг может

стоять жизни, но этого шага не делает. И, конечно, с бóльшим, чем мы, правом может назвать наш город страной ужасов и смерти, чем мы его родину. Процент случайных и насильственных смертей среди нас значительно выше.

Этим маленьким отступлением, — пусть простит мне читатель, жадный до приключений в стране тьмы и льдов, — я заменю длинное описание «ужасов» нашей зимовки. Но, если сказать истинную правду, мы ощущали несколько отсутствие солнечного света. Это случилось в самом конце полярной ночи и по причинам, от движения солнца совсем не зависящим: перегорели все лампочки, питавшиеся от батареи аккумуляторов. Мы лишились электрического света, который заставлял нас почти забывать в теплом и уютном доме про окружающую нас суровую природу севера.

Был еще случай, заставивший всех новичков быть осторожнее с незнакомой природой.

В середине ноября, когда солнце уже не поднималось над горизонтом и формально уже наступила полярная ночь, мы отправились охотиться на оленей. В это время полуденный рассвет продолжается около семи часов. Погода была хороша. Можно было весь светлый промежуток дня использовать для охоты. Во второй половине дня двое из нас заметили стадо, третий спугнул его. Олени убежали. Через полчаса я и Вася Б. заметили второе стадо вдали и начали было к нему подкрадываться с двух сторон. Олени сделали спокойную перебежку и скрылись в сумерках, быть может невдалеке. Горячий охотник, Вася, бывший впереди меня на расстоянии километра, побежал по следу стада. Видя, что сумерки сильно сгущаются, и зная, что олени сделали перебежку на ночь, чтобы выйти на открытое безопасное место, я несколькими выстрелами в воздух хотел вернуть увлекшегося охотника. Но он скрылся в глухих сумерках. Проискав Васю около часа, до времени, когда на небе исчезли все следы полуденной зари,

я вынужден был вернуться на станцию, чтобы поехать по свежим следам отыскивать охотника при помощи собак. Вася Б. был нашим плотником. Он, уроженец Смоленской губернии, не имел понятия о том, как нужно находить дорогу в тундре. Он не знал того языка, которым говорит тундра с родившимся в ее просторах, языка, который понимает каждый северный мальчик. Я пытался давать уроки пользования компасом, рассказывал Васе, как находить дорогу по звездам и как вместо компаса пользоваться следами ветра на снегу. Но эти уроки на практике еще не применялись. Они скорее послужили во вред.

Поиски и возвращение на станцию заняли около трех часов, еще полчаса отняло запряжание собак. Когда сани прибыли на место, где скрылся Вася, прошло около пяти часов. За это время поднялся ветерок с метелью. Он замел все следы. Искавшие, исколесив километров пятнадцать, к полуночи вернулись домой.

В окрестности станции мы воздвигли несколько высоких маяков с фонарями, повесили фонарь и на верхушку двадцати трехметровой радиомачты. Часов с пяти утра все бывшие на станции, в том числе и гость, местный промышленник, снова отправились на трех упряжках собак искать пропавшего товарища. В общей сложности мы исколесили за время рассвета больше двухсот километров. В результате всех поисков в одном месте найдены были следы, не вполне занесенные снегом, быстро оборвавшиеся. Они вели в глубь острова, в сторону, противоположную станции.

В самом подавленном настроении мы возвращались домой. Неужели наш веселый Вася забрел в центральную часть острова? Как не мог он выйти на берег? Неужели не найдем мы Васю до весны, когда стает снег? — С такими мыслями входил я в наш одинокий домик. И... встретил там новых гостей-промышленников. Они подобрали охотника, найдя его лежащим у песцовой ловушки в 45 километрах от станции.

Как он попал туда? — У меня есть странички Васинного дневника. Мои уроки сослужили Васе плохую службу. Компас он потерял в горячке охоты. Когда стемнело, Вася направил свой путь по звездам и... принял за Полярную звезду Юпитера, в то время бывшего на юге. Вот как описывает в дневнике Вася свое приключение:

«Ходил на охоту за оленями. Я увидел вперед всех 25 штук оленей. Мы стали подкрадываться с Николаем Васильевичем. Я подкрался на 300 шагов, но мой мавзир не стрелил. Другие стрелили пять раз, но не выбили ни одного, олени бежали далеко. Пошли дальше и еще нашли много оленей. Мы с Николаем Васильевичем разошлись, и я отстал от него. И стало совершенно темно, я сбился с дороги. Николай Васильевич стрелял два раза. Я пошел к нему и миновал. Тогда пошел, куда — не знаю, и проходил всю ночь. Мороз был двадцать градусов, и ветер семь метров в секунду. Небо было закрыто облаками. Под утро немного расчистилось небо. Я увидел Северную звезду. Тогда стало немного веселее, и я взял направление на юго-восток. Потом через несколько времени стала видна серебристая заря. Когда стало немного виднее, я увидел торос у ног. Оглянулся, — я иду в море. Позади увидал гору на острове и пасти на берегу. Тогда я повернул обратно. С моря по уклону снежному уже не было силы взобраться; три раза скатывался назад в море. Потом собрал последние силы, кое-как взобрался, подполз к пасти, вижу — в ней песец попался. Ну, думаю, должны приехать промышленники проверять пасти. Лег я у пасти, потому что уже мог только ползти, а итти уже не мог. А еще потому, что голодный приполз. Через час смотрю, идет человек — промышленник. Я стал стрелять, он потащил меня в юрту. Там отогрели меня, вскипятили чаю. Я выпил две кружки чая и съел три крошки оленины. Потом запрягли собак и довели меня до станции. Приехали, — ни одной

души нет в доме. Все пошли искать меня, но не в ту сторону, куда я пришел. Отморозил себе руки и правую ногу, но мне оттерли спиртом, растерли всего и дали хорошую порцию внутрь. Николая Васильевича еще не было. Он вернулся в 11 вечера на собаках. У каждого были с собой спирт, по плитке шоколада и спальный мешок. Николай Васильевич был очень скучный, когда меня не было, ходил взад и вперед, ни с кем не разговаривал. Это мне сказали после».

Первым делом после постройки дома, разобрав лагерь на берегу, мы перенесли все наше снаряжение в кладовые. Там на полках, в шкафчиках и в ларях разместились продовольственные запасы и всевозможные материалы для поделок. Длинные ряды консервных жестянок, бутылочки с маринадами, банки с вареньем, какао, сгущенным и сухим молоком, сушеные фрукты, грибы и овощи в сушеном виде, мешки с мукой и крупой, ящики разных сортов с сухарями, пастилой и гвоздями, связки ремней, сушек и бочки с маслом и рыбой, штуки материй, круги проволоки, горки гирь на прилавке у весов, — все эти товары напоминали маленький универсальный магазин. Первому гостю-промышленнику кто-то из ребят сказал с серьезным видом, что есть у нас кооператив.

На другой день перед отъездом гость спросил:

— Когда же открывают ваш кооператив?

— А вот когда повар придет, тогда и откроют.

Дождавшись, когда наш повар Иван Андреевич отправился за чем-то в кладовую, гость потребовал ответить масла и сушек. Он в самом деле принял кладовую полярной станции за кооперативный магазин.

С большим трудом подняли хрупкую на морозе деревянную мачту, подвесили антенну. С начала ноября начала работать радиостанция. Установка и настройка новой станции — очень ответственное дело — в обыч-

ных условиях производится инженерами с завода, изготовившего станцию. Нам приходилось устанавливать все своими силами. Правда у нас имелись подробнейшие схемы не только радио-монтажа, но и всей электрической и силовой установки. Однако это был едва ли не первый случай пуска в ход промышленной станции без присмотра инженера-специалиста. Волновался не только радист Иванюк, собравший своими силами всю станцию, но все мы. Ведь радиосвязь новой станции — главный рычаг ее работы!

В день первой пробы, когда заунывно начал петь мощный умформер, когда качнулись впервые на распределительном щите и ожили стрелки приборов, а Иванюк сосредоточенно дотронулся до рубильника, включающего передачу, все стояли, столпившись у входа в наш «радио-центр», с лицами серьезными не меньше, чем у хозяина. Одно движение рук — и между золоченых спиралей передатчика, ярко накаливаясь, загорелись генераторные лампы.

— Володя, прибавь оборотов.

— Миша, посмотри за реостатами.

— Больше, больше оборотов. До двухсот двадцати вольт!

Под телеграфным ключом замелькали яркие голубые искры. В эфир понеслись волны — пробный сигнал: три точки, тире.

В первый раз — это было 2 ноября — станция работала недолго. Только попробовали. Велики были наши радость и гордость. Вот — наш подарок к Октябрю! Если не завтра, то в следующий день мы уже получим, конечно, ответ из Якутска или Иркутска, быть может из Средне-Колымска! Этим станциям поручено наблюдение за началом работы новой полярной станции. Они, разумеется, следят внимательно, не прозевают!

Увы, ни в этот день, ни в следующий, ни в двадцатый отклика мы не получили. День изо дня мрачный, как туча, радист сидел у ключа, посылая волны в эфир, за-

тем хватал наушники... Нет ответа! — В порядке ли станция? Достаточно ли она мощна? Не попали ли мы в мертвое место, где радио-волны распространяются плохо?

В середине ноября Иванюк подслушал разговор между станциями Якутск и Иркутск. Якутский радист жаловался иркутскому на помеху со стороны какой-то незнакомой мощной коротковолновой станции. — Ведь это мы! Ну, конечно! Причина помехи нам известна отлично: это наш радио-оператор подсовывал в чужой разговор свои позывные!

Приблизительно в это же время, слушая работу коротковолновых станций всего мира, наш радист вызвал станцию в Сиднее (Австралия) и получил ответ. Нет, станция в полном порядке. Ее слышат в Австралии. Почему же не слышат ближайшие станции?

Впоследствии мы узнали, что наши «радио-соседи» просто забыли, когда начнется наша работа, и вообще о существовании группы людей, проехавших на север строить новую станцию. Если бы не поймала наше сообщение «всем-всем» небольшая радиостанция в Дудинке на Енисее, мы, вероятно, еще долго продолжали бы тратить без толку бензин. Дудинка сообщила соседям о реальности существования новой станции и указала время ее работы. В конце ноября мы получили гору телеграмм и послали известие — все благополучно, новая станция вступила в строй.

Во время постройки мы почти не отлучались от дома. Зима грозила застать нас врасплох. Но, как только состоялось переселение в дом и явилась возможность перейти от шестнадцатичасового рабочего дня к более нормальному, все отправились знакомиться с окрестностями.

Невеселая картина. Ляховские острова пустынные и однообразны. На острове Большом слабо-волнистая сухая тундра прерывается четырьмя возвышенностями: Кавришка, Хаптагай, Кигилях и Эми-Тас; они располо-

жены почти крестообразно. От станции видна только ближайшая — Эми-Тас.

До нее около 8 километров. Она одна, выделяясь двумя вершинами, девственно чистыми на темном фоне зимнего неба, разнообразит безнадежную правильность линии горизонта.

Тундра, чуть занесенная снегом, почти голые бугры и байджерахи с кустиками засохших растений, овраги с нависшими на крутизне карнизами снега, твердого, как алибастр; вдали — синие пятна на террасе белой горы, вблизи, на серой тундре и всюду под ногами, — торчащие коробочки засохшего полярного мака, плодики лютиков и камнеломок и ветром склоненные метелки на стеблях злаковых растений. Вот все, что можно увидеть, если отойти от берега — безразлично на один или пятнадцать километров.

В начале зимы, когда еще не смерзлось море, наш остров казался живей. Еще сидели на вершинах байджерахов молчаливые и неподвижные, как часовой, белые полярные совы, бегали всюду, собираясь стадами, белые куропатки. Видали мы стада оленей. По мере того, как увеличивался у морского берега ледяной припай, казалось даже, тундра оживляется.

Так было и в самом деле. И олени, и куропатки собирались со всего острова на южный берег. Они ожидали установки льда, чтоб переправиться по нему на материк.

Мы видели много куропаток еще во время постройки дома. Одна из первых, любопытная, уселась на конек крыши. Потом, спорхнувши на землю, эта птичка резво побежала под откос горы, но, встретив на пути собаку, заметалась и угодила в открытую дверь нашей кухни. И стала жертвой повара. С начала октября в окрестностях появились куропатки во множестве. Мы видели стаи, штук по триста.

Наши охотники добывали куропаток преимущественно в ясные солнечные дни. Только при такой по-

годе возможно заметить куропаток издалека. В пасмурный день, когда белесое небо и снег сливаются в одну мутную пелену, как ни старается охотник, одетый в белую одежду, разглядеть, куда села стайка, он не замечает ее, пока не подойдет почти вплотную. Чаще всего в такую погоду замечают стаю уже после взлета, когда с мягким взрывом и шуршаньем крыльев со всех сторон вздымаются птицы, показывая черные полукруги в развернутых веером хвостах. И в солнечный день куропатка видна только при боковом освещении. В других условиях трудно отличить чистую окраску перьев от белого снега.

С половины ноября тундра опустела. Острова и материк соединились льдом, сковавшим море. Все живое ушло на материк. Первые признаки смерзания льда мы заметили 29 сентября. В этот день отметил я в дневнике появление вблизи берега едва заметных и тонких иголочек льда, плававших в морской воде. С первого октября берег начал обрамляться тонким припаем из смерзшихся кристалликов, выброшенных морем, к припаю стали примерзать и блинчики тонкого льда, образовавшиеся из тех же иголочек. Эти блинчики к 6 октября достигли толщины 5 сантиметров. Береговой припай рос с каждым днем, а образовавшиеся из блинчиков пластины льда соединялись в крупные поля. Пролив заполнялся ими. В половине октября мы видели движущиеся льды только на горизонте, а с двадцатых чисел совсем не стало видно воды.

Но в средней части семидесятикилометровый пролив долго не смерзался. Куропатки пытались с конца октября переправляться на материк, но всегда возвращались. Они боятся лететь над водой. Каждое утро мы видели стайки, улетевшие в море, но к вечеру они снова бродили по тундре. Только в начале ноября стайки исчезли совсем. Дикие олени ушли в половине ноября. Стадо, за которым гнался Б., было последним, виденным нами в этом году.

Из дневника.

2 декабря. Утром слабый морозец — 16° Ц, ясное небо. Небольшая поземка-метель и яркая заря на юго-востоке. Около полудня выпустили шар-пилот.¹ Хотя небо в зените было совершенно ясно, шар исчез на высоте полутора километра: он словно расплылся в сумерках полуденного рассвета. Небо над головой — бархатная лазурь. На севере оно еще темнее. Похожая на двойную срезанную пирамиду гора Эми кажется завешенной синей вуалью. После обеда, когда начал рокотать и пускать колечки из трубы мотор, я прошел на север. Никаких следов, кроме песцовых и белых цепочек от лапок леммингов. Эти следы ведут к отверстию в снегу. Я разрыл осторожно, действуя саперной лопаткой, снег вблизи одной из норок. От входа, оказалось, идет лабиринт подснежных коридоров. -Общее направление их радиально. Все коридорчики сходились у странного сооружения. Там лежал довольно туго сплетенный шар из травы, величиной в человеческую голову. Внутри его помещалось гнездышко лемминга. Хозяин успел удрать по запасному ходу.

Если судить по количеству норок, этих зверьков здесь множество. Часто находишь норки, уже разрытые песцами.

Песцовых следов больше всего ближе к берегу. Наши охотники понаставили всюду капканы, надеются на богатую добычу. Но песцов еще не поймано ни одного. Впрочем, попалась одна собака. Наши следопыты ставят капканы по двум способам: простому — где попало, или «психологическому». Психологическим капканом они называют приманку, обставленную капканами со всех сторон. Вся беда в том, что капканы и простые и психологические, поставленные не в надле-

¹ Шар-пилот — небольшой воздушный шар для определения течений в верхних слоях атмосферы. За движением шара наблюдения производятся при помощи теодолита.

жащем месте, заносятся снегом, твердым, как земля, и не действуют.

Хорошо хрустит снег под ногой, когда идешь по безмолвной тундре! Так красивы карнизы на обрывах берега и скульптурны снежные заступы!

На серебристой поверхности снега, словно взмахом острого инструмента, вырезаны углубления и черты. А от каждого возвышения на почве, от каждой былинки и кочки, как изваянные смелой рукой, тянутся в стороны хребтики. Если взглядеться внимательно, на поверхности снега увидишь целый ряд таких хребтов. Каждый из них проведен по направлению дувшего когда-то ветра. Можно заметить, что около выдающегося препятствия такие хребты расходятся звездой, напоминающей те «розы ветров», какие мы чертим, изображая характер ветров, дувших в какой-нибудь промежуток времени. Здесь сама природа начертила эти «розы». По ним можно восстановить, какие ветры дули за последние недели, и даже судить о силе ветров. Сильные метели оставляют высокие хребтики с изъеденными боками; чем продолжительнее ветер, тем длиннее хребет. После слабой метели остаются невысокие ровные грядки. А последовательность этих метелей возможно определить по чистоте линий хребтика.

12 декабря. Наши дни начинают укладываться в размеренные рамки. Утром дежурный по станции, закончив наблюдения и разбудив повара, начинает скучать. Пускает в ход граммофон с пластинкой погромче. К шуму метели за окнами примешиваются чуждые ей звуки арий Бертрана или дуэта Глинки. Если накануне ребята не засиделись за шахматами или за книгой, достаточно бывает одного завода механизма. В противном случае Бертрану приходится петь довольно долго, даже после того, как подано кофе, и наш Михаил Андреевич провозгласит во всеуслышание:

— Граждане, кофе поданный!

Столовая, — у нас чаще называют ее по-морскому

кают-компанией, — понемногу наполняется людьми. Заспанный и сердитый со сна проходит в машинное отделение моторист. Оттуда доносится сначала шипение примуса, подогревающего мотор, затем пыхтение мотора. В доме вспыхивает яркий свет. Разговоры становятся веселее.

Чаше начинают хлопать наружные двери. Федор идет кормить собак. Михаил Андреевич убедительно просит принести сегодня побольше снега для воды:

— Ах, эта вода! Она убьет меня. Что за страна! Только и делай, что воду растапливай. Когда же я буду тесто месить? Когда консервы оттаивать, когда мясо вырубать? А все требуют, чтобы обед был вовремя. Но сами посудите, как сделать во-время. Дрова — ведь это ужас, сырой плавник!

Замирает пыхтение мотора, слабеет свет. Теперь везде горят лампочки от аккумулятора. Кто-то выпускает любимца-собаку. Чаше всего веселого Алеута или серого, как волк, пушистого Виндворта. Собаке теплая комната — верх блаженства: помой на кухне и часто косточки от вчерашнего ужина. Впрочем, блаженство недолговременно. Скоро Виндворт и Алеут со сбруей на плечах — кожаными алыками — выводятся наружу и припрягаются к саням. Двое людей едут собирать по берегу дрова-плавник.

Сели на нарту. Отвязаны передние собаки.

— А-а-а! Батта!

Передовой Ермак, широкогрудый и плотный, с железными ногами, косит умным глазом на ряд собак позади его, запряженных попарно. И вдруг, тявкнув тоненьким голосом, прыжком рвет потяг. Еще прыжок. Все собаки ложатся грудью в алыки, крутится снег под полозьями и лапками. Низкая нарта скрывается за поворотом у мыса.

Сегодня ясно. Сигарообразные застыли над головой Эми серо-розовые облака. На снегу играют отсветы южной зари. На черной поверхности стены дома за-

вязли в порах кустики изморози; белым пухом облеплены стекла. И белая же, вся в инее, болтается ниточка на антенном проводе. В такие дни, как сегодня, воздух приобретает какую-то звонкость. Часто слышишь разговор и таяканье собак на расстоянии 2—3 километров. Топор при рубке дров вбивается в полено со звоном и вкусно хрустит раскалываемое дерево.

В это время года около полудня на воздухе почти все. В сумрачных комнатах не тянет сидеть. А, с другой стороны, всегда находится работа на воздухе, которую в другое время суток делать сложнее из-за темноты. Так и сегодня. Близ станции маленькими точками шевелятся фигуры. Один режет из плотного снега тяжелые белые кирпичи для нового снежного домика, двое, кидая в воздух редкие фразы, мешают их со звоном пилы. Четвертый, с ног до головы запорошенный снегом, чистит на метеорологической станции будки, забитые снегом во время метели. Еще один на морском льду размеренно вонзает пешню в зеленоватый лед. Там рубится новая прорубь.

К часу дня, когда заметно блекнет рассвет, все сходится в столовой. Входят, сбирая иней с усов и бород, вешая металлические инструменты и ружья близ печки. Засовывают варежки в теплые печурки. Граммофон играет веселый марш. Михаил Андреевич несет кастрюлю с супом.

Под конец обеда ярко вспыхивают лампочки, жужжит умформер, наполняя комнаты однообразным шумом. Под звуки его начинается мертвый час.

Если около трех войти через темный коридор в жилое помещение, заметишь светлую щелку в кухонной двери. Там повар Михаил Андреевич готовит чай. Михаил Андреевич — человек услужливый. После длительного пребывания на улице он не забудет предложить чашечку чая.

— Помилуйте, что вы. За что благодарить, я знаю обхождение! Прошел школу жизни на людях. Чело-

век я, отравленный городом и рестораном-с. Когда служил в Иркутске, на Дворянской улице, — изволите знать, был чудный ресторан Егорова, великолепный зал в два света, открытая сцена и кабинеты-с, — меня все знали и любили...

И начинается длинный рассказ.

30 января. Метель и оттепель — 19° Ц. Сегодня у нас событие. Взбесилась Мод. Еще вчера была она с особенной тоской, инстинктивно начали со вчерашнего дня кидаться в сторону при приближении Мод другие собаки. Это третья собака, которую мы теряем. Боясь распространения заразы среди других, я посадил ее на цепь. Но Мод с неслыханной силой разорвала цепь, вбежала в дом и покусала своих щенков. Кидалась и на людей. С большим трудом мне и Мише удалось накинуть на нее ременную петлю и привязать на новую толстую цепь. Час спустя собака порвала ошейник и снова оказалась у дома. Завидя ее, Вася бросил глыбу снега, и, как пушинка, влетел на крышу бани, а наш «отравленный городом человек» едва успел захлопнуть за собой дверь кладовой. Т. выстрелом из маузера прикончил несчастную собаку.

Здесь, в оазисе, среди пустыни, на отлете от мира, сживаешься с животными, как с людьми. Нам до тонкости известен характер каждой собаки. Среди них есть симпатичные, безразличные и малопривлекательные. Есть даже уважаемые. Как же не уважать добродушного неряху Керемеса, увешанного лохмами слежавшихся волос, который в упряжке работает, как лошадь? Разве можно не ценить ум Ермака: он, идя передовым, ну, право, временами оглядывается на наших неопытных каюров, управляющих нартой, по меньшей мере с презрением! Слыша неправильную команду, он почти никогда не следует ей и избирает путь уверенно и твердо. И как не любить Алеута? Этот весел всегда. В упряжке он тянет весело, крутя тугим кренделем хвоста. Столь же весело сбивает он, почуяв след песка,

всю упряжку в сторону. Алеут, с правом весельчака, нахально врывается в дом, и первым делом в кухню, и с хохотом собачьим, подпрыгнув, лижет ваш нос.

Вот старый Мальчик. Этот много повидал на своем веку. Глаза Мальчика гноятся, работать ему тяжело. Он хитер и увертлив. Только отвернись, удерет из упряжки, отрезав, как бритвой, ременный алык, и надолго скроется в укромное место. Если не хочешь, чтобы место в упряжке осталось свободным, необходимо заранее посадить его на цепь, пока ленивец не заметил приготовлений к поездке. Мальчик велик и кудласт, его хвост, с бахромой шерсти, свалившейся в войлок, волочится по снегу. Пользуясь весом и густотой шерсти, — только не догляди, — Мальчик отнимет у слабой собаки кусок. Отнятое он прячет, зарывая глубоко в снегу. Таких складов у него несколько. Никто не умеет так ловко, как Мальчик, представиться у двери дома больным или замерзшим.

24 февраля. Пасмурный день. С утра проехал на собаках вдоль берега на восток. Лед замерз довольно ровно, собаки везли прекрасно. Много песцовых следов. Обратный путь совершили напрямик по тундре. Километрах в пяти от станции собаки, видимо, заметили песца и, несмотря на противодействие передового Ермака, понеслись было в сторону. Но умница Ермак, пробежав минуты две, сделал вид, что он заметил что-то новое в нужном нам направлении, тявкнул несколько раз и возвратил собак на правильную дорогу.

5 марта. Морозный ясный день — 36° Ц. Воздух кажется застывшим. Лучи низко стоящего солнца скользят по белым снежным застругам, как по мертвому старческому лицу, изборожденному морщинами. Синие тени от кочек переплетаются с розовыми отблесками солнца. И искрится брильянтовый убор на заснеженных былинках. Когда стоишь часами у теодолита, видишь, как от товарища столбом поднимается облако пара. Заиндевели брови и ресницы; иней, обрамляя

белым венчиком лицо, осел на шапке и белым фартучком повис на груди. Когда приближаешь на несколько секунд свои глаза к окуляру теодолита, он успевает за это время от испарения тела покрыться тонкой корочкой льда. Нужно счищать эту корочку спичкой и протирать чистой тряпочкой. Выпущенный шар в последние дни поднимается свечой. До высоты 200—300 метров полное безветрие. Но и выше воздушные течения очень слабы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

С островными людьми, — они зовут себя «островники», — мы познакомились в день прибытия шхуны. Когда шхуна встала на якорь, заметили мы на берегу дымок. Подойдя на моторном боте ближе, мы увидели у склада досок, оставленных мною в прошедшем году, большую грудку мамонтовых бивней. Около них сидели два человека в серой ровдужной¹ одежде. Поздоровались. Один из этих серых людей, узнали мы, звал себя «Петра Еремеев», другой, лысый, весь в добрых морщинах, сказал, что зовут его «Василей Устинов». Оба казались смущенными, не находили слов для разговора. Из нескольких фраз на ломаном русском языке поняли мы, что островники ждут провизии, которую обещал прислать им Госторг со шхуной. Действительно, представитель этой организации просил меня доставить провизию на остров, но мы не могли взять ее по причине большой перегруженности шхуны. Разочарованные промышленники рассказали нам о недостатке

¹ Ровдуга — грубой выделки замша.

в продовольствии и просили, не будет ли возможности отпустить из экспедиционных запасов сухарей и масла. Я удовлетворил их просьбу, прося уплатить долг оленьим мясом, когда у островников будет избыток его.

Пожалуй, еще более смущенными казались наши новые знакомые, приехав к нашему лагерю месяц спустя. Тогда пустынная местность с одиноким складом досок сделалась неузнаваемой. У моря раскинулись лагерь и склады, на горе вырос большой дом с большими окнами, в доме, невиданная якутами, стояла голландская печь. Звучали веселые песни, раздавался стук инструментов и визжание пилы, с буханьем и звоном мерзлой земли взлетали к небу при взрывах черные столбы. В доме устанавливались неведомые машины. В палатках, обогревая их, горели примусы, стояли койки, столики и табуреты — множество чудес. Островники привезли убитого оленя и тотчас же, накинув белые рубахи, снова ушли на охоту. С темнотой Василей и Петра вернулись. Поужинав с нами и получив, как и другие, праздничную порцию, в которую входила и рюмка водки, наши новые знакомые почувствовали себя в дружеской обстановке. Петра, коренастый мужчина, с энергичным, землистого цвета лицом и маленькими глазками, пытался многое рассказать, но крайне ограниченный запас русских слов приводил его в отчаяние:

— Эх, дело кухатан! Ухо есть, язык нет. Дело сап-сем плохо.

Он пытался передать поэзию охоты на оленей, падая на колени, подкрадываясь к воображаемым стадам, то замирая, то высматривая их, тщательно целился, щелкал воображаемым затвором, кидался после выстрела и подбегал к добыче.

Кое-кто из нас добродушно посмеивался над слегка подвыпившим горячим охотником, других изображение охоты заражало. Пожалуй, в изображении охоты для того, кто сам не раз подкрадывался к оленям, вся эта мимика была понятнее слов. Хуже получалось, когда

речь заходила о чем-нибудь из обыденной жизни: не помогал и якутско-русский жаргон. Один из наших, собиравший материалы якутского быта, спросил:

— Скажи, Петр, что кушаете, когда нет оленины?

— Все кушал, — отвечал за Петра Василей. — Собака кушал, человека кушал, все кушал.

Василей, не поняв вопроса, хотел ответить, что положение островников в случае отсутствия охоты становится особенно тяжелым. Еда нужна не только для людей, но и для собак, а получилось обвинение своих товарищей в людоедстве.

Мы расстались друзьями. Дружба особенно укрепилась после того, как я оказал медицинскую помощь старику Митрею. Тогда станция в целом попала в число «догоров» всех наших соседей-островников. И мы всегда были рады их приезду.

В конце октября побывал в гостях единственный русский промышленник на островах, Семен Надыбин, квадратный человек, с маленькими бегающими глазками, живущий на Малом Ляховском острове. Подкатил он к станции с шиком, лихо затормозил пореем¹ нарту и привязал хороших, откормленных собак. На станцию вошел без всякого смущения, заговорил развязно.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Дюже рад познакомиться с нашими учеными соседями, с испидиторами. Приехал проведать. Я здесь русский один. Мы, выходит, с вами как братья.

Был он в щегольской кухлянке, белых камусах, в шапке, отороченной песцом, жилет носил песцовый.

От Надыбина впервые узнали мы об островниках по настоящему.

«Наш русский брат» оказался человеком совсем образованным. Родился и вырос в Якутске, знал грамоту и любил подпустить ученое слово.

¹ Порей — толстая палка для торможения.

Спрашивают у него станционные горе-промышленники, как ставить капканы на песцов? Надыбин капканы видит в первый раз, но не смущается.

— Капкан — машина деликатная. Ставить его надо ординарно, на ровном месте.

— Островники, я вам скажу, — сообщал Надыбин, расстегнув жилет после пятого стакана кофе, — народ совсем некультурный. С таким темным народом беда была мне, когда стал ходить на острова. Теперь научился говорить по-якутски не хуже русского, и даже думать научился. Такой язык удобный. Удобно живут и островники. У них все налажено: день за днем идет по назначению. Каждый знает вперед, что будет делать через месяц. Все по заведенному уставу. Год пройдет, не увидишь, куда время ушло. Приехал на острова, надо пасти осматривать. Закончил высмотрь, нужда заставляет оленя добывать на распутицу. Там птица летит, когда ей положено. Надо ее промышлять. Запасов с собой, извольте видеть, мы не берем, живем охотой. Весной птица валом идет. Прозеваешь, — голодным останешься. Кончилось весеннее время, — нужда гонит оленей искать. Вот и бродим с тордохами по всему острову, как дикие волки. Волк позади стада идет, нет, нет да отобьет одного. И мы так же.

Так и маемся. На острова приехал, — будь готов неделю-другую без питания сидеть. Человеку одному легко бы здесь прокормиться, — с собаками горе! Собак надо кормить в первую очередь, а то и песцов не соберешь и с острова не выведешь! Самое трудное время для островника — летнее время. Олень в середине лета пасется на ровных местах, по-нашему, якутскому, «алы» называются. На алы олень видит охотника издалека. Охотники здесь хорошие, но и олень здесь пуганый. Много хитрости надо, чтоб к стаду подойти на открытом месте. Голод — не тетка. Хитрим, да не всегда удается. Бывает по неделе, а то и по две одним «батагосом» питаемся, извините, якутской похлебкой. А какая сытость,

если в нем, этом батагосе, одна вода и трава с горсточкой муки.

Впоследствии мы собрали о «нашем русском брате» не очень лестные для него сведения.

Но на первых порах мы слушали рассказы Надыбина с большим интересом. Он был первым человеком, от которого можно было толком разузнать, что за люди заселили Новосибирские острова. Раньше считалось, что острова не населены, но только посещаются по временам жителями Казачьего для добычи мамонтовой кости.

Когда задаешь вопрос Надыбину, он отвечает не сразу, долго обдумывает. По возможности старается ответа избежать. Силился выведать у всех наш «русский брат», зачем построена станция, а самое главное — опасны ли мы?

— Вот, можно сказать, — сладко и издалека начинает Надыбин, — и наши пропавшие острова дождались электричества. И дом, можно сказать, такой, что в Якутск на главную улицу выставить не стыдно, тысячи наверно стоит. Только мы думаем, к чему такой большой расход! Острова, можно сказать, самые захудалые! Какой от них толк? И народ-то на них ведь не настоящий — якутишки. Опять сказать — такие образованные люди, и ехать в такую даль. Двенадцать тысяч километров, вы говорите. — Ну, видите! Конечно, научное дело — дело серьезное. Ну, что здесь можно найти? Тундра и тундра. Какой антрес? Для научного дела южные места способнее, пожалуй. Мы думаем — расход порядочный. Опять же слышали, что вот вы, люди образованные, собственными руками черной работой изволили заниматься. Якуты — народ подозрительный. Как им объяснишь, что наука — дело серьезное. А я думаю так: что если Советская власть прислала вас и пошла на расход, так это дело политическое. Якуты политику разве могут понимать? А как вы считаете, — не может быть от этого островникам какого-нибудь убытка?

Слушает хитрец наши разъяснения задач станции,

как будто понимает. Говорим, что охотникам беспокоиться нечего, что север теперь оживляется, что мы — пионеры новых культурных центров далекого севера, — как будто верит. Но видно по пустым глазам, что он считает эти ответы «не настоящими», ждет объяснения «большого расхода».

— Так, понимаем. Значит, северному жителю должно как будто выйти облегчение, а государству доход. Конечно, можно пойти на расход в таком случае. Только народ-то здесь нестоящий — якутишки. Как вы, люди антилегентные, можете из-за такого народа беспокойство на себя принимать. Кого бы попроще прислали... А жалование ваше как?

Впоследствии узнал я, что Надыбин при возвращении со станции объяснял якутам: «Дом на острове называется «сытанция». Приехали люди из города нового, от Якутска далеко, называется Ленина город. Народ не опасный, но лишнего болтать не следует. Записывают! А от записи не откажешься. Люди на станции рослые, простые. Торговлей не занимаются, купить ничего невозможно. Выпросить можно провизии, если пожаловаться, что корма-де плохие. Народ доверчивый. Если расспрашивать будут про песцов, представляйтесь, будто не понимаете, и правды не говорите».

В течение зимы перебивали на станции все островники, промышлявшие на Ляховском. Новый гость всегда привозил в подарок оленину, один раз получили мы ногу медведя, убитого у становища Дымная. В ответ мы давали гостям сухари, масла или табаку, угощали компотом, консервированными фруктами, кофе с сухим или стуженным молоком и другими диковинками, которых нет не только в Устьянском крае, но и в Якутске.

Самыми желанными друзьями для нас все же остались Петра и Василей. Эти два простых человека помогли нам во многом, особенно во время доставки грузов и при выезде со станции. Не прошло и полугода — эти

два промышленника, освоившись со станцией и подружившись с ее обитателями, приезжали в наш дом, как в дом близкого друга.

Всегда при воспоминании об этих безвестных пионерах, и теперь бродящих по островам то в поиске пищи, то на промысле песцов, сразу переношусь на пустынный остров. Воссоздается, как живая картина: комната с большим окном, бородатые, в фуфайках, люди за длинным столом, среди них двое скуластых в рубахах, оба с трубками, из которых поднимаются клубы невероятно вонючего дыма листового «балаганского табаку». И длинные разговоры на странном жаргоне, который с течением времени выработался на станции.

— Во-стекло-бир (один). Карточка много. Биляр-ду? (понял?)

— Сеп! Биляр. (Это из объяснений фототрафических процессов.)

— Пращай! Моя кургом крутил. Четыре солнца сап-сем нету.

Это наш друг объясняет, что отправляется он в четырехдневную поездку по песцовым ловушкам.

Промышленники начали отъезжать в Казачье с середины ноября. Самые последние уехали с Ляховского в конце декабря. Остров опустел до марта.

В начале марта Петра и Василей, с обмороженными скулами и носами, снова появились на станции. Привезли подарки — мороженую нельму и сига из Казачьего. Приехали они очень озабоченными: в Казачьем было получено распоряжение закрыть въезд на острова для промысла. Это распоряжение было вызвано ходатайством устьяновских промышленников, считавших, что люди, осваивающие острова, истребляют слишком много песцов в ущерб промыслам жителей Устьяновского края.

К тому времени мы получили уже в общих чертах понятие об объеме промыслов на Новосибирских островах, знали в круглых цифрах количество построек и промыслового инвентаря. А главное, убедились, что все

островники входят в своеобразный дикий коллектив с обобществленными орудиями промысла. Для меня была очевидна поэтому несообразность внезапного прекращения промыслов с оставлением на произвол судьбы тысяч песцовых ловушек, сотни юрт, избушек и погребов, сделанных руками небольшой группы энергичных людей. Из них подавляющее большинство были бедняками, не имеющими за душой ничего, кроме одежды, нарты, винтовки и двух-трех оленей и собак.

Поэтому я с охотой предоставил охотникам возможность снестись по радио-телеграфу с Якутском и получить оттуда благоприятный ответ о том, что отдано распоряжение разрешить временный въезд на острова для ликвидации промыслового имущества.¹

В марте же 1928 года радиотелеграф принес и нам очень неприятное известие о том, что шхуна «Полярная Звезда» не прошла дальше устья Лены. Она зазимовала в заливе Неелова в очень неблагоприятных условиях и не может быть использована для рейса к Ляховскому острову. В той же телеграмме сообщалось о зимовке «Ставрополя» у мыса Северного. Следовательно, не будет рейса на Лену и из Владивостока. Нам предлагалось экономить провизию и ожидать прибытия смены сухим путем в декабре будущего года.

Провизия была у нас рассчитана для восьми человек на один год. Больше взять мы не могли. В действительности на станции зимовало девять человек.

Нужно было сказать правду: было от чего почесать затылок, получив такое известие. Из Ленинграда рекомендовали нам отправить половину сотрудников санным путем, четверым же остаться на станции и постараться добыть себе пропитание охотой. Такой совет был

¹ Впоследствии, по моему докладу, якутское правительство вынесло постановление об организации на островах органов Советской власти, фактории и промыслового совхоза с использованием кадра существующих промышленников и сняло запрещение въезда на острова, ограничив его известным контролем.

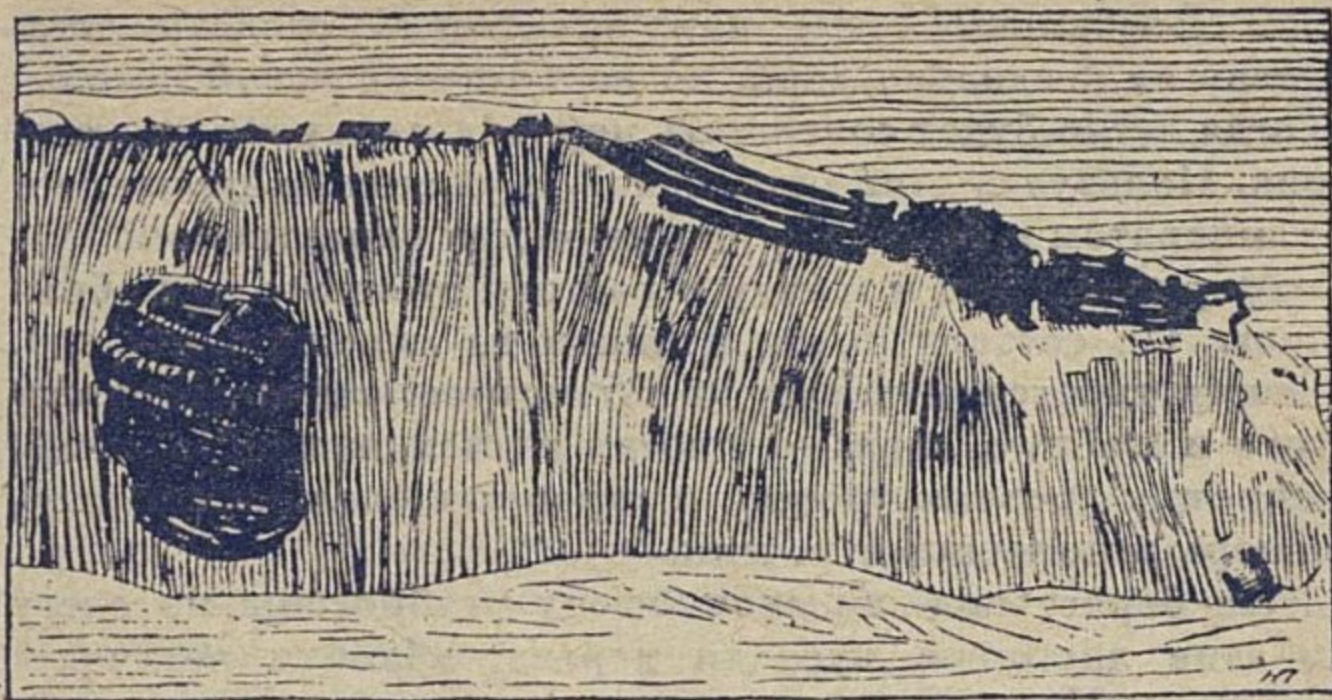
не плох. Особенно на крайний случай. Промышленники, мы знали, живут на островах совсем без провизии. Впрочем, большинству из нас раньше, чем начать удачный промысел, следовало сначала поучиться. Но нас беспокоило не это. Промыслить еду мы в крайнем случае сумеем. Но как же быть с научной работой? Обслуживать большой дом, геофизическую станцию и радио-станцию силами четырех человек возможно, только сократив объем исследований, даже чисто станционных. А как быть с исследованием островов? Неужели, пробыв два года, вернуться почти с пустыми руками, не нанеся берегов на карту, не исследовав геологического строения, не подвинув ни на шаг разрешение заманчивых здешних загадок, не обследовав подробно быта и экономики обнаруженного нами населения?

Как всегда в важных случаях нашей жизни, я созвал совещание сотрудников. Мое предложение было таково: отправить на юг только двух человек, а остальным исполнить все наши задания, не уменьшая, но по возможности расширяя их. Для этого придется сжаться и позабыть о хорошем питании. Если ввести нормированный паек и попытаться достать из Казачьего немного муки, сахару и других основных продуктов, мы будем в состоянии продержаться до смены, не потеряв ни часу на охоту. Если в Казачьем муки не получим, займемся охотой. Все сотрудники согласились с такой программой.

30 марта я отправился в Казачье с промышленниками, которые ехали сдавать пушнину весеннего промысла. К их упряжке мы подбавили четыре станционных собаки.

Нормированный паек был введен с 1 апреля. На нем мы сидели до декабря.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Все сборы кончены. Нарты увязаны. С визгом рвутся передовые собаки, но крепко держатся в снегу пореи, воткнутые через копыл. Еще задержка с запутавшимися собаками. Последнее рукопожатие. Пореи вырваны, запряжки во весь дух с лаем и гомоном бегут вдоль берега. Сзади глухо в морозном воздухе стучат выстрелы салюта. Скоро собаки замедляют бег, — нарты загружены до предела. На них наше снаряжение, багаж двоих отъезжающих, пушнина и мамонтовые бивни — имущество островников. Только один человек сидит на нарте по очереди, а остальным приходится идти быстрым шагом рядом или впереди. У Петровой артели собаки плохие, а груз велик. По пути пришлось сбросить мамонтовую кость.

От станции до Ванькина стана 60 километров проехали в 12 часов. Это становище основано первыми посетителями островов. Со временем его название искажилось в сокращенное: «Ванька», якуты зовут его «Банка». Теперь становище состоит из двух занесенных до верху якутских построек.

В Ванькином стане нам предстояло сделать остановку на несколько дней, до наступления ясной погоды. Тогда легче будет совершить переход с острова на материк. Пользуясь этой остановкой, я уходил на целые дни с аппаратом и bussолью для изучения окрестностей.

Морской берег к западу и востоку от становища обрывист. Он состоит почти целиком из ископаемого льда. Всюду тянется высокая, до 25 метров, стена грязноватого и мутного льда, во многих местах носящего следы широких древних трещин и странных овальных пустот, теперь заполненных почвой.

На берегу под обрывом всюду разбросаны по снегу мелкие листочки, кусочки дерева, обломки веточек и мшинки. Когда всматриваешься внимательно в строение пластов почвы, в пустотах и трещинах между льдом замечаешь в слоистой почве такие же остатки растений. В иных слоях встречаются кусочки дерева побольше, а изредка даже обломки костей. Некоторые слои состоят целиком из остатков растений, мхов и трав. Иногда слои перемежаются с пропластками прозрачного льда. Создается впечатление, что год за годом откладывались растительные остатки в каком-то мелком водоеме, который по летам не стаивал весь, а принимал на себя новые слои растительных остатков.

В отдельных местах обрыв отделялся современными продольными трещинами. Тогда вблизи берега образовывались ущелья в таком же мутном льде. На одной из отдельно стоящих ледяных скал я увидел торчащий из почвы большой бивень мамонта с совершенно свежей эмалью. Рядом висели какие-то лохмотья — не то заплывшие грязью куски костей, не то полуистлевшие обрывки мяса. Бивень находился в вертикальной стене, от основания не ниже 10—12 метров. Достать без приспособлений было невозможно.

В других местах отвесная стена прерывалась уступом, оползнем. На верхней поверхности такого оползня находится еще больше костей и крупных кусков дерева,

легкого, как пробка. В других местах обрыв становится совсем незаметным. Его до верха покрывали тесно стоящие земляные конусы — остатки почвы из трещин и включений во льде, который в этом месте стоял без остатка.

Таких скоплений ископаемого льда, как на Новосибирских островах, нет нигде во всем мире. А обнажения между Ванькиным станом и становищем Ипсы — одни из самых высоких и длинных на островах. Все исследователи, начиная с самых первых посетителей островов, рассказывали о льде, подстилавшем почти всю почву на островах и обнажающемся в местах, где море сильно подмывает берега.

Из людей науки первый исследовал это удивительное явление доктор Бунге. Он объяснял происхождение льда образованием его из снега, скоплавшегося в трещинах почвы. Такие трещины образуются во время сильных морозов.

Следующий исследователь, Толль, высказал предположение, что острова во время ледникового периода были покрыты могучим слоем ледников, которые впоследствии, при изменении климата в этой части света, не отступили и не стояли без остатка, как это было в средней и северной частях Европы, но были занесены земляными отложениями и сохранились в течение многих тысячелетий. Такого взгляда держатся и другие ученые. — К такому же выводу привело и наше изучение островов.

Из дневника.

2 апреля. Избушка в Ванькином стане построена давно, еще во времена купца Ляхова и Санниковых. Рублена она на шесть углов. Одну стенку занимает большой якутский очаг — огох. В окна вставлены льдины, пол земляной. Вдоль стен, между столбами, подпирающими плоскую деревянную кровлю, устроены

ороны (нары). Под потолком на тонких жердях рядами сушатся дрова и песцовые шкурки на палках. Если бы наши модницы видели, сколько драгоценных горжеток валяется здесь на дровах и на оронах!

Второй день переживаем погоду. На улице жестко: крепкий мороз ниже 30° с пронзительным ветром и вьюга. В добавление к огоху топится в углу железная печь. В стане тепло, но стены в пазах белые, а на полу прелитая вода сразу смерзается в лед. Теперь в этой хижине половина промышленников. Они собрались со всего острова. На оронах, чуть не рядом друг с другом, сидят люди, раскуривая трубки, кроша табак на дорогу. Кто чинит собачьи альки, другие, напевая бесконечную якутскую песню, счищают жир с недавно снятых шкурок, стружат якутским манером лучину, варят несложный обед или готовят воду на завтра. Время от времени подходит к огоху человек, палкой поправляет упавшее полено, которое наполнило дымом все помещение, потом обуглившимся кончиком палки раскуривает трубку.

Ночью все ороны и пол заняты тесно лежащими людьми на шкурах под заячьими одеялами.

Где бы ни встретились якуты, всегда льется гортанная речь. Якут молчит лишь в одиночестве. Но и тогда по большей части тянет он длинную песню-импровизацию. Она однообразна, как тундра. В песне одна мысль и несколько слов. Поет якут про сегодняшний холод, про то, что звезды играют, что искры из огоха летят высоко в небо и спорят со звездами. Или поет, что есть на уме у Василея поймать двадцать песцов. Тогда хватит отдать двух за долг, пять жене, на трех купить провизии, а на десять — припасов на будущий год. Что приедет начальник — «улахан», может быть нальет в чашку того, что веселит людей. Иногда якут просто поет:

«Еду, еду. Дорога хорошая. Собаки жирные. Бегут хорошо. Еще осталось два кез. Наверно Пантема-

лей уже приехал. Однако встретимся. Расскажет новости».

«Играю в шашки. Играю в шашки. Уйбан взял четыре, а у меня уже пять. Ты думаешь, Уйбан, пушу тебя в дамки. Нет, не пушу. Нет, не пушу. Пойду налево».

Даже ночью иногда слышатся гортанные звуки без слов. И во сне вибрирующая унылая песня не оставляет мозга якута.

Сегодня зашел разговор о мамонтовом клыке, виденном мною в обрыве. Он скоро перешел на другие находки костей ископаемых животных. Их каждый островник подбирал множество. Стали спрашивать меня, как ученые люди объясняют такие находки?

— А вы как думаете?

— Старики говорят — от потопа остались эти кости. Был потоп, все люди погибли, а звери не все. Вода поднималась не сразу. Лошади, быки и олени спаслись на высоких горах. Когда сошла вода, осталось множество ила. Животные старались найти себе корм и погибали в иле. С тех пор и находят в илистой почве кости оленей, быков и лошадей.

— А откуда мамонты на островах?

— Мамонт жил в то время в море. Мамонт вроде водяного быка, значит, был. Когда море поднялось, мамонты тоже вышли на горы и погибли, как другие. Только один самый большой мамонт не вышел. Он и теперь в море живет. Два раза пьет он морскую воду и два раза мочится. Поэтому два раза в день вода в море прибывает и убывает.

В избушке тепло и накурено. Выпито несколько чайников чая с кусочками масла. Сухой и напряженный Говоров, мускулистый и плотный Сивцов и Василей, и Петра, и жилистый Киргелий, — все серьезные.

— Что же, вы верите, что в море живет водяной бык?

— Старые люди говорят. Старые люди знают. Как

старым не верить, — в светлоглубых и прозрачных глазах Василея не то невинность, не то хитреца.

— Но кто-нибудь видал своими глазами этого самого быка?

— Однако не видал никто. Море велико, море глубоко, — как увидишь? Мы в море не ходим.

— Так вот: ученые люди знают хорошо, что во всех морях бывает прилив и отлив. Воду притягивает луна. Мы знаем хорошо, в какой час наступит прилив. Можем сказать тебе вперед на месяц. Врут ваши старики, нет никакого морского быка. И не было потопа. Жило многие тысячи лет назад животное мамонт. Его клыки теперь находите на островах.

— Ну вот, вот! Теперь все говорят, что мамонт, а не бык водяной. Так и фактории рот принимают за мамонтову кость. А старикам тоже верить нельзя! А слышал ты про экзекю-орла, чьи когти на булгуньяках находят, — «экзекю-тынгарага». Что ученые знают про него?

— Какой экзекю?

— Двуглавый великан-орел. Осударственный. Который на царских монетах есть. Наши старики говорят, что во время потопа спасался этот орел на вершинах булгуньянков. Крепко когти в землю вонзил. Так крепко, что потоп тело унес, а когти остались в земле. Большой орел был. Коготь один вершков по шести.

— Не было потопа, не было и такого орла. Приезжай Василей к нам в Ленинград, покажем тебе в музее голову животного, давно вымершего шерстистого носорога. Его рога, а не орлиные когти находите.

— Ну вот, вот! Верно, верно! Сам такую голову находил с рогами. Сам мундштук для трубки и черенок к ножу сделал. Нельзя верить всему, что старики болтают! Ученые все знают, — льстит Василей, и не разберешь, что в прозрачных глазах Василея: невинность или угодливость.

Среда, 5 апреля. Когда вышел я ранним утром из

домика, стояла прекрасная погода. Мороз — 30,7° Ц. Уже готовились в путь. Петр и Федор, перевернув нарты, мазали полозья, обмакивая кусок оленьей шкуры в теплую воду. Василий осматривал и перевязывал копылья у нарт. Они стояли, уже увязанные.

В избушке у огоха — большое ведро, доверху набитое кусками оленины. Но мы, не дожидаясь мяса, садимся за чай. Из черного пузатого чайника льется густая черно-коричневая струя. Пьют без сахара. Двух чайников не хватает. Быть может, не хватило бы и третьего, но Федор пробует ножом оленину. Готова. Он выкладывает мясо на широкую доску, а суп, вернее, густой бульон, наполовину состоящий из жира, сливает в небольшую чашку.

Каждый собственным ножом отрезает большие куски мяса. Каждый, держа в одной руке кусок и хватая его зубами, ловко у самого носа отрезает лишнее. Отрезав кусок, макают его в бульон. Еда совершается торжественно.

Потом все одеваются. Теперь предстоит запечь собаку, перенести на нарту железную печь и погасить огох. Когда это сделано, снова садятся пить чай. — Зачем?

— Тепло запасти на дорогу, — говорит мне Федор.

На том берегу пролива четкой белой линией обрисованы вершины Святого Носа. До него более 75 километров. Часа два мы идем по сравнительно ровному льду. Потом начинаются невысокие торосы. Еще полчаса. Перед нами встают огромные горы торосов. Безобразные глыбы льда, грядами до 10 метров высотой, едва запорошенные снегом. Их невозможно пересечь с санями.

Идем отыскивать дорогу. Скользя по склонам торосов, проваливаясь по поясу в пустоты, предательски закрытые снегом, с трудом взбираемся на вершину высокого ледяного холма. Куда ни посмотри — всюду такие же гряды, с ничтожными пластинками невзломанного льда. Море торосов. Но в одном месте гряда несколько ниже.

За ней небольшое, но сравнительно ровное поле. Пытаемся пробиться в этом месте. Один идет вперед. Двое по его следам срубают кирками целые глыбы и, размельчая в куски, слегка равняют дорогу. В хребте прорубается брешь — зеленоватая дорожка из крупных ледяных кусков.

Теперь можно продвинуть нарту. Один впереди упряжки показывает дорогу собакам, другой — у дужки нарты. Недолго тянут собаки. Заклинивается нарта между двумя глыбами льда. Освободить ее можно, только вырубив киркой держащие нарту куски. Затем нужно, упершись, притянуть за потяг одной рукой собак, рвущихся за ушедшим вперед человеком, сразу отпустить и другой рукой рвануть нарту со всей силой в один момент с собаками. После нескольких рывков нарта обыкновенно освобождается и движется несколько десятков метров до нового препятствия. И снова слышится хряст льда под кайлой, снова натужные крики красных и потных людей.

— А, батта, батта! Серый, вперед! Батта!

Через полчаса такого пути сбрасываются дохи, кухлянки, даже меховые жилеты и шапки. Теперь головы у нас повязаны платками. Даже руки без рукавиц. А мороз 30°. И от людей, и от собак густые клубы пара.

Ширина взломанного поля была не больше одного километра. Но, чтобы пройти этот километр, нам пришлось потратить больше двух часов.

Наконец, они позади. Часа два-три идем по сносной дороге, потом опять торосы.

Не любят промышленники торосов, но проходят их мастерски. Вспоминая свои первые скитания в торосах у Новой Земли, когда с грузом мы проходили за целый день только 5 или 6 километров, я должен признать, что мы были плохими, неопытными каюрами.¹ Веро-

¹ Каюр — кучер собачьей упряжки.

ясно, такими, как мы, были и другие, рожденные на юге, полярные путешественники. С такими каюрами, как островники, даже в полярном бассейне можно бы делать по 30 километров.

Ширина пролива около 70 километров. Промышленники обыкновенно пересекают его в один день. В этот раз нам пришлось заночевать немного дальше середины его.

Быстро раскинули Василей и Петра защитную стенку от ветра — полог с нарты — и развели костер из дров, взятых с собой на такой случай. Напившись горячего какао, мы улеглись под торосом в спальные мешки и довольно хорошо проспали до рассвета.

Когда я вылез из мешка, солнце еще не выходило из-за горизонта. Носились в воздухе мельчайшие кристаллы замерзших испарений от нашего лагеря, но небо было безоблачно. Только выше гор Святого Носа, застывших в розовом воздухе, как нарисованные, висели слоями один над другим три розовых облака. Я не стал дожидаться свертывания лагеря и через пролив пошел пешком.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Сто лет назад жил в Устьянском крае бездетный старик Сыпсай. Задумал он построить две поварни у Святого Носа и Аджейгардаха. Говорил старик:

— Нет у меня сына и внучат. Помру — некому будет вспомнить, что жил на свете охотник Сыпсай. Если построю поварни, быть может люди, которые будут отдыхать в хороших поварнях, вспомнят, помянут и меня добрым словом.

Сыпсаева поварня на Святом Носу, — зовут ее «Чай-поварня», подгнила, еле держится. На полу вековые отбросы, никогда не выметавшиеся, толщиной около метра. Теперь в избушке стоять можно, только согнувшись. Люди давно забыли про имя Сыпсая и хорошее его побуждение. Из островников один Василей слышал про старика. А имя его узнал я от Сыллагая.

В Чай-поварне мы застали две островных артели с Малого острова — одна с Надыбиным во главе и другая — Митрофана Иванова с Котельного острова. Тут же был Киргелий Бочкарев, сухой, подвижной, лучший на островах охотник за оленями. Этот прибежал

в Чайповарню пешком из становища Зимовье. С нашим приходом в избушке собралось 11 человек, а снаружи около 80 собак.

Я застал в избушке одного Надыбина. Остальные ушли в горы у Святого Носа на охоту. Скоро охотники вернулись. Первым пришел Митрофан Иванов, выборный староста или «князь» всех островных артелей. Он хорошо говорил по-русски. За Ивановым подошли и другие — молоденькие спутники его и товарищ Надыбина, якут Марков. Эти вернулись с добычей. Недалеко от Святого Носа убили трех оленей. Часа через два олени были привезены. Собаки получили по хорошему куску мяса.

И у нас на железной печке в ведре лучшие кусочки из оленьих туш.

На следующий день начался довольно трудный переход через горный хребет Святого Носа. Пять нарт одна за другой растянулись, как звенья цепочки, по голым, безжизненным склонам на переезде у горы Хаптагай.

Дав отдых собакам на перевале, каюры наши пустили упряжки полным ходом под гору. Из-под тормозов понеслись потоки снежной пыли; в некоторых местах погонщики, вися на нарте, тормозили ногами. Но, несмотря на это, нарты неслись со скоростью поезда. Меньше чем в полчаса мы оказались на морском берегу у полуразвалившейся поварни — Горохов стан. Теперь предстояло пересечь широкую губу Эбеляхскую. Лед в ней замерз совсем спокойно. Несколько раз пересекали мы следы диких оленей, прошедших куда-то на север. Собаки, зачуяв след, всегда прибавляли ходу. Верстах в пяти от берега наша запряжка словно взбесилась. С визгом и лаем собаки понеслись по направлению берега. Не понимая, что случилось, я спросил каюра, что он видит. Он ответил:

— Жилье почуяли.

Здесьние ездовые собаки — один из лучших в мире.

Если спросите колымчанина, где лучшие собаки, он скажет:

— Наши колымские собацки беда хороши. А сказывают люди, что лучше наших на Лене.

На Лене скажут, что лучше ленских — аллахских или устьянских. В Устьянске говорят, что на Колыме собаки хороши для быстрых переходов на легкой нарте, но колымский подбор не сделает с грузом 4 000 километров, которые покрывают за одну весну собаки островников.

Старики говорят, что измельчали собаки, стало их меньше.

Теперь трудно подобрать безукоризненную упряжку.

В самом деле, в Устьянском крае порода собак теперь довольно пестра. Наряду с прекрасными экземплярами чистокровных лаек, по большей части серых, широкогрудых, с точеными ушками, с волчьим прямым и коротким хвостом, встречаются экземпляры со слегка повисшими ушами и довольно слабой шерстью. Но таких экземпляров не много.

Обыкновенная нагрузка на одну собаку островников колеблется между 30 и 40 килограммами. Весной, когда дорога особенно хороша, промышленники, выезжая на острова, загружают нарты с четырнадцатью собаками до пределов возможности, иногда пудов до 60, иначе говоря, на собаку приходится до 70 килограммов. Здешняя нормальная упряжка состоит из двенадцати собак, из которых две — передовые. Обыкновенно одна из них — главный передовой «бастын», вторая — запасный, обучаемый.

Собаками управляют исключительно при помощи голоса.

Вот нарта готова к отъезду. Люди около нарты готовы прыгнуть на нее при первом движении. Каюр вытаскивает прикол (порей) из снега, сдвигает передок нарты за дугу, чтобы освободить полозья от примерзшего к ним снега и кричит: «А-а-а!». Лежащие подни-

маются. Если вперед ушел человек, собаки обыкновенно срывают сразу сани с места и мчатся за человеком во весь дух. Иногда, вразброд, они не могут сдвинуть сани. Тогда погонщик командует вторично: «А-а-а! Батта! (Вперед)». И снова движет передок нарты. С визгом и лаем собаки вваливаются на хомуты. Передовой и лучшие собаки встают на дыбки и с размаха рвут потяг. Потяг натягивается струной, дрожит, нарта трогается с места. Люди прыгают на нее на ходу. Если собаки бегут по правильному направлению, каюр лишь поощряет собак криком: «Батта, батта! Батта, батта!». Если нужно направить собак правее, восклицает «Тях, тях!» — и «Нарра, нарра!» — при желании повернуть собак влево. Когда потребуется остановить собак, погонщик протяжно и покойно кричит: «То-о-ой, то-о-ой!».

Хороший передовой послушен каждому окрику. Умный глазок его постоянно поглядывает на хозяина, особенно часто в тех случаях, когда пес затрудняется сам избрать дорогу.

Передовой должен уметь отвлечь собак от встреченного следа песцового или оленьего, при пересечении которого собаки, особенно молодые, рвутся в сторону пробежавшего животного. Передовой сам выбирает дорогу среди мелких препятствий, сохраняя нужное направление. За хорошего передового платят большие деньги. В случае сильной пурги, особенно с меняющимся направлением ветра, хороший передовой спасет хозяина, приведя его к жилью или к поварне.

Нарта промышленника почти не отличается от колымских и ленских нарт. Она на первый взгляд кажется весьма неуклюжим и непрочным сооружением. К довольно грубо выстроганным копылам вверху привязаны на ремнях поперечные брусочки, соединяющие их, и продольные жерди с ременным переплетом. Внизу копылы поддерживают два грубо обтесанных березовых полоза, соединенных впереди такой же грубо сделанной

дугой из ивы или лиственницы, на которой даже кора не ободрана. Полозья прикреплены к копылам сыромятными ремнями. Вот и все. Приходится удивляться прочности этого сооружения. Удары нарты с полного хода в торосах для нее ни о чем. За все время поездок на островах при мне лишь два раза случились поломки нарт, которые были быстро исправлены благодаря тому, что все части держатся на ремнях. Достаточно развязать ремни, соединить сломанную часть накладкой на ремнях же, и можно трогаться дальше в путь до места, где будет время выстрогать новый копыл, или жердь; лишь в случае поломки полоза приходится заменять его на остановке новым. Но у каждого запасливого островника есть полозья или на нарте, или в местах остановок.

На нарте всегда раскинут полог. В Устьянском крае зовут его «чум». В него укладывается все дорожное снаряжение. Впереди у дуги неизменный спутник промышленника — железная печь. Чумом пользуются в случае непогоды, вместо палатки, растягивая его на поставленные боком нарты и прикрываясь сверху как одеялом.

Собак запрягают длинным цугом — парами, одна за другой. Несложная сбруя собаки, или «алык», к концу переходит в ремень с палочкой, которая закладывается в ременную петлю потяга. Вдоль этого потяга парами на таком расстоянии, чтобы собаки не мешали друг другу, вделаны петли.

Смотреть на хорошую упряжку в работе — одно удовольствие. С нарты видишь два ряда пушистых комочков с поднятыми кверху хвостами. Быстро мелькают лапки. Иногда собака кидается в сторону, хватая снег и снова налегает на алык. Тогда рядом со следом нарты остается на снегу продолговатый желобок. Плотно влегли в алыки передовые. Главный передовой — весь внимание. Его язык всегда на стороне, высунулся красной тряпочкой из открытой пасти, в такт дыханию вырываются плотные комочки пара. Вот пре-

пятствие — подъем или торосы. Передовой удваивает усилия, но сзади, где запрягаются обыкновенно ленивые, собаки замедляют ход и останавливаются. Передовой жалобно тьякает, пытаюсь рывками сдвинуть нарту. Ему вразброд помогают другие. Но в трудном месте нарти им не сдвинуть. Каюр помогает, бранясь. Нарта снова трогается с места.

Хороший каюр должен помочь собакам, не допуская остановки нарти. По этой причине «езда» на собаках, особенно с груженной нарткой, там, где нет дорог, понятие весьма относительное. Иногда половину пути, а то и всю дорогу приходится бежать рядом с нарткой. Темперамент собак не переносит изменчивости нагрузки. Идя безостановочно, собаки утомляются меньше. Всегда при виде хотя бы небольшого подъема все сидящие на нарте соскакивают и бегут с нею рядом, а в самых трудных местах помогают тянуть — лишь бы не допустить остановки нарти.

Даже плохие собаки берут с остановки галопом. Потом упряжка успокаивается и бежит ровной рысцей. Рысца мало-по-малу замедляется. Хороший передовой не допускает снижать темп бега. После трудной дороги он налегает на алык с удвоенной силой, тьякает, всеми силами стараясь сохранить быстроту движения, на которую способна упряжка. Но эти уловки передового не помогают, когда собаки уже утомлены. Тогда каюр сам начинает применять всевозможные бодрящие средства.

У хорошего каюра на пути, где он обычно ездит, есть в промежуточных поварнях корм. Он неизменно дает у этих мест собакам по рыбе. Собаки запоминают эти места. Завидя поварню, где когда-то дан был корм, они несутся вскачь. Достаточно трем-четырем собакам, вспомнив, внезапно удвоить усилия и перейти в галоп, как вся упряжка обязательно заражается и несутся некоторое время, как бы собаки ни были утомлены.

Ездок на собаках знает все слабости собачьего темпе-

раamenta и пользуется ими. Если он завидит издали куропатку, оленя или песца, он, приучая собак, неизменно повторяет одни и те же слова, вроде: «Хара бар (черное видно)», или «Кыл бар! (зверь, зверь)».

Привыкнув к таким словам перед встречей зверя, собаки обыкновенно при подобном окрике настораживают уши, а наиболее горячие кидаются вскачь. Точно так же задолго до поварни каюр начинает понукать словами: «Кор бар!», или «Кор догор! (близко дом, дом друга)».

Когда собаки совсем утомлены и никакие восклицания уже не помогают, применяется другой метод: собакам дается небольшой отдых, иногда их кормят рыбой, а в это время один из путников быстрым шагом отправляется вперед. Собаки, видя впереди темное пятно, обязательно начинают рваться вслед, но их не пускают. И лишь когда путник почти скроется с горизонта, каюр трогает с места нарту, а упряжка с воем и лаем несется вскачь за ушедшим. Когда собаки догонят, человек, пропуская упряжку, прыгает на нарту, а собаки идут тем же темпом, что и в угон. Если идущий впереди не хозяин или человек, к которому собаки привыкли вполне, он, увидя запряжку метрах в 10—15 от себя, должен быстро отскочить в сторону. Иначе вся запряжка набросится на него и жестоко потреплет.

Еще один прием употребляется, когда из утомленных собак хотят выжать последние силы. Несколько раньше собак, после остановки, выезжает вперед человек на оленях. За оленем собаки несутся, не помня себя, с каким угодно грузом вскачь. Здесь уже не упряжка собак, а стадо диких животных на охоте. Вот это стадо начинает догонять оленя. Уже бьет в ноздри аромат животного. Еще одно усилие, — и вся стая вопьется в добычу. И в этот самый момент едущий на оленях круто сворачивает в сторону, вся запряжка проносится мимо и, разгоряченная, бежит еще несколько времени таким же темпом. В это время олени после короткого

отдыха, необходимого им, стороной обгоняют запряжку собак и снова показываются на пути. Снова начинается погоня. Применяя такой способ, мы проехали от Налла до Устьянска 55 километров в три часа.

Только с надежным передовым можно ездить в угон оленям. Передовой должен рвануть упряжку вперед в то время, как остальные при быстром повороте оленей кинутся в их сторону. Что произойдет в случае, если передовой не удержит остальных? Олени будут разорваны в несколько секунд.

Мне в Казачьем пришлось выступить на суде в качестве ответчика за одну из упряжек островников, в которой шли и наши собаки.

В становище Налл вблизи дороги паслись олени. Передовой этой упряжки не мог отвлечь собак. Несмотря на то, что правивший нартой Федор Говоров пружил пореем изо всех сил, а другой человек висел на нарте, бороздя снег, собаки не остановились. Как стая волков, они врезались в оленье стадо. Из юрт выбежали люди, колотили собак и отрывали их от оленей. Но совладать с одичавшими животными в такой момент невозможно. Один олень был загрызен, два других поплавились серьезными ранами. Собак можно было оторвать от добычи только с куском мяса в зубах. Вот за этих-то собак пришлось мне отвечать.

Когда дорога хороша, а собаки свежи, хорошо проходят дорожные дни. На нарте обыкновенно два человека. Проводник-якут мурлычет бесконечную песню. Иногда люди соскакивают, бегут рядом. Потом опять на нарту. Острый взгляд проводника-промышленника скользит по простору тундры. Он видит все, что недоступно взгляду новичка, не бывавшего в тундре. Видит полузанесенный снегом след песка, пробежавшего две недели назад, отпечаток веера крыльев куропатки, старый след оленя и даже маленькой мышки. Все это отмечается в его уме с необычайной отчетливостью, которую мы понять не можем, но которая через несколько

месяцев поможет ему не только вспомнить виденное место, но и прочесть, что тут произошло в его отсутствии.

Редко, очень редко пересечет караван след чужих саней. Житель тундры знает, чей это след. А если не знает, то при первой же встрече с людьми будет выяснено по характеру его, чья незнакомая нарта взбороздила след. А если не выяснит, то испугается.

Вглядываясь в даль, человек напевает. Песня прерывается только при необходимости холодными руками набить трубку и, обернувшись спиной к ветру, раскурить, или при встрече препятствия: торосов, оврата или гладкого, обнаженного от снега, льда. Так тянется день. По бездорожью, руководствуясь неувеличиваемыми для новичка приметам, движется маленький караван. К вечеру собаки начинают уставать. На препятствиях останавливаются. Если же дорога гладка, замедляют темп. Мерзнут руки и ноги у проводника. Чаще и чаще люди соскакивают с саней, согреться на бегу. Темнеет.

И вдруг собаки, что-то почуяв, несутся вскачь. Через несколько минут перед вами признаки жилья. Поварня.

Начинается обычный, твердо установленный порядок приготовлений к ночлегу. Собачий потяг надвигается длинной веревкой. Конец ее крепится к воткнутому в снег порею, а в петельки этой веревки вдеваются палочки от лыков. Теперь собаки привязаны по одной. Они располагаются длинным цугом в таком расстоянии, что не могут дотянуться одна до другой. Второй человек в это время раскапывает поварню, если она занесена, ставит железную печь и растопляет ее. Дрова готовы: на островах существует обычай при отъезде из поварни оставлять после себя запас сухих дров, сухой растопки и льда для воды.

Скоро печь разгорается, и поварня наполняется теплом. В ведре или чайнике растапливается лед. В это

же время дают собакам корм. Пока варится несложный обед, путники чинят изорвавшуюся сбрую и одежду, колют дрова на утро и строгают растопку. Сразу после обеда и чая, раскладывая на оронах или на полу оленьи шкуры, все готовятся ко сну.

Такой же распорядок был и у нас. Первая остановка — в поварне Аджейгардах. Поварня оказалась занесенной снегом до верха. По крыше можно было проехать, не заметив ее, если бы не выставившийся из снега шест. Пока мы откапывали поварню, прошел по меньшей мере час. Наконец задымилась труба. Иззябшие люди с трех нарт собрались у огня. Говоров задержался с раздачей корма собакам. Внезапно он ворвался в поварню и, не закрывая двери, сдавленным голосом прокричал:

— Кыллы, кыллы! (дикие, дикие).

Через несколько секунд поварня опустела.

Километрах в двух на склоне горы медленно шло стадо диких оленей, голов шестьдесят. Я не предполагал, что наши промышленники так страстны на охоте. Даже дверь в поварне оставили открытой. Все бежали, казалось, не помня себя. Одни старались отрезать оленей от моря, вторая группа побежала влево, по равнине, в сторону от стада, часть же охотников направилась к оленям почти прямым курсом.

Мне ни разу еще не приходилось участвовать в охоте при большом количестве охотников. Мне казалось, что группа охотников, бежавшая по направлению оленьего стада, должна была спугнуть его. На самом же деле олени не побежали прямо от охотников, но почему-то все стадо после некоторого колебания свернуло налево, стараясь перегнать другую группу людей, бежавших влево.

Перегнав эту группу, стадо снова сделало резкий поворот влево; в этот момент охотники начали сближаться. Послышалось несколько выстрелов. Но оленья стадо уже отдалялось. Охота кончилась неудачно.

Все выглядело, как будто охота производилась неправильно. Однако впоследствии я узнал, что на открытом месте нет иного способа сблизиться с оленями.

Вообще техника охоты здешних промышленников основана на глубоком знании привычек оленей и образа их жизни.

Олень — животное стадное. Особенности оленя — быстрый бег, прекрасное чутье и сравнительно плохое зрение. Всегда в стаде имеется вожак, на зоркость и чуткость которого надеется все стадо. Стадо всегда бросается вслед за вожаком. Второе, что необходимо знать охотнику: главный враг оленя — волки. Больше всего оленей гибнет от волков. Завидев в тундре темный предмет, олени прежде всего подозревают в нем своего главного врага.

Волки, следуя по пятам оленьих стад, не дают им покоя. Волки приближаются к оленям, пользуясь неровностью местности. В большинстве случаев одиночный волк не отваживается нападать на стадо. Олени в стаде остаются сравнительно спокойными, видя в тундре один темный предмет. Поэтому промышленники скрадывают дикого оленя, охотясь в одиночку или вдвоем. Другое дело, если олени заметят группу. В таких случаях они убегают с невероятной скоростью.

Но, если стадо замечает несколько групп волков или людей, вожаки его начинают беспокоиться. В таких случаях олени никогда не бросаются бежать опрометью по направлению от врага. Быть может олени боятся окружения или засады, — они стараются, бежа параллельным курсом, обогнать врага и проскользнуть на ветер, чтобы чутьем внять его запах и выйти на ровную местность, где не может быть засады.

Олень на полном бегу легко оставляет волка за собой. За оленями не угнаться. Тем не менее, волки в стаде успешно охотятся за оленями. Обладающие плохим зрением олени время от времени останавливаются, чтобы рассмотреть, где враг. Волки же бегут

безостановочно и, разделившись на несколько частей, мало-по-малу сближаются с оленями. В конце концов какой-нибудь отставший олень становится добычей волков.

Все особенности волчьей охоты хорошо учтены промышленниками. Когда нет возможности подойти к стаду на открытом месте, промышленники прибегают к волчьему способу сближения с оленями, или к способу, основанному на плохом зрении оленя. Взяв в руки оленьи рога, чаще же всего просто подняв над головой сошки от ружья, которые должны изображать эти рога, несколько промышленников медленно идут к стаду. С замечательным искусством подражая движениям оленя и его характерному бегу с плавным припрыгиванием, иногда останавливаясь и наклоняясь, как будто на пастбе, охотники начинают приближаться против ветра к стаду. Животные приподнимают головы, всматриваясь в незаметно приближающихся охотников, но не понимают опасности.

Самый трудный способ охоты — путем подъезда на собаках. Высмотрев стадо оленей в отдалении, промышленники едут к нему полным ходом, подгоняя собак соответствующими выкриками до тех пор, пока собаки не заметят стада. Тогда не нужно поощрения, — собаки сами несутся к оленям стрелой. Олени замечают собак сравнительно на близком расстоянии. Первый момент, увидев только один предмет, стадо колеблется, затем бросается в противоположную сторону. В дальнейшем охота зависит от того, насколько дрессирован передовой. Если упряжка продолжает бежать прямым курсом, — олени скрываются. Хорошая передовая собака должна повернуть всю упряжку в сторону от стада, обязательно под ветер. Заметив этот маневр, олени так же изменяют бег и стараются обогнать собак, которых они, конечно, считают за стадо волков, чтоб оказаться под ветром. Передовой все более и более отклоняется в сторону, парализуя попытки оленей про-

рваться под ветер. Так же, как при волчьей охоте, олени иногда останавливаются, чтобы рассмотреть врага. Вследствие стремления оленей выйти на ветер и таких остановок запряжка собак и олени понемногу сближаются. В конце концов оленям дается возможность перерезать курс мчащейся упряжки. В этот момент один из охотников соскакивает и открывает быструю стрельбу по стаду. В зависимости от того, насколько близко удалось сблизиться, бывает успешна и охота. Иногда, заметив падающих товарищей, олени кидаются панически в сторону охотников или сбиваются в кучу. Тогда добыча еще обильнее.

Для нас, жителей культурных стран, охота не что иное, как спорт. Но житель тундры не думает о спорте. Оленье мясо — его главная пища. Для промышленника охота — вопрос жизни и смерти. Воспоминания о невзгодах и голодовках вследствие неудач и ошибок на охоте всегда свежи в памяти охотника. Он не сделает ложного шага. Терпеливей волка он крадется к стаду в одиночку или бежит во всю силу легких и сердца, стараясь сблизиться с животными. И, как волк, в случае удачи охотник старается набить возможно большее количество животных. Это его богатство, его счастье, его репутация.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Северная часть Устьянской тундры умеренно возвышена. Невысокие, очень пологие холмы или ровная местность в промежутке между отдельными группами гор, с множеством больших и малых озер и лужиц. Вся эта местность не населена. Только в отдельных местах, большею частью у берега моря, стоят такие же поварни, как в Аджейгардахе. Первое жилье на Муксуновке. У устья этой речки и у Ванькиной есть несколько избушек, принадлежащих тунгусу Конону Томскому. Мы подъехали к избушке поздним вечером. Нас встретили лай собак и переполох обитателей. Гости здесь бывают только несколько раз в год.

После утомительных переходов по безжизненной тундре и ночевок в холодных поварнях (последняя была без двери) человеческое жилье представляется верхом комфорта. Можно, оставшись в одной фуфайке, высушить основательно одежду, не нужно беспокоиться о дровах, воде и ужине. Гостеприимные хозяева обидятся, если гость сделает лишнее движение в сторону самостоятельности. Везде на севере гостя усадят на

почетное место, для сна хозяин уступит свой орон. Через десять минут напоят чаем с юколой и строганиной. А к обеду маленький, качающийся стол будет заставлен яствами, котрые хранились год для гостя или для самых обильных обедов в большие праздники.

Молодым нарнем взят был Томский биологом Бирудей, участником экспедиции Толля, в качестве рабочего. Он летовал с этим исследователем на Новой Сибири. Об этом времени Томский вспоминает как о времени неслыханного блаженства:

— Еды было сколько угодно. Консервы были, какава, сахар и молоко в банках — целые ящики. И Алексей Андреевич из собственных рук подносил иногда даже чарку «аргы». Хороший человек. Я всегда его, как отца, вспоминаю. А работа какая — настрелять оленей да покормить собак, да дров приготовить. Когда Алексей Андреевич уезжал, расплатился он со мной без всякого обмана и даже прибавил за усердную работу. А лучше всего пожелал он мне: «Желаю тебе, Конон, чтобы было у тебя много оленей и много детей». И вот с этих самых слов и началось мое счастье. Стало у меня много оленей и много детей. Смотрите, сколько. Да еще не все тут.

В самом деле, тесная избушка полна ребят. Они, дичась, попрятались теперь по углам и высматривают, как мышки из норки. Каждое мое движение — вижу — отпечатывается в их мозгу навсегда. И нож у меня иной, и беру его иначе, и, вместо трубки, у меня во рту папироса. И странные вещи у меня имеются — карманный aneroid, часы, в которых сама движется стрелка, и странный предмет вроде тонкого кусочка льда, за которым ничего нет, но если к нему близко придвинешься, увидишь грязную мордочку с такими же черными, как у братьев, косыми глазками или грязную ручонку. И говорю по-иному, непонятно.

Я видел много детей почти во всех жилищах на севере Устьянского края, но других игр, кроме игры в оленя, не видал. Если детей много, они развлекаются

вместе, шалют. Но там, где ребенок одинок, он проводит время в накидывании мамытки на воображаемых оленей или ходит на коротких ножках по урасе с поднятыми вверх ручонками с растопыренными пальцами, изображающими рога оленя. Так, часами ходит ребенок, подражая хрипящему, мяткому голосу оленя и изумительно ловко передавая ручонками характерные движения оленьих ротов во время бега.

Есть у ребят драгоценности, хранимые между тонкими дощечками, перевязанными ремешком, или в мешечке из рыбьей кожи. Среди них можно найти обломок стекла, обрезки ремешков, обрывки конфетной картинки, кусочки бересты от нерастущей здесь березы, реже — клочок «гумаги», а еще реже огрызок карандаша.

Когдаходишь после дороги в жилую урасу, обыкновенно ребят не видишь. Они, как зверьки, по углам. Только долгое время спустя, прячась за материнской юбкой, начинают приближаться. Редкий возьмет кусок сахара сам, а не через посредство матери.

Все же мне удалось познакомиться с Колунчаном Томским несколько ближе, подарив ему величайшую драгоценность в виде бумаги и карандаша. Целый день Колунчан то прятал свое сокровище, то, доставая, медленно, с величайшей осторожностью разворачивал и снова укладывал его в свой тайник.

С девяти лет мальчик начинает помогать отцу в ловле рыбы, в поисках и запряжке оленей и в мелких хозяйственных работах. На его поясе всегда нож, которым он ловко выстрогивает мелкие предметы обихода и готовит растопку. Лет с двенадцати или тринадцати мальчик начинает совершать с отцом продолжительные поездки по тундре, приучаясь читать ее знаки и находить верную дорогу. В пятнадцать лет он уже работник, помощник отца.

От урасы Томского до Казачьего 35 «кез» собачьих и 20 оленьих. В северной Якутии мера пути — «кез».

Вначале нам было дико воспринимать такое разделение мер длины на оленьи и собачьи. Но в этой кажущейся нелепости одна из сторон предметного мышления. «Кез», в сущности, — время, потребное для варки чая из куска льда, иначе говоря, — единица времени. Если мы скажем, что от Казачьего до Муксуновки при езде на оленях пройдет 20 отрезков времени, а при езде на собаках — 30, понятие получится совершенно наглядное, его в конце концов в среднем можно перевести и в километры. Грубо говоря, до Казачьего двести пятьдесят километров.

После Муксуновки места считаются населенными. И в самом деле, мы ехали почти что по дороге, точнее говоря, по старому следу чьей-то нарты. Иногда встречались пересекающие этот след другие следы оленьих запряжек. Чаще попадались на пути поварни. Однако на ночлег нам пришлось остановиться в низкой землянке-поварне без двери и огоха.

Мы двигались быстро, делая за день по 80—90 километров. Зимой дорога здесь ровная, без заметных возвышений, и местами она пересекает мелкие заливы, в которых тут и там торчат кусты травы и плавник. Летом здесь эта местность почти непроходима. Берег моря очень отмел, он не имеет даже постоянной границы. Море то надвигается на берег при ветрах с морской стороны, то уходит далеко, когда подует ветер с берега, оставляя множество мелких озерков и лайд с соленой водой. Такова почти вся местность от Муксуновки до устья Яны.

Ближе к устью тундра меняет характер. Появляются кое-где отдельные, трудно отличимые от травы низкорослые кустики полярной ивы.

Перед самым устьем Яны зачернела на горизонте какая-то полоса. Подъехав ближе, мы увидели, что эта полоса состоит из сплошной заросли корявых, перепутанных кустарников ивы, не превышающих человеческого роста. Кустарник рос на берегу маленькой Янской

протоки, называемой Мохнатка, вероятно, по обилию этих мохнатых, обрамляющих протоку кустиков.

На льду этой протоки мы увидели первую настоящую, хорошо укатанную дорогу. Она лишь местами занесена была следами недавней метели.

С устья Яны начались ночлеги в теплых юртах. В них при нашем приезде собиралось множество народа. Какими-то загадочными путями становилось известно о приезде «испидиторов». Люди приезжали за 20—30 километров, чтобы взглянуть на невиданных гостей. То же самое происходило во всех попутных урасах. В каждой мы неизменно останавливались ненадолго выпить чашку чая.

К югу от небольшого селения Налл, где застали мы разъездную факторию и по случаю ее прибытия большой съезд окрестных промышленников, начинается лес. Сначала попадаются невероятно искривленные лиственницы на очень большом расстоянии друг от друга. Потом они становятся гуще и выпрямляются. Около Устьянска, в 30 километрах от Казачьего, по берегам Яны уже настоящий лес из низкорослых, но довольно толстых лиственниц.

Устьянск некогда считался городом. В настоящее время этот «город» состоит из одного рубленого домика и пяти якутских юрт. В одной из этих юрт мы переночевали перед последним переходом в 30 километром до Казачьего.

Мы въехали в Казачье с неожиданной торжественностью. Приезд островников с севера каждый раз большое событие в Казачьем.

Но в этот раз «капсэ», перегнавшее нас на двое суток, оповестило жителей заброшенного городка о том, что едет с островитянами «испидиция».

Когда бешено несущиеся к жилью собаки докатили нас до угора, на нем уже было немало народа. Нарты сразу были окружены, множество рук подхватило их

и помогло подняться на угор. На верху его сани оставались. Со всех сторон сбегались обитатели Казачьего с откинутыми назад тунгусскими шапками. Вытягивались из камусных рукавиц руки. Каждый считал долгом поздороваться и сказать свое «капсэ», затем отойти в сторонку и, разинув рот, смотреть на странное наше, не похожее на местное, полярное одеяние и весь нездешний облик. Когда церемония приветствий закончилась, поднялся спор, куда вести нас. Было решено — в «спалком».

Исполком — две низкие рубленые избушки, соединенные сенями. На плоской крыше его — несколько саней и небольшой красный флажок. Рядом полузасыпанный метелью возок, куски голубого льда — запас воды — у входа.

Внутри нечто среднее между якутской юртой и русским домом. Вместо камелька — железная печь. На стене большой портрет Рыкова. Агит-плакат, на котором изображена история отношений тойона¹ и хамначита.²

На плакате одетый в пеструю рубашку пузатый тойон, с войлочной шляпой на голове, надменно смотрит на стоящего перед ним полураздетого, покорного хамначита; поодаль у хотона полуголые хамначитовы ребята. На плакате история эксплуатации забитого хамначита и путь его освобождения. Впоследствии этот плакат гостеприимно встречал меня во всех более чистых юртах на длинном пути от Ледовитого моря до Якутска. Он являлся как бы символом приобщения хозяев юрты к современности.

В исполкоме встретили нас приветливо. Заместитель председателя сразу отвел помещение в читальне клуба и самолично отправился таскать дрова и топить замерз-

¹ Тойон — буквально господин, в переносном смысле — хозяин или богатей.

² Хамначит — неимущий, бедняк-работник.

шую комнату. Мы довольно оживленно разговаривали, хотя собеседник не говорил по-русски. Отдельные слова вроде «кыхыл-армия», «хамначит», «белобандит» вместе с оживленными и выразительными жестами и с моим запасом якутских слов дали понятие о несложной истории молодого работника, прошедшего с красными партизанами по всей Якутии. А теперь он временно осел в самом северном исполкоме Якутии в качестве работника на все руки, начиная с заместителя председателя и кончая сторожем.

Клуб в Казачьем — довольно странная постройка. Она состоит из четырех срубиков, прилепленных один к другому. Два из них побольше. Стена между ними прорублена, получился довольно обширный на здешний масштаб зал. Устроена сцена с занавесом. На стенах и перед сценой на кумачевых полотнищах лозунги на якутском языке. Раз в неделю или в две собираются сюда закутанные в меха узкоглазые жители. У входа колотят по меховым торбасам палочкой или обухом своего ножа и, сгибаясь при входе в низкую дверь, протискиваются в холодный зал и терпеливо ждут начала спектакля.

Я был на одном представлении. Пьеса шла на якутском языке. Поневоле пришлось перенести внимание с артистов на зрителей в зале, сизом от дыма крепкого балаганского табака. Зрители в большинстве молодежь.

Пьесы я не понял. Повидимому это была агитка о преимуществах сберегательной кассы, написанная не для здешних жителей и им едва ли понятная. Однако самое развитие действия захватывало зрителей. А больше того перевоплощение всем знакомых Уйбанов и Федоров, которых каждый шаг был известен с колыбели, с которыми скитались вместе по тундре, спали в поварнях рядом. И вдруг этот знакомый человек является в чужом образе и со словами на устах не о мелочах жизненного обихода, но с речью о широких задачах коммунистического общества!

На следующий день я успел побывать чуть не во всех домах Казачьего. Еще накануне явился ко мне юркий человек с фамилией Оконешников, с приглаженными косичками, с бегающими елеинными глазками и с тоненьким голосом, иногда срывающимся на быстрый и таинственный шопот. Узнал я впоследствии, что был сей человек попом-расстригою.

— Здравствуйте! — заговорил он быстренько и озираясь, видимо по привычке. — Позвольте представиться. Оконешников. Не слышали обо мне. Я участвовал в экспедиции, которая была здесь в прошлом году. Собственно говоря, я здешний житель. В экспедиции служил завхозом. Я, знаете ли, служил бы до конца, но здесь в Казачьем кругом такие сплетни. Всегда все перессорятся. Ужасно развиты интриги. Ну, сами посудите, например, — вы не знакомы еще с заведующим факторией? Жаль жаль. Ну, познакомитесь, сами увидите, возможно ли с таким человеком работать. Вы думаете, из фактории пушнина не просачивается...

Через полчаса я был посвящен во все казачьи дела и узнал о двух главных фронтах борьбы в Казачьем — между ячейкой и больницей и между двумя факториями.

На утро не успел я проснуться, а Оконешников уже стучался:

— Проснулись? Ну, как спалось? А я для вас уже похлопотал. У Иван Семеновича в магазине табак американский, всего несколько коробок. Так я подумал, наверно вы любитель заграничных табаков. И сказал Иван Семеновичу, чтоб он отложил. Потом говорил еще в Госторге. Там очень дешево продают меховые чулки, наверное вы захотите взять. Потом по дороге сюда я забежал к арендатору бани. Нужно, нужно вам с дорожки помыться. Приятно! Хе, хе! Ах, да, самое главное-то забыл. Вам здесь наверное неудобно, холодно. Я уже поговорил. Хотите, можно в Госторг,

можно в больницу. В больнице лучше, там кормить лучше будут.

С таким любезным проводником я обошел в первый день все Казачье.

Дома фактории лучшие в Казачьем. Они остались в наследство от купцов. Дом «Холбоса» (объединение кооперативных обществ) имеет даже крышу, и не простую — железную. У факторий всегда несколько оленьих запряжек. Понурые, стоят с прекрасными задумчивыми глазами, заиндеветшие олени, пока хозяин сдает пушнину и набирает в лавке товар. У кладовки большие весы. Здесь на морозе отвешивают кулями муку, пилят двуручной пилой мясо и рубят топором куски замерзшего масла. Всюду бродящие собаки подбирают крошки. У фактории целый день толчея. Все люди в кухлянках с откинутыми назад шапками — бергиэгэ. Почти у каждого в руках мешок или сверток.

Скуластый якут, заведующий факторией, ловким движением рук встряхивает принесенных песцов, дует на них, подносит к свету, глядя на ворс, и объявляет цену шкурки. Почти всегда следует короткий торг, касающийся не качества песца, но платы за него. И промышленник и приемщик — оба знают в точности качество шкурки. Но промышленник почти всегда за шкурку хочет получить дефицитный товар, но не деньги. Приемщик же соразмеряет выдачу этих товаров с отклонением качества песца от основных норм, а также со многими другими обстоятельствами. Он должен помнить наизусть долг промышленника, учесть его действительную нужду в товаре и не забыть о том, что завтра быть может придет новый промышленник с большой партией пушнины, которую нельзя упустить. Никогда промышленник не сдаст крупную партию сразу. Он обойдет все фактории, держа под мышкой одного песца в платочке. Приемщик должен угадать, а лучше — знать, каков весь промысел человека, пришедшего с одним маленьким узелком, обязан быть в курсе его

семейных потребностей и других обстоятельств: сколько выиграл или проиграл в карты, сколько отдал или получил за долги.

К концу дня стены фактории покрываются почти сплошным ковром рядами висящих песцов. В продуктовой лавке толпятся сдавшие пушнину.

Наконец, закрыта дверь за последним посетителем. Усталый зав принимает участие в сортировке принятой пушнины. Теперь она расценивается без побочных соображений, точно по сортам, и снабжается деревянными бирками. Большими связками кладут помощники пушнину в мешки. Когда накопится много, ее отправляют в Булун запакованной в огромные кожаные, похожие на почтовые, чемоданы. А в это время в ста-трех-стах, а может быть и шестистах километрах, выгрузит промышленник у своей урасы несложные предметы обихода и провизию.

Второй людный домик — в длинном срубе из тонких бревен. Над одними дверьми надпись по-якутски: «Аптека», над другими — «Амбулатория». Внутри против первой двери скамейка для ожидания и ситцевая занавеска. За занавеской маленький самодельный шкаф с лекарствами. На самодельных же полочках бинты, вата, бутылочки, свертки и несложные инструменты. Против входа — ветхий венский стул, столик с лекарствами и с чашкой, полной хирургических инструментов, рядом таз с тампонами ваты, окрашенными кровью и гноем.

На скамье ожидания три-четыре человека, почти все больны глазами. Редкий с перевязанной рукой. Целыми днями фельдшер занят промывкой слезящихся век, впусканием капель и раздавливанием трахоматозных зерен.

Каждый приезжающий в Казачье — безразлично, болен или здоров — обязательно заходит в больницу выпросить иоду, ваты, бинтов и порошков от «ревматизма» и «для головы». Фельдшеру трудно отказать. Человек

приехал за 200 или за 300 километров, а ему все болящие соседи наказали привезти лекарства. Остается или выдать лекарство, или ехать самому. А ехать нельзя по пустякам. Во время отъезда может приехать гонец из местности, не так отдаленной, от больного, требующего неотложной помощи.

Больница в Казачьем — завоевание революции. Прежде все население Устьянского округа было предоставлено лечению собственными средствами. А собственные средства — выжигание ран каленым железом, остановка крови замазыванием человеческими экскрементами, лечение порезов и ран настойкой из дождевых червей и оленьих личинок-паразитов, а все остальные болезни лечились камланием шаманов.

— Теперь иное — лекарства сюда нужно доставлять пудами, — говорил мне фельдшер. — Просят со всех сторон. Быть может человек и не болен, но как могу я проверить? Ничего не поделаешь, даю обычные лекарства и радуюсь, что ими заменяются знахарские и шаманские средства. Теперь аспирин, цинковые капли, иод и слабительную соль знают в каждой юрте. Приходится каждому посетителю читать лекцию о чистоте, об уходе за ранами, о том, как избежать заражения трахомой, приучать ставить согревательный компресс. Когда приехал сюда, трудно было, руки опускались. Больных принимал с женой-якуткой. Она была за переводчицу. Теперь научился, за два года, объясняться с якутами о болезнях на их языке.

С этим человеком я провел много вечеров. Узнал о его странной судьбе, приведшей мальчика из глухого сибирского поселка в город, в школу и фельдшерское училище, — судьбе, бросившей его прямо со школьной скамьи на фронт империалистической войны и в кипящий котел революции. Уже партийцем, комиссаром санитарного поезда, он объездил все фронты. Нередко менял скальпель и пинцет на винтовку и бомбу. Встреча с акушеркой-якуткой привела его на Лену в Якутск.

Возможность за двухлетнюю работу на крайнем севере получить право на стипендию в вуз привела его сюда в Казачье.

Вся жизнь обитателей Казачьего — за занавесками. Служащие факторий, фельдшера (в Казачьем есть свой ветеринарный пункт), два учителя и партийные работники размещаются в тесных домах и юртах, разделенных занавесками на клетушки.

Люди живут на виду, зная друг о друге все. Якуты не знают другой жизни. Пришлые работники этой неустроенностью тяготятся. Они смотрят на жизнь здесь, как на временную. Все мечтают о переводе в культурные центры, хотя бы в Якутск.

— В прошлом году у нас веселее было. Жила экспедиция, работало радио. Получали новости, было, о чем поговорить. И все мы вновь горячо принялись за клуб. Работали в кооперативе. Дела хватало до поздней ночи. А в этот год новости редко приходят. Почту получаем через Булун, всегда с опозданием. Поговорить не о чем, кроме своих дел. А что говорить — здесь тесный круг, каждый о всех знает все. Жизнь у нас прозрачная, за занавесками. Каждый слышит все, что его касается и не касается. От этого и сплетни идут со склокой. Чем время занять? Бесконечный преферанс всем надоел. За клубную работу приняться хочется не всем. А жизнь не устроена. Каждый из нас, приезжих, привык к обилию воды, к теплой печи и свету. А здесь железные печи, мороз, темнота и кругом якутская первобытная жизнь.

В Казачьем «двадцать три дыма». Поселок раскинулся на пригорке левого берега Яны. Если отойти от Казачьего на километр, увидишь невысокую, потемневшую от времени колокольню без креста и несколько домиков по сторонам ее. Вокруг домиков и между ними какие-то темные кучки, похожие на тундряные байдже-рахи — это якутские юрты.

Поселок вырос после перевода сюда административ-

ных учреждений из Устьянска. Казаки были поселены в этом крае для сбора ясака. Поселенцы эти с течением времени совершенно утратили русские черты, некоторые забыли даже русскую речь. Все путешественники, посещавшие Казачье до революции, описывая казаков, отмечали, что черты их почти не отличались от туземного типа. В последнее время перед революцией казаки занимались, как все местные жители-тунгусы, главным образом рыболовством и перевозкой грузов. Единственным отличием и привилегией казаков был получаемый с момента рождения всеми казаками паек на каждого члена семьи мужского пола, безразлично — рожден ли ребенок был от замужней, вдовы или девицы. Да еще право носить шашку и засаленную фуражку с красным околышем.

Казачье живет пушниной и рыбой. Яна обильна рыбой, в ней водятся те же ценные породы, что в реке Лене: муксун, нельма, омуль. Но главный промысел — добыча кондевки. Она идет по летам в громадном количестве. Ловят кондевку все от мала до велика — не для себя, но для собак. Каждый хозяин запасает на зиму многие тысячи, хранит ее в погребах. Для прокорма одной упряжки в двенадцать собак нужно запasti не менее пятнадцати тысяч рыб. Если запас рыбы достаточен, промышленник может зимой делать частые высмотры песцовых ловушек-пастей. Может совершать далекие поездки к лучшим песцовым угожьям. А лучшие из них от Казачьего в 400 километрах. Сытые, в теле собаки быстро довезут хозяина до пастей. А с плохими собаками далеко не уедешь. А если корма нет, пасти останутся без высмотра.

Если есть корм в изобилии, можно взять подряд на доставку дров в Казачье или льда для факторий и учреждений, можно съездить лишний раз в Аллаиху сменять собак и привезти оттуда казенный груз. Но для того, чтобы добыть достаточно рыбы, надо иметь хорошие снасти. А для того, чтобы купить хорошие сети, необ-

ходимо сдать много пушнины или добыть денег подрядом, перевозкой грузов. Но ни пушнины, ни денег без упряжки сытых собак не добудешь. Получается заколдованный круг: для собак нужен корм, для корма нужны деньги, для добычи денег нужны хорошие собаки.

Вот в этом-то кругу и бьются жители Казачьего и всей тундры по берегу Ледовитого моря от Таймыра до Чукотского полуострова. Год за годом скармливаются собакам миллионы рыб. При помощи собак добываются многие тысячи песцов. Добыча их иногда падает из-за недостатка корма для собак. В такие годы население голодает. Плохой промысел рыбы отражается и на следующем году: промышленники летом не могут обновить свои сети.

Второй, меньший, промысел в Казачьем — охота на гусей. Весной, когда обнажаются проталины, а на Яне, посиневшей и вздувшейся, протянутся у берегов темные водяные забереги, все жители от мала до велика ждут весеннего перелета. И вот, наконец, показались на бледном небе четкие трехугольные ниточки гусиных стай. За первыми вестниками птицы летят сплошной чередой. Они снижаются у открытой воды, садятся в каждую лужицу, другие тянутся дальше. В воздухе стоит свист крыльев. Он смешивается с весенними шумами, с журчаньем ручейков, с уханьем пластов оттаявшей земли на ярах.

Везде, на плоских земляных кровлях селения, на пригорках и на мысах, сидят в это время, обернувшись лицами к югу, люди с дробовками в руках. При приближении гусиной стаи охотники начинают кричать, с удивительным искусством подражая гусиному гоготанью: «лы-ы-глы, лы-ы-глы». Часто, заслышав крики, стая снижается и начинает искать места для спуска. Тогда отовсюду взлетают к небу белые дымки, слышатся выстрелы и падают, ухая, крупные птицы. Мальчишки, не имеющие ружья, мчатся добивать палками раненых и подбирать убитых.

Птица валит валом в течение нескольких дней, а иногда и неделю. В это время ночи уже нет. Охотники почти не спят во все время пролета. Второй сезон охоты на гусей начинается в августе во время линьки. Для нее нужны сети и легкие лодочки — ветки. Для этой охоты приходится уходить довольно далеко на такие тундряные озера, где гуси собираются иногда громадными стаями. Выследив стаю, охотники гонят гусей к середине озера, затем фронтом на лодочках направляют гусиную стаю к берегу, где заранее обнесено сетями пространство, сужающееся по мере удаления от озера. Лишенные возможности летать, гуси, встречая стену из сетей, движутся вдоль нее и в конце концов сбиваются в тупике. Тут иногда вырывается яма. В этом месте начинается побоище. Гуси, вышедшие на берег в стороне сети, затравливаются собаками.

Если выйти ранним утром на улицу, увидишь в морозном воздухе ряд высоких столбов дыма над каждой юртой. Вечером к небу поднимаются из труб высокие столбы искр: в Казачьем топят почти круглые сутки. Во всем селении нет ни одной голландской печи. Даже в лучших домах Сибгосторга, Холбоса и Якутторга и в больнице всюду железные или чугунные печи. С утра видишь на дороге из леса упряжки собак или оленей. На нартах — дрова. Дровами завалены площадки и улицы, груды дров внутри помещений. Устьянская больница, по площади не превышающая средней городской квартиры, сжигает в зиму около 150 куб. метров дров.

После полудня реже видны нарты с дровами. Теперь люди толпятся в факториях, у исполкома и в лавках — это дневные клубы казачинцев. Когда необходимо отыскать нужного человека, идут по учреждениям и лавкам. И только в редких случаях, если человека там не окажется, идут на квартиру.

В ясную погоду, когда учреждения закрываются, все Казачье собирается близ складов Холбоса играть в лапту

или в футбол. Крепко сшитый кожаный мяч настигает бегущих и чувствительно, даже через верхнюю одежду, бьет их. Особенным шиком считается свалить бегущего метким и сильным ударом мяча. Когда смеркается, улицы пустеют. Редко послышится скрип мягких камусов по твердому снегу, еще реже пройдет усталая, в клубах пара, запряжка поздно приехавшего путника.

Теперь все население по домам. В юртах, освещенных светом камелька, а у тех, кто побогаче, огарком свечи, сидят, раскуривая трубку за трубкой, и беседуют якуты так же, как беседуют во всех уединенных юртах всей Якутии. Единственное отличие — темы разговоров. Здесь они обширней. Сюда сходятся новости из Булуна, из Жиганска, из Верхоянска, Аллаихи и Русского Устья, приезжают свежие люди, и раз в месяц приходит даже почта из самого Якутска. Оттуда слабым отголоском доносятся вести о жизни всей республики, изредка и остального мира. Преломленные многими устами, проникают в Казачье слова, рожденные в культурных областях, и с трудом, но находят отголоски и здесь.

Старая Пелага с мужем Иннокентием живут в сторожах при Якторге. Пелага ходит всегда в мягких торбасах. Они сшиты из искусно подобранных темных и серых камусных шкурок. Платье на ней ситцевое, старого покроя, со множеством оборок, начинающихся где-то у ворота. Черные без седины волосы всегда под платком.

Знает Пелага множество старинных историй, глубоких преданий здешнего отрезанного края. Сама Пелага с Индигирки, из Русского Устья, а Иннокентий — из Аллаихи. Своим русско-устыянским говором, сохранившим в себе текучую плавность древней русской речи, она рассказывала мне про гибель целого становища вблизи протоки Станчик на Индигирке, про набеги чукчей и про людей, приезжавших в Аллаиху из города Санкт-Петербурга. Вечером в час, когда в Казачьем на улице не встретишь уже человека, Пелага, убрав по-

суду и набив кадку льдом, неслышно приходила ко мне, становилась в темном углу и смотрела, как пишет, тоже из дальних краев, человек. Иногда я не замечал ее прихода долго, пока Пелага не начинала говор:

«Вечор мой старик камусы спутал: с правой ноги на леву надел. Мólче старый стал Кеша мой и слышит плохо. В тем году, как банды приходили, пало в голову, что стареет Кеша. Сидим мы тогда супротив печки. Старый только что полную ее заправил, а я шкурку заячью вымяла и сижу так, рученьки сложивши. Вдруг слышу, как будто что-то состучало, словно как лед на реке громыхнул. И говорю я Кеше:

— Старик, а старик! Стукнуло, — говорю.

А старик ничего не слышит. «Земля, — говорит, — трещит». А какая земля, разве так трещит? Да и мороз на тепло пошел. Зачем земле рваться? Только это я думаю, опять как ударит.

— Старик, а старик! Опять стукнуло, разве не слышишь?

А он: «Чудится тебе, — говорит, — чтой-то от ветру упало, кабыть». Такое слово молвил! А ветру с досельной недели не дуло. Только это я сижу, и стало мне на ум приходить: стареет Кеша мой. Слуха лишается. Не успела рисницкую поднять, опять как ударило. И ровно как взвоят, ну, человеческим голосом.

— Старик, а старик! Боюсь, — говорю. — Выдь в едому, глянь округ, ктой стучит, ктой кричит.

А старик сидит, уже дремлет. Не стерпело сердечко мое. Кинулася я в горницу, да в дверцою. Да через сенцыца на приступоцкую.

Глянула я округ, не вижу со света ничего. Потом присмотрелася, — вижу, люди бегают да быстренько так, кабыть за гусями на промысле. Да белы, как буры. Только взметнулася я старику сказать про белых людей, опять как грохнет что-то у самого дома. Глянула я, а у нарты — два дня уже стояла завязанная, с товаром на Омолон, — стоят трое: Иван Алексеевич секле-

тарь, второй Петров, и третьего не опознала сразу. И все с винтовками. А Иван Алексеевич-то целится мимо меня в тех белых людей в саванах. Такая беда. Петров говорит спокойненько так: «Уходи, старуха, домой да за печку ложись».

Не упомяну, как вбежала, взяла старика за правую рученьку, и полегли мы на кровать. Лежим, а у сеней все стреляют. Вдруг как ударит по стеклу.

— Старик, — говорю, — пули летят, побежим в другой дом! И побежала через сенцы. Только миновала сенцы, как полыхнет в глаза мне пламенем и гулом ужасным. Пала я на землю. Лежу и думаю — пришла моя кончина безвременная.

Потом дознались люди, от чего такое приключилось. На нарте, завязанной для Омолонской фактории, лежали сверху две банки с порохом. Наши, за нартой стреляючи в темноте без прицела, выпалили в банку с порохом, она и всполыхнулась. Все разом разметала. Один ящик на крышу забросило. А гребешки да путовицы по всему Казачьему подбирали.

Как полыхнула банка, бандиты тут и разбежались. Подумали они, что к нашим пушки привезли. Потом, как очнулась я, со стариком помогали нарту в угон снаряжать. Да никого не догнали, отстрелялись белые.

А пришли бандиты потайно. В досельный день тунгус приехал, сказывал: едут-де из Булуна инструкторы от Советской власти. На другую ночь приехали к Сполкому две нарты. Стучатся какие-то люди: «Открывай», говорят. «Кто такие?» — «Инструкторы из Якутскова».

Сторож не пустил. Бандиты в Сполкоме всех и захватили сонными. Председателя и секретаря под замок к Портнягину в юрту заперли и караул караулить приставили. Все ружья с Казачьего в одно место снесли к Степану Маркелычу. Милиционера, Федора Григорьевича, и еще пять человек партийных туда же под замок. Потом пошли по факториям деньги собирать. В аптеке фершала под замок посадили, спирт отобрали

и стали в сполкоме пировать. Самый главный бандит, как напился, пошел с револьвером в арестное помещение, велел милиционера Федора Григорича под расстрел выводить, а Федор Григорич, в чем был, в рубахе да в штанах, в дверях толкнул караульного и побежал по улице в едому. Главный бандит пять раз ему в догонку стрелял, да не попал: мольче пьян был.

А наши в это время троєм почали обратный переворот делать. Лежали в Госторге берданки с патронами приготовленные. Пять человек разобрали их по рукам да вышли на улицу. А в это самое время главный-то бандит бегал с винтовкой, все юрты осматривал, куда милиционер схоронился. Не верил, что Федор Григорич без одежды в едому ушел. Взял бандит с собою другого со свечой и винтовкой. Так их вдвоем и повстречали наши пониже Госторга.

«Стой!» — кричат. Только бандит хотел взять у другого винтовку, наши и стрелили. Под самое сердце пуля ему попала. А потом к нам прибежали на торку, почали по ихнему штабу стрелять. Увидали бандиты, что дело сорвалось, и стали собак запрягать. Как запрягли да сели на нарту, и стрелять перестали».

Много мне рассказывала старая Целага и «досельных историй» и случаев гражданской войны, вспыхнувшей и здесь, когда разбитые отряды Пепеляева, теснимые красными войсками, кинулись на крайний север Якутии, когда отряд в несколько человек господствовал над целой громадной областью, когда свержение белого ига делалось руками нескольких энергичных людей. когда велись бои за обладание маленькой юрты и гибли большие отряды в тундрах и лесах от пуль лежавшего в засаде врага.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В Казачьем я застал всех промышленников с Новосибирских островов. Среди населения Казачьего они держались особняком. И на островах и в пути видели мы островников в обстановке исключительно тяжелой, в непрестанной работе, в постоянной нужде и тревоге за завтрашний день. Здесь это были совсем другие люди. Вслед за нами в следующие дни щегольски подкатывали к Казачьему нарты других островников. Нарты были нагружены песцовыми шкурками и мамонтовой костью.

Островник в эти дни — желанный гость в каждой юрте. Он щедро платит за квартиру и продовольствие. От него можно ожидать хорошего подарка. Каждый островник по приезде в Казачье чувствует себя богачом и тероем севера, благополучно одолевшим трудности жизни на островах. Здесь он живет роскошно, отъедаясь крупчатными булками, кониной,¹ курит дорогие папиросы. Если подвернется возможность достать за-

¹ Кони́на в Якутии — самый любимый и дорогой сорт мяса.

прещенного плода — спирта или бражки, островник не пожалеет выбросить за бутылку двух или даже трех песцов. Соблазны жизни особенно сильны после лишений.

На станции мы встречались только с промышленниками Ляховских островов. Промыслы на этих островах считаются более легкими. На Большом и Малом много поварен и всегда можно найти диких оленей. На дальние острова новичок не поедет. На Котельном и Фадеевском промышляют артели, во главе которых стоят опытные промышленники, люди исключительной энергии.

Начать с длины пути. Желаящий промыслить на дальних островах должен проехать от 750 до 100 километров только для того, чтобы добраться до своей промысловой базы. Каждый промышленник этих островов в год совершает две поездки с островов в Казачье и обратно. В общей сложности нужно проехать от 3 до 4 километров. Это — только на поездки в Казачье. А осмотры пастей! В каждый осмотр промышленник должен проехать от 150 до 400 километров.

Промышляющий на южных островах имеет возможность в случае недостатка провизии выехать в Казачье еще до начала полярной ночи, уйти вслед за дикими оленями, которые покидают острова около половины ноября, как только замерзнет пролив.

С дальних островов нельзя выехать раньше середины полярной ночи. Бывали случаи, когда море не смерзлось до конца января. Промышленнику с дальних островов нельзя долго засиживаться в Казачьем. Сдав пушнину, он сразу же отправляется на острова осматривать свои ловушки, иначе он не успеет в Казачье к началу мая, когда нужно закупать снаряжение почти на целый год и снова ехать для летовки на острова.

Из островников самым удивительным человеком мне показался Костромин, 36-летний, на вид совсем молодой якут, по прозвищу «Суорсун» (ворон). Он ближе острова Фадеевского не промышляет. Первым Суорсун

построил песцовые ловушки на острове Новая Сибирь, который отстоит от Казачьего на 1 000 километров. Много раз, живя в одиночестве на отрезанном от всего мира острове, Суорсун бывал на краю тибели. Несколько раз съедал этот промышленник своих собак и приходил на Муксуновку, везя нарту на лямках. Но каждый год после короткого отдыха в Казачьем Суорсун снова отправлялся на промысел.

Я подробно расспрашивал Суорсуна об острове Новая Сибирь, который он знает, как свою винтовку. Рассказывал он многое про животных этого острова, про «деревянные горы», сообщил предание о тибели на Новой Сибири девяти промышленников, отважившихся до него заехать на остров за мамонтовой костью. Кости этих несчастных Суорсун находил и предавал земле.

Самым тяжелым годом для него был 1924. Море в этот год замерзло только 1 января. В летнее время не заготовил Суорсун провизии на осень, — можно было летом настрелять гусей во время линяния их. Но Суорсуну было недосуг заниматься такой охотой, он починал песцовые ловушки и строил новые пасти, в расчете настрелять оленей осенью.

Осень наступила ранняя. В конце августа выпал глубокий снег, а с половины сентября началась оттепель, пошел крупный дождь, затем снова ударил мороз. Весь остров оказался закованным льдом. Дикие олени остались без корма: они не могли пробить слабыми копытами толстый слой льда, заковавший траву и мох. Несчастные животные бродили по юго-западному берегу острова, ожидая, когда замерзнет море. Но у берега острова был неширокий припай молодого льда, а дальше плескалось западное море. К половине октября все животные до одного потибли. Всюду, особенно много на морскому берегу, Суорсун и его товарищи находили трупы оленей.

— Беда пришла, — рассказывал Суорсун. — Олени передохли, птицы все улетели, на острове остались мы

двое и двенадцать собак. А в море открытая вода. Что делать? Думал — и мы пропадать будем. Съедем собак, а дальше что?

— Разве нельзя было подохшими оленями кормить собак?

— Не ели собаки. Олени от голода умерли, мяса совсем не было, одни кости да жилы остались. На морозе затвердели. Бросишь собаке, погрызет, окрованит себе зубы и оставит. Мы тоже пробовали есть. Совсем нельзя, — тошнит.

По счастью убил Суорсун медведя. Песцовые ловушки стали высматривать раньше времени, ради песцового мяса. Съели несколько собак. В конце января исчез туман над морем, оно замерзло, можно было идти. С большим трудом, помогая оставшимся собакам тянуть нарты, добрались до Котельного. На этом острове нашли в погребке немного провизии и в феврале, еле передвигая ноги, приплелись в первое жилье Устьянской тундры.

В те времена, когда Казачье было в руках купцов, на острова ездили артели, снаряжавшиеся купцами для добычи мамонтовой кости. В артели нанимались жители Казачьего, реже промышленники из Булуна. Промыслов песца на островах в те времена почти не было, тогда шкурка стоила дешево. В первом десятилетии этого столетия цена песцового меха на мировом рынке резко поднялась. В Казачьем появились новые люди, искатели наживы, охотники за песцами. В Устьянской тундре все лучшие места, где можно было промыслять песцов, были уже заняты местными жителями. Новосибирские острова, как более отдаленные, были еще свободны. К тому же устьянские жители, устремив все внимание на добычу песцов, почти перестали ездить на острова. Это и было причиной появления на Казачьем новой группы «островников», пришлых с юга людей.

Мало-по-малу новые люди стали заселять острова. Они привозили по временам богатую добычу, иногда терпели бедствия. Многие искатели, испробовав горя на остро-

вах, несмотря на богатую добычу, бросали промыслы навсегда.

Другие по неумению или по несчастью разорялись. Из этого переменного состава мало-по-малу отсеивались «настоящие островники», люди круглый год промышлявшие на далекой окраине Якутии, приезжавшие в Казачье только для сдачи промысла и пополнения охотничьих запасов.

Самым видным из таких пионеров был Михаил Михайлович Санников, купеческого рода. С удивительным упорством, забросив все дела на материке, Санников год за годом ездил на острова, не получая ощутительной прибыли по причине широты своих замыслов. Богатый промысел одного года съедался неудачей другого или каким-нибудь несчастьем. Например, в одно лето пробовал Санников для вывоза мамонтовой кости привести на острова лошадей. Все лошади пали. Санников сам, без промысла, с трудом добрался до Казачьего. Но Санников дела не бросил. На следующий год отправился с оленями. Пали и олени на трудных переходах в северной части Устьянской тундры, где не растет белый мох, служащий оленям пищей. Не все олени выжили на островах. Приспосаблились Санников и его товарищи, выбирая более выносливых животных, надергивали руками мох в запас для переезда через пролив. В конце концов стали летовать с оленями. Опыт Санникова и первых промышленников использован. Теперь оленей отправляют на острова возможно позднее, перед распутицей, в середине мая, и уводят с островов в половине ноября, как только смерзнется в проливах лед.

Революция внесла сильные изменения в жизнь островников. Прежде артель редко снаряжалась на общие средства; теперь купец отошел в область предания. Островники снаряжаются на артельных началах. Артель — от двух до четырех человек. Промысел делится на пай в зависимости от степени участия в расходах по

снаряжению. На острова отправляются ежегодно от десяти до пятнадцати артелей. В Казачьем во время съезда промышленников и на островах бывают общие собрания.

На собраниях выбирается старшина — «князь» — всех островников. Он указывает время начала и конца промыслов, решает, когда нужно покидать острова, назначает время увода оленей и судит мелкие тяжбы между артелями. На островном собрании промышленники делят участки. Каждой артели отводится часть острова для охоты, промысла песка и для добычи мамонтовой кости.

Все постройки, возведенные на этом участке, погреба, песцовые ловушки — от 300 до 500 на артель, заготовленные раньше дрова и мелкие промысловые орудия артель получает в пользование на один год. Обыкновенно артели год за годом промысляют на одном и том же месте. Думая о своих удобствах и об успешности промысла, они возводят новые постройки, пасты и промежуточные для остановок поварни.

Опыт жизни на островах научил промышленников бороться с трудностями жизни и промыслов. Теперь островники составляют одну спаянную семью. Артель не оставит в беде товарищей другой артели. Островник не возьмет чужой провизии, не станет осматривать чужих песцовых ловушек, что частенько случается на материке. Он не забудет перед отъездом из поварни наколоть дров и нащепать лучины для едущей за ним артели, пополнить запас израсходованного им льда, он заботливо закроет дверь, чтобы метель не забила снегом поварню. Но островник уверен, что по приезде в поварню ему не нужно будет, усталому и иззябшему, делать работу, которую легко исполнить при отъезде, потому что последний бывший в поварне посетитель поступил так же, как он.

Наблюдая за островниками в Казачьем, думаешь — они богачи. Каждая артель, приехав с островов, сдает многие десятки, часто сотни песцов.

Но островник не богат. У большинства этих промыс-

ленников нет даже собственной юрты. Все имущество островника состоит из нескольких собак, самое большое — одной упряжки, нескольких оленей — от одного до пяти, из носильной одежды и промыслового скарба. Все личное богатство островника вместе с промыслом легко уместается на одной нарте. Островник богат только в дни приезда в Казачье, когда не сдал еще годового промысла. Перед отъездом почти всегда мечется он по поселку, доставая в кредит снаряжение.

Желая уяснить экономическое положение артелей, я составил по опросу всех промышленников средний годовой бюджет артели. Общая сумма годового дохода оказалась неизмеримо выше дохода устьянцев. Но неизмеримо выше оказались и расходы. При внимательном рассмотрении бюджета все мнимое богатство островных артелей рассеивалось, как дым. Общий доход от среднего промысла артели оказывался немного больше 7 000 рублей. Из этой суммы около 1 500 рублей стоило содержание собак и оленей, больше 1 000 уходило на промысловое снаряжение, на провизию — 600 руб. и т. д. В результате чистого дохода за промысловый год на человека оставалось около 1 000 рублей. На первый взгляд как будто достаточно. Но нужно вспомнить, что каждый член артели — глава семьи.

На эти деньги семья островника при дороговизне северной Якутии должна жить круглый год, т. е. покупать провизию, одежду и даже топливо, а в некоторых случаях и платить за квартиру. Ведь глава семьи почти круглый год в отсутствии.

И при внимательном наблюдении за островниками оказалось, что пускают пыль в глаза и утешаются благами жизни в Казачьем после островной страды только одинокие или малосемейные. Имеющий большую семью жмется и в Казачьем.

На острова семью везти промышленник не может. По неписанным законам, управляющим жизнью коллектива островников, въезд женщинам на острова воспрещен.

Я записал в Казачьем рассказы о двух случившихся на островах событиях, которые будто бы и послужили причиной такого запрещения.

Лет двадцать тому назад на Малый Ляховский остров поехали за мамонтовой костью четыре человека. Главным в артели был Петра Кыгыл, добычливый охотник, хорошо знавший все промысловые уголья. Остальные, Хоша, Кеша и Феофан, были молодые парни, попавшие на острова в первый раз. А на остров Большой поехал промыслять Бытагай. Этот был уже в летах, но славился еще силой и добычливостью старый Бытагай. Он, как всегда, отправился с семейством: с женой Марьей и с взрослыми дочерьми, Варварой и Комюсь.

Кыгылова артель поехала совсем без провизии, плохо было и с промысловым снаряжением. Но надеялся на свою опытность Кыгыл. Не раз приходилось ему бывать на островах. Знал он, где можно добыть оленя, где прячутся ленные гуси, где гнездится турукан.

Весной перед самой распутицей четверо промышленников на Малом, охотясь, пошли в середину острова. И в этом месте заболел Петра Кыгыл. Уже начиналась распутица, больного было невозможно перевезти ближе к берегу, где скоро должны появиться птицы. Поэтому решили переждать болезнь Кыгыла там, где застала она. Послали молодого Феофана забрать немного провизии, что была спрятана на конце острова. Главным в этой провизии была кожаная фляга, наполненная рыбьим жиром.

С трудом дотащился по мокрому тающему снегу Феофан до склада провизии. Недалеко Феофан увидел тордох и оленей. Не веря глазам, Феофан подошел поближе и узнал в владельце тордоха старого Бытагая с семейством.

Когда сидели в тордохе, Марья, Батыгаева жена, не спускала взгляда с молодого парня, а когда вышел он на волю за нуждой, сказала мужу:

— Трудно тебе, Батыгай, гоняться за оленями в одиночестве. Трудно нас кормить и за оленями смотреть. Нельзя отходить далеко. Ты — знаменитый охотник. Сколько дичи добыл бы ты, если бы достал себе помощника смотреть за оленями и за тордохом. Возьми Феопана в работники, — все равно им пропадать на острове. Кыгыл не поправится, а эти без него все равно помрут, как теленок без матери-оленицы. Возьми Феопана.

Послушался Марья Бытагай.

Когда вернулся Феопан, Бытагай, подумав, сказал парню:

— Слушай. Много годов хожу на острова. Через неделю или две с Малой Кавришки на остров Большой уже не перебраться будет, а потом вскрыется лед на море. Останетесь одни. Кто из вас знает, где ходят олени, где лённые гуси скрываются, где турукан гнездится? Один Кыгыл. А Кыгыл не поправится: есть нечего. Несешь вот флягу рыбьего жира. На такой еде не поправишься. Хватит фляги, чтоб вам неделю с голоду не помереть. Потом умрет Кыгыл, а за ним и все помрете, кто раньше, кто позже. Много лет хожу на острова, знаю, что без главного вы пропадете. Поедем со мной на Большую Кавришку. У меня оленей много. будешь помогать. Много мяса добуду. Жирные вернемся на землю.

Задумался парень. А Марья сделала знак. Понял знак Феопан и сказал Бытыгаю:

— Сеп (хорошо).

В это лето хорошо промышлял на Большом острове старый Бытыгай. Веселым приходил в тордох и посылал Феопана за добычей. Шел расторопный парень. Правился он Бытыгаю. Стал старик заговаривать с Марьей, что не худо было бы оставить Феопана совсем, — пусть берет любую девку в жены, Варвару или золотокожую Комюсь.

Но Марья каждый раз твердила:

— Погоди. Пусть попросит сам. Сам знаешь, не надо

мешать молодежи. Пусть выберет сам. Не надо торопить, а то зазнается. И жену ценить не будет. Где ему другую невесту найти, как не в нашем тордохе?

В начале зимы откочевал с острова Бытыгай и стал охотиться у Святого Носа.

Случилось один раз — девки пошли собирать и ставить дрова. Бытыгай тоже ушел было на охоту, да спохватился: не захватил с собою огнива. Подумал и вернулся в тордох.

Открыл вход и видит, у стенки лежат старуха и Феопан. Остановился Бытыгай, почернел. Схватился за пояс — за ножом, но одумался. Взял старуху за волосы и долго таскал. Потом принялся за парня. Схватил обрывок мамыкты и долго бил по голому телу, приговаривая:

— Какой тебя чорт попутал связаться со старухой, дурак ты, дурак! Вот Варвара есть, Комюсь есть — молодые, толстозадые. Чего тебе нужно? Я бы слова не сказал! Девки томятся, а ты с замужней старухой связался! Дурак ты, дурак!

Потнал Феопана старик, запретил показываться на глаза и слово взял не рассказывать о своем позорище.

Через несколько лет у урасы, где была оставлена провизия на Малом острове, нашли промышленники кости Кыгыла. Добрался до нее Кыгыл. Где остались двое других, почему Кыгыл, а не они, пришли за провизией, так и осталось неизвестным. А Феопан покался перед смертью.

Второе предание о женщинах на островах рассказал мне Митрофан Иванов.

Собралась артель из Устьянска на острова. Поехал с нею Кеша Стручков, взял молодую жену Мокрушу. О ней, Мокруше, слава шла по всему северному краю. Многие сватались к красивой девке, но всем отказывал ее отец, — ждал богатого жениха. Кеша был единственным сыном богатого собаководы из Аллаихи, — ему

и отдал дочку старый Уйбан. В числе сватавшихся к Мокруше был лучший охотник края Сердых. Стрелял он без промаха и мог бежать за дикими оленями половину дня без отдыха. Был добычлив и силен. Правился и Мокруше. Оказался в это лето на островах и Сердых.

Случилось в этот год на островах мало оленей. Все промышленники поели домашних оленей. В самую голодную пору около Ильина дня встретились на острове Кеша и Сердых. Кеша был голоден. Сердых с добычей. Сам предложил принести половину оленя в тордох у речки.

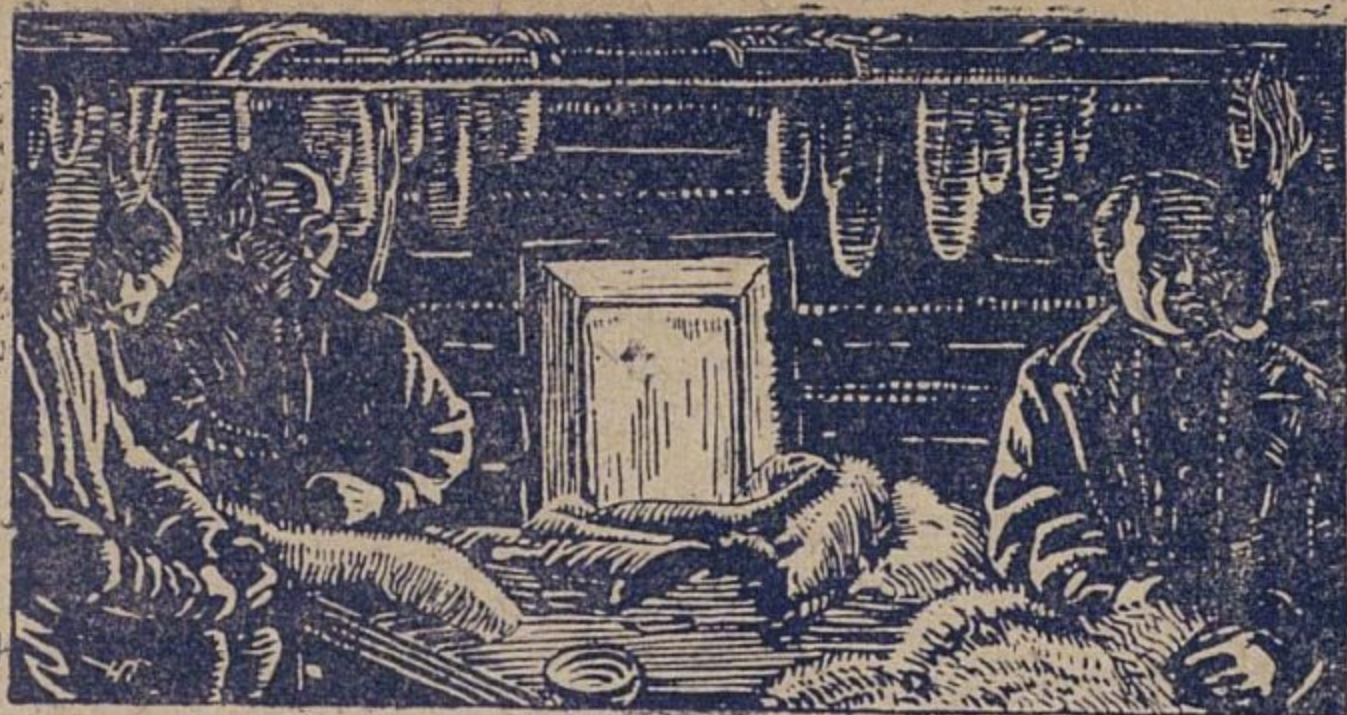
Сердых принес оленину в то время, когда не было в тордохе хозяина. Пробыл недолго. И, выходя, встретился лицом к лицу с Кешей.

Через два дня пришла в Будуной Мокруша и рассказала, что муж ее и Сердых дрались ножами, и оба умерли от ран в день встречи.

После этого случая был совет людей, которые ездили на острова. Порешили на этом совете: с женщинами на острова ездить нельзя. С женщинами дальше Муксуновки не кочевать.

А речка, где дрались Сердых и Стручков, и теперь зовется Мокрушей.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В Казачьем мне пришлось пробыть 17 дней. К концу апреля все дела были закончены. Закуплены в кредит необходимые для станции продукты, подобрано с помощью островников 17 домашних оленей, которые должны были после летовки на острове отвезти зимой в Казачье наши коллекции. До станции согласился довезти меня Митрофан Иванов. Мы выехали в полночь на 28 апреля.

Конец апреля на севере Якутии считается началом весны. Ночь уже совершенно прозрачна; еще несколько дней пути на север, — и покажется полуночное солнце. Днем уже тает на солнце, дорога темна и мягка. На Яне местами у берегов вода.

Но весна с трудом проникает на север. Вблизи Бирюса, у Янского устья попали мы в самую настоящую зимнюю жестокую метель. Не успели отъехать по тундре и 10 километров от устья, метель усилилась настолько, что среди белого дня не видно было передовой собаки. Ветер дул прямо в лицо. Собаки, стараясь укрыться от него, прятали морды от несущихся и колю.

щих глаза снежинок и постоянно сворачивали в сторону. В результате, проехав около часа, мы не выехали на морской лед, как следовало, но все еще двигались по слабо волнистой тундре. Внезапно пред нами выросла какая-то гора. По ней Митрофан узнал, где мы находимся: собаки завезли нас слишком вправо. Пришлось обходить гору слева. Только успела гора слиться с диким потоком несущегося снега, мы оказались на краю какого-то обрыва. Обойдя его, стал Митрофан править по компасу. Еще полчаса езды навстречу буре. Собаки попрежнему кидались от ветра. Снова встал на пути какой-то откос.

Посоветовавшись, решили мы вернуться в Бирюс.

— Найдем ли мы дорогу? — спросил я Митрофана.

— Собаки сами найдут.

В самом деле, меньше чем через час после того, как завернули мы собак на собственный след, они привезли нас к маленькой избушке в Бирюсе. Тут живут два брата Портнягиных, бывшие устьянские казаки.

Мы не застали хозяев дома, они уехали осматривать песцовые ловушки.

На другой день ветер слегка утих. От метели осталась небольшая поземка. Снова выехали на северо-восток.

В этот раз мы делали на отдохнувших собаках большие переходы. Перегон от Бирюса до Муксуновки проехали без остановки. Следующая остановка была в Аджейгардахе, затем в Чай-поварне. Сто пятьдесят километров от поварни до станции, несмотря на ужасные торосы в проливе, мы прошли за одни сутки, с короткой остановкой для чаепития уже на Ляховском острове.

Такие переходы были в состоянии совершать только хорошо тренированные собаки Митрофана. Его упряжка известна по всему Устьянскому краю. Из четырех станционных собак только две выдержали путь, но и они под конец совсем обессилели.

Митрофан Иванов в этот год решил промышлять на Большом Ляховском острове. На Котельный надо было

съездить за оставшимся там снаряжением и припасами да осмотреть в последний раз зимой заряженные пасти. Я решил проехать с Митрофаном: нужно было своими глазами увидеть жизнь и промысел на дальних островах. Не задерживаясь на станции, пробыв там всего три дня, выехали мы 10 мая снова в дальний путь, на Котельный остров. Вместо двух утомленных собак Митрофана, припрягли двух лучших станционных.

Пора познакомить читателя с моим замечательным спутником — якутом Митрофаном Ивановым.

Иванов — высокий, крепкий мужчина лет сорока пяти. Если бы не некоторая утомленность взгляда серых, не якутских глаз, не то с суровым, не то с страдальческим выражением, Митрофан походил бы на тридцатилетнего. Он бодр, легок в движениях, в темных волосах и густых коричневых усах ни одного седого волоса. В лице Митрофана заметна большая примесь русской крови.

Иванов — единственный грамотный среди якутов-промышленников. В молодости он был улусным писарем где-то далеко на юге в Вилуйском округе. Грамота наложила печать интеллигентности. В отличие от своих собратий по промыслу он совсем легко воспринимает понятия отвлеченные, выходящие за пределы повседневной жизни. Ничего не стоило разъяснить ему в течение получаса основные методы топографической съемки и принципы конституции Союза.

Митрофан ходит на острова уже семнадцать лет. Он ученик Михаила Санникова. Если Суорсун может считаться самым отчаянным промышленником на островах, то Митрофан — самый опытный, уверенный и умный. Много лет Митрофан состоял бессменно «князем». Быть может привычка быть авторитетом для большой группы людей, быть может прирожденные качества тому причиной, но каждое слово и действие Митрофана чрезвычайно обдуманно. На Митрофана можно положиться. Он не многословен и точен в выражениях.

Иванов промышлял на всех островах, за исключением Новой Сибири, но больше всего на Котельном и на Малом. Большинство пастей — всего за жизнь Митрофан выстроил около восьмисот — поставлено им. И промежуточные поварни на этих островах тоже его работа. Я спрашивал Митрофана: «какая тебе выгода была ставить столько пастей и избушек, ведь ими пользуются теперь другие?»

— Мне своей работы не жалко. Если не работать, какой от нас след останется.

Митрофан прямолинеен:

— Детям нашим будет жить хорошо. По-новому. Только я стар. Буду жить до смерти по-старому. Сыну скажу, чтобы шел в комсомол.

На Котельный остров промышленники едут сначала вдоль южного берега Большого Ляховского острова до урасы Ипсы, от нее поворачивают на север, начинают пересечение острова к устью реки Блудной (Будуной). Затем дорога идет через пролив Этерикан к Малому Ляховскому острову, по западному берегу его, до местности Станчик в северо-восточном углу этого острова. Пересечение широкого пролива Санникова совершается от Станчика к мысу Медвежьему на острове Котельном. Конечно, нигде дороги никакой нет. Есть только промежуточные поварни, в которых можно переночевать или переждать непогоду.

Все берега Ляховского острова обставлены песцовыми ловушками — пастями. Когда едешь вдоль берега, на склоне его, по пригоркам, в тех местах, где снег не заносит землю, повсюду высятся пасти. Издали они похожи на указующий перст. Этот перст в самых разных положениях указывал нам дорогу до самых Ипсов. От Ипсов мы ехали, пересекая остров, по волнистым увалам малых возвышенностей.

Стояла ясная морозная погода. Несмотря на хорошую видимость, взору не на чем было отдохнуть среди бес-

конечных заснеженных увалов. Когда едешь целый день по такой пустыне, взгляд невольно следит за синей, скользящей по снегу тенью нарты да за зайчиками на снегу между трепетных теней, бросаемых бегущими собаками. Долго смотришь на черные отверстия в снегу — ходы леммингов, с бисерной цепочкой нежного следочка этого зверька. То попадется, похожий на звериный, след мохнатых лапок белой куропатки; отмечаешь, как к следу со стороны подходит размеренный песцовый след и дальше — за оборвавшимся следом куропатки — три-четыре ряда симметричных царапин на снегу: куропатка взлетела. На других местах на нескольких километрах не увидишь и этого. Тундра, голая тундра.

Ближе к северному краю острова проехали мы по лабиринту озер Хааз-Тыр, само название которых (гусиная охота) указывает, что в летнее время здесь бывает хороший промысел гусей. За озерами начинается возвышенность, с вершины которой открываются широкие горизонты. Отсюда мы увидели крутые склоны горы Кигилях («Человеческая») на западном конце острова, с ее гранитными скалами, похожими издали на окаменевших великанов; на северо-востоке — пологие горы Кавришки и вдали в дымке, задернувшей полярное море, едва заметный Малый Ляховский остров.

Задолго до урасы Булуной, где мы ночевали, в далеком расстоянии от моря начали попадаться торчащие из снега куски древнего плавника. Я не мог сразу объяснить себе находки плавника столь далеко от берега. Поднятие ли его? Быть может страшный напор льда или поднятие уровня воды в здешнем мелководном море после продолжительного ветра? Лишь впоследствии при сопоставлении с другими обстоятельствами мы выяснили, что берег здесь поднимается.

В таком же затруднительном положении оказался я во время маршрутной съемки, когда пришлось определить положение берега у Булуной. Из-под снега, закрываю-

щего морской лед, выставлялись многими рядами концы плавника. Только по расспросам удалось мне выяснить, что береговой черты, т. е. резкой границы между морем и сушей, здесь не существует. Море настолько мелководно, что дикие олени перебредают в летнее время весь пролив Этерикан, разделяющий острова Большой и Малый Ляховский. При ветрах с суши море уходит за два-три километра от урасы Булуной и подходит близко при нагонных ветрах.

По причине молководья в проливе между Ляховскими островами не бывает крупных торосов. Мы встретили в нем только мелкие гряды из нагромождений тонкого осеннего льда.

Берег Малого Ляховского при первом взгляде напомнил окрестности станции: такой же невысокий скат к морю с редкими вспучиваниями-байджерами, приплек с редким плавником, и на взлобочках те же указующие персты-пальцы. Первую остановку сделали мы в стане Васильевском для чаепития. В этом становище сохранился еще знак экспедиции Толля около срубика, склада провизии, уже давно расхищенного. На знаке в виде креста имеется надпись, сделанная гвоздями по ржавой жести:

D 2. Toll 12/V 1901. Woll.

(Депо № 2. Эксп. Толля, устроенное 12 мая 1901 г. Волосовичем.)

К северу от стана Васильевского заметили мы рядом с берегом валы из гальки, несколько похожие на нагромождения щебня, какие наблюдаются у морен движущихся ледников. Валы эти достигают высоты трехэтажного дома. Несомненно валы образованы мощными напорами льда со стороны открытого моря. По словам Митрофана, напоры льдов на берег в этих местах бывают ужасны во время западных ветров. Ледяные поля, площадью в несколько сот квадратных километров, внезапно остановленные при своем движении сушей, нагромождают гряды торосов, совершенно непроходимых.

Отдельные льдины, пропахивая глубокие борозды и впиваясь в землю, вылезают на берег. Другие, упершись в дно, углубляют его и выносят на себе целые тонны гальки. Таково происхождение этих хребтов. Можно представить участь парохода, если бы он оказался во время образования таких валов между берегом и льдом!

За Петра-станом впадает в море река Кубалах (Лебединая). Вряд ли прекрасные лебеди посещают этот су- ровый полярный остров. Вероятно, название — плод поэтического движения души якута, впервые летовавшего в этом глухом уголке земного шара и вспоминавшего родные покинутые места, при весеннем перелете, когда лагуна у устья реки Кубалах кишмя кишит водоплавающей птицей. Во время весенней распутицы к этой реке со всего острова стягиваются промышленники. Здесь благодаря обилию птицы они не испытывают в распутицу таких затруднений, как на других островах. Последняя остановка на Малом Ляховском острове — Станчик. Тут стоит небольшая коническая ураса — «ко- лыма», построенная Митрофаном в том месте, откуда выгоднее всего начинать переход к острову Котель- ному.

От Станчика до Котельного считается больше 80 километров. Мы прошли это расстояние неожиданно быстро — в один день. Утром совсем недалеко от берега попали было в гряды, казалось, совсем непроходимых торосов. После долгих поисков удалось найти между ними лазейку, через которую при помощи кайлы и то- пора пробили дорогу для нарты. Вторая гряда, шири- ной около 2 километров, закрыла путь уже в середине пролива. Местами обходя торосы, местами прорубаясь, мы проложили след и через это препятствие. Дальше до самого острова серьезных торосов не встретили.

Не в первый раз дивился я искусству Митрофана на- ходить дорогу и прокладывать курс по компасу. Мне известны случаи, когда водители морских судов, образо- ванные люди, пользуясь прекрасными компасами и ла-

гами,¹ делали крупные ошибки. Едва грамотный якут Митрофан при помощи обыкновенного карманного компаса держал курс прекрасно. Мы вышли совершенно точно в то место к становищу Елисея, куда держали курс.

Недалеко от Станчика осторожно, как величайшую драгоценность, вынул Митрофан из заветного мешечка компас, где хранился он вместе со спичками, огнивом и кусочком трута, поставил компас на снегу совершенно горизонтально. И долго ждал, пока успокоится стрелка. Потом провел пореем по снегу черту в продолжение направления, указанного компасной стрелкой. Под некоторым углом к этой черте провел еще вторую, отнес компас на один шаг, обождал, снова начертил две линии. Сверив первый чертеж со вторым, убрал компас и продолжил линию до пересечения с резко выраженной застругой.

Я понял: Митрофан нашел курс под известным углом к направлению заструг.

Когда мы оставили далеко позади тяжелые торосы, встреченные по середине пролива, и взобрались на хорошо занесенную снегом высокую гряду льда, Митрофан внезапно остановил нарту, начал вглядываться вдаль, потом сказал:

— Стар я стал! Глаза, однако, плохо видят. — Но довольная улыбка на коричневых скулах не вязалась со словами. — Посмотрите, что это там?

Я вгляделся. Прямо перед нами, почти незаметным, совсем неясным силуэтом, похожим на нежнейшее облако, виднелась земля.

— Как будто бы земля.

— Давно ее вижу, — подтвердил Митрофан. — Думаю, стар стал, себе не верю и глазам своим. Но они еще служат.

Мы выехали точно к становищу Елисей. Виденная

¹ Лаг — инструмент для определения скорости движения судна.

впереди земля, похожая на опрокинутый котел, была мыс Медвежий на острове Котельном.

Стан Енисей — маленькая, рубленая из бревен избушка, с плоской крышей и крошечными окнами, единственное пятно на пригорке. Она низка, в рост человека. У трех стен ороны, в четвертой низкая дверь, в которую нужно протискиваться, согнувшись в поясе. Угол занят камельком, в противоположном углу на тонких ножках столик, около него два обрезка бревна, исполняющих роль стульев, и несколько полочек — по стенам — вот внутреннее убранство промыслового стана на северном острове.

Когда мы вошли, в избушке было темно, слабый синеватый полусвет пробивался через окошки, в которые не просунешь и голову. В одном были вставлены осколки стекол, искусно врезанных в доску, в другом — тонкие пластины льда. Несмотря на тесноту, избушка выглядела уютной, особенно когда Митрофан разжег камелек.

Этот камелек — гордость Митрофана — в самом деле был лучшим из виденных мной.

Якутский камелек — «огох» — представляет собою обыкновенный камин с широкой трубой. Устройство камелька довольно остроумно: внизу небольшой срубик в три венца плотно забивается землей. С краю этой земляной площадки ставится в слегка наклонном положении кольцо из жердей. Внутри его — второе. А промежуток между двумя получившимися цилиндрами набивается и плотно утрамбовывается сухой землей. Когда земля утрамбуется, подобно летней дороге, и станет твердой, как камень, внутреннее кольцо осторожно вынимают. Образовавшийся земляной цилиндр для крепости обмазывается изнутри глиной. Теперь остается вырезать отверстие в нижней части и обмазать его глиной, — камелек готов. Достоинства камелька — быстрое обогревание помещения и хорошая вентиляция юрты, создаваемая тягой воздуха через широкую трубу. Недо-

статок — огромный расход топлива. Камелек Митрофана отличался особой тщательностью работы и всевозможными усовершенствованиями для придания прочности и удобств при таянии льда и приготовлении пищи.

На следующий же день после нашего приезда разыгралась буря. Не обращая внимания на метель, Митрофан уехал для осмотра пастей по западному берегу. Я остался с тремя собаками для исследования и съемки южного берега.

Из дневника в Котельном.

16 мая. Целый день провел я в избушке за обработкой съемки, приткнувшись у малютки-окошка. В домике тишина, когда, обуглившись, перестанут трещать поленья в камельке. Лишь вслушавшись, замечаешь шорохи метели за стеной, шипенье снега, попадающего в широкую трубу камелька, и изредка повизгивание привязанных у входа в избушку собак. Впустил «Черныша», бедняга зябнет больше других.

17 мая. Та же унылая выюга. Под утро видел совсем не подходящий к Котельному сон: мне грезился длинный пляж на Халензее в утренний час, группы немецких ребятишек на теплом песке, лиловые тени кабинок, веселые купальщики. Меня манила рукой какая-то золотистая Гретхен, в полосатом — черное с белым — костюме. Проснувшись, не сразу понял, почему не слышны крики ребятишек, где синие тени? Долго не мог сообразить, что за черные полосы у меня перед глазами. Они стали появляться сильнее. Ах, да! — это иней в пазах промысловой избушки в 13 000 километрах от Халензее!

Отправившись за льдом для утреннего чая, я обнаружил, что избушка занесена снегом почти до верха, а сени наполовину забиты сугробом, возвышающимся до самого потолка. Пришлось сначала при помощи ножа вести траншею к погребенной сугробом лопатке, затем начать другую к выходу и, разрезая снег на кирпичи, выносить

его через траншею наружу. В этом занятии, в колке дров и приготовлении пищи прошла половина дня. Потом пришлось откапывать и собак. Я нашел «Кутияха» с трудом: его длинные лохмы примерзли к снегу, — еле освободил. С некоторой тревогою думаю о Митрофане. Вот она жизнь промышленника, хочешь, не хочешь — надо ехать, не считаясь с погодой, справляться с непослушными в метель собаками и находить свои пасти!

Остаток дня провел в приведении в порядок путевых записок и в заготовке дров. За сутки выходит не меньше сорока поленьев.

18 мая. С утра такая же выюга. Днем опять очистка сеней от снега, набивающегося через щели у двери и в стене. На этот раз пришлось вынести не меньше 15 кубических метров. Затем отправился привезти плавник для дров в километре от избушки. Распилить, расколоть. Вся эта работа вместе с приготовлением пищи заняла почти весь день. На такую жизнь осуждены почти все жители севера. К вечеру ветер затих. Остаток дня прошел в приготовлениях к экскурсии, приведении в порядок маленькой нарты, в починке собачьих алыков, укупорке провизии, одежды и инструментов. К ночи нарта стояла уже завязанной.

19 мая. В шесть часов утра отправился вдоль берега на запад. В упряжке четверо: три собаки и я. Всю дорогу я ссорился с собаками. Три собаки не могли везти нарту по мягкому снегу без помощи. Сам же я не находил места, где привязать свою дямку. Проще всего было идти впереди собак. Однако в таком случае «Бобка» затевал грызню со своим исконным врагом «Кутияхом». Когда я привязывал дямку сбоку саней, мало обученный передовой «Черныш» уводил собак в сторону от курса. А это мешало съемке берега. В конечном счете мы двигались довольно медленно, проходя за час не больше 2 километров, а с остановками — не делали и одного.

Южный берег гористого Котельного острова несколько отличен от южных островов. И здесь склон берега

в большей части — пологий увал, с конусами байджерахов. Но есть и каменистые обрывы черных сланцев с остатками ископаемых животных. Есть такие же валы прибрежного щебня со следами напора льдов, как у острова Малого Ляховского. Погода стояла пасмурная, термометр показывал — 4°. Еще ни разу не было оттепели в эту весну.

После полудня, когда я был поблизости мыса Медвежьего, погода, как по волшебству, изменилась. Растаяли низкие тучи, стих ветер. Яркое солнце залило ослепительным розовым светом унылую равнину моря, заиграло слепящими блестками. Протянулись сине-лиловые тени на склонах берега, и по мрачным утесам тысячелетних льдов, по вершинам торосов легли синие пятнышки — в каждой ямке в выбоине снега. Температура резко поднялась. Я скинул сначала верхнюю одежду, ватем меховой жилет; остался в тельнике и толстой норвежской фуфайке. Не прошло и получаса, пришлось сбросить и фуфайку и остаться в одном тельнике с откинутой за спину шапкой. Я измерил температуру на фуфайке, засунутой на нарте под веревкой, она оказалась + 18° Ц! В то время, как я был занят записью отчета одометра,¹ послышалась над самой головой бесшабашно веселая трель пуночки.

Несколько минут спустя с южной стороны донеслись крики птиц. Через мгновение над моим маленьким караваном, свистя крыльями, пронеслась на север большая стая турканов. Так встретила меня весна на острове Котельном.

После пятнадцатичасового перехода с остановками для подробного осмотра берегов и сбора коллекций подошел я к избушке Михайлов стан. Под конец мы нарту еле тащили: кроме коллекций, на ней лежала глыба ископаемого льда. Ее я вырубил в обрыве побли-

¹ Одометр, инструмент в виде колеса со счетчиком оборотов, измеряет пройденное расстояние,

зости мыса Медвежьего, чтобы доставить для исследования в Ленинград.

Избушку незадолго до моего приезда посетил какой-то бродяга-медведь. Следы его в виде столбиков шли куда-то на запад. Дверь с избушки была сорвана, оленья шкура, которой якуты обыкновенно обивают двери, была изгрызена, смята и брошена в полусотне метров. Из-за этого нахального бродяги мне после трудного перехода пришлось часа три махать лопатой, чтобы очистить избушку от снега. Он через раскрытые двери забил ее почти до верху.

20 мая. Целый день слабая метель с густым снегопадом. Получил возможность выйти только после полуночи. Ветер стих, но густой снегопад продолжался. Низенькая нарта вязла в снегу. Собаки быстро устали. Я медленно брел рядом с собаками, беспрестанно крича на передового охрипшим от натуги голосом. Не хотел бы я показаться в таком виде моим московским друзьям!

Митрофан вернулся через неделю после отъезда сильно похудевшим, с обозначившимися, как у мертвеца, глазничными впадинами на пепельно-черном лице. Он задержался из-за сильных метелей и из-за «лета», которое настало в местности севернее лагуны Нерпалах. Видимо, близко у северо-восточной части была открытая вода: видел Митрофан «темное небо» всюду на севере и на востоке; появилось там множество птиц: чаек, турканов и уток-морянок. Добыча Митрофана средняя — 23 песца, медведь, съевший отравленную ворвань, и маленькая нерпа. Предположение об открытом море на севере подтверждается тем, что шкура белого медведя успела подопреть.

На острове Котельном самым интересным участком для меня был почти не нанесенный на карту берег между мысом Медвежьим и рекой Балыктах. Для исследова-

ния этого берега я отправился 25 мая с Митрофаном на полной упряжке собак. На острове Котельном родился новый промысел — рыбный. Пионером его был как раз Митрофан Иванов. Давно ходили слухи о том, что водится в реке Балыктах красная рыба. Митрофан первым завез туда легкую лодочку — «ветку»¹ и сети. За последние годы он вылавливал в реке Балыктах и в рядом лежащей реке Ньюколе достаточное для него количество рыбы. Хватало и для себя, и для собак. Уговаривал Митрофан и других островников заняться рыбным промыслом, но до сих пор еще никто не последовал его примеру. Еще бы! — Оленья охота с ее приключениями и удачами во много раз завлекательнее скучного рыбного промысла! Тем более на острове, где температура летом держится лишь немногим выше точки замерзания, где постоянно свирепствуют сильные ветры.

Мы двигались довольно медленно, — задерживала съемка, и останавливались у каждой пасти. Нарта шла у самого берега, что было очень удобно для составления карты его.

Собаки островников привыкли к объезду пастей. Как крестьянская лошадь в конце борозды, они останавливаются без окрика против каждой пасти и без понукания бегут дальше, как только промышленник садится на нарту. Однообразный берег, торосы в море, мглистый воздух. Пока я вожусь у одометра и записываю отсчеты, маленькая в белом просторе фигурка моего спутника сливается с пастью, чернеющей на пригорке. Потом отделяется, быстро растет, одна рука отставлена. Только вблизи различаешь: песец или куропатка. Митрофан молчалив и одинаково сосредоточен, когда с осторожностью укладывает в полог на нарте пушистого песка или досадливо швыряет туда же замерзшую в виде лепешки белую куропатку. К концу дня в полоте набирается десяток песцов и около дюжины куропаток,

¹ Ветка — легкая долбленая лодочка.

Один раз увидели мы в полукилометре расстояний черную точку. При нашем приближении от нее быстро откатился белый пушистый комочек — песец и скрылся среди торосов. Точка оказалась молоденькой нерпой, с испуганными чистыми, человеческими, глазами. Она свирепо хрипела, когда мы подошли, и неуклюже подпрыгивала, скаля мелкие, похожие на рыбы, зубки. Снег вокруг измазан был кровью и густо утоптан песцовыми лапками: здесь происходило сражение. Неподалеку нашел я отверстие во льду, из которого нерпа вылезла полежать на снегу. Песец сумел отогнать ее от воды. Митрофан довольно равнодушно ударил животное по голове пореем и поднял добычу. В нижней части живота несчастного зверька зияла крупная рана: песец успел выесть у живой неповоротливой нерпы незащищенную часть туловища.

В другом месте осмотрели медвежью пасть. Митрофан сердит на белых медведей: множество пастей — не меньше тысячи — поломали у Митрофана медведи. Раз отведав готовой добычи, медведь идет по берегу и занимается высмотром. Если он очень голоден, ломает все под ряд ради насыпанных для приманки мясных крошек. Сытый — ломает только те, где есть попавшийся песец. Такую пасть медведь растаскивает до последнего колышка, чтоб легче было отвалить бревно. Бьет нещадно Митрофан медведей из ружья, разбрасывает отравленное нерпичье сало. Устроил и несколько пастей с двумя рядами тяжелых бревен, которые надо поднимать системой рычагов.

К такому сооружению подошли мы посмотреть, не попался ли зверь. Пасть стояла открытой, и ворвань в ней была не тронута. Следы виднелись рядом с пастью в большом количестве, со всех сторон. На одном из бревен остались следы когтей. Видно, мишка долго ходил, дивясь человеческой хитрости, но не поддался искушению закусить бутербродом из ворвани и ушел, бормоча: «Поищите дураков попроще!»

В первый день мы сделали небольшой переход. Снег был мягок, по-весеннему уброден и липок. За день не сделали и 20 километров. Остановились на ночлег в небольшой «колыме» у устья крупной, не нанесенной на карту реки Корга-юрях, — так называет ее Митрофан из-за торчащих повсюду в мелководном море коряг плавника.

Весь берег, виденный за этот день, однообразен. Только в двух местах он прорезывается каменными мысами. На остальном протяжении берега все те же тундряные байджерахи, большие и малые у пологого берегового ската, узкий приплесок с плавником — обычная картина прибрежного участка на здешних островах. Ближе к реке Корга-юрях море становится мельче. Река изливается в залив, западный берег которого лежит почти на уровне воды. По словам Митрофана, берег столь же часто меняет свои очертания, как у становища Булуной. Только вблизи устьев рек можно плыть на лодке. В других местах для того, чтобы перевести «ветку» от одной реки к другой, приходится, бредя по мелководью, тянуть ее на лямке.

В Корга-юрях решили устроить дневку. Днем дорога стала слишком тяжела. Ночью слегка подмораживает, легче идет нарта, меньше страдают от жары собаки. Митрофан занялся съемкой шкурок, чтобы не везти на нарте лишний груз. Шкурки снимает он артистически, не торопясь, но быстро. Аккуратно разберет пробор на животе, быстрым и верным взмахом сделает три разреза на животе, в пахах и, ловко помогая ножом, обдирает песца. Минут через десять шкурка лежит аккуратно свернутая.

Митрофан все делает основательно. Если строит избушки, из-под умелых рук выходит высшее достижение якутской архитектуры. Его нарта велика, но легка на ходу и прочна. Упряжка собак Митрофана — лучшая в Устьянском крае. Собачьи алыки искусно пригнаны каждой собаке по росту. На остановке он не вой-

дѣт в поварню, прежде чем нарта его не будет разгружена и перевернута, собаки накормлены и привязаны, осмотрены их лапы, заготовлен лед и дрова с излишком. Я не видал его ни минуты без дела. Даже во время пути он не потерпит малейшего беспорядка на нарте и в упряжке, а сейчас же исправит.

Наш следующий переход оказался на редкость тяжелым. С вечера пошел густой снег. Пришлось всю дорогу брести по колено в глубоком и липком снегу. Прекрасная упряжка Митрофана с трудом везла почти пустую нарту. Около реки Ньюкола оставили мы в поварне все имущество; теперь нарта шла без всякого груза. Но и это не помогло: собаки выбились из сил и постоянно останавливались. Мы проходили не больше полутора километра за час.

У реки Балыктах сделали мы короткий привал, чтобы осмотреть ее и рядом лежащую землю Бунге.

К этой земле больше подходит якутское название «Улахан-кумах» (большой песок). Трудно определить в это время года, где же берег ее? Земли не видно. Она отличается от моря только отсутствием торосов. По словам Митрофана, в летнее время тут видна бесконечная, почти не возвышающаяся над уровнем моря, песчаная отмель. Она тянется на сотни верст, беспрестанно меняя очертания участков, граничащих с морем. Только в середине земли есть несколько невысоких холмиков, известных под якутским названием «бульгуньяков». Вот в этих бульгуньяках и находили якуты когти «двуглавого орла», «Экзекю».

По этим находкам и другим остаткам доисторических ископаемых животных можно предположить, что и земля Бунге еще не так давно была похожа на другие острова Новосибирской группы. Так же, как на Ляховских, везде под тонким слоем почвы залегал и здесь ископаемый лед. По какой-то причине разрушение верхнего слоя земли, предохранявшего лед от стаивания, совер-

шилось здесь быстрее, чем на других островах. В конце концов от громадного острова остался один след: отмель, еле возвышающаяся над уровнем моря. Вероятно такая же судьба суждена и другим островам. От них останутся лишь отдельные каменистые вершины, окруженные таким же песком.

На обратном пути от Балыктаха заезжали мы на реку Ньюкола-юрях, в главное место Митрофанова рыбного промысла, взять в погребе для собак остатки рыбы. Устройство погреба несложно. Снимается верхний оттаивающий слой земли, до почвенного льда. В дальнейшем остается выкопать в ископаемом льде глубокую яму и поставить в ней лесенку — бревно с зарубками. Сверху погреб закрывается жердями или досками, их прикрывают шкурой. Поверх всего накладывается несколько кусков дерна.

Вернулись мы утром 27 мая; остаток этого дня и следующий прошли у меня в разборке собранных коллекций. Митрофан же все жердочки под потолком заложил замерзшими песцами. Даже в избушке посветлело. Потом занялся съемкой шкурок.

— Жирны в сей год песцы. Беда жирны! — слышу, бормочет Митрофан, осторожно, чтобы не запачкать жиром, выворачивая шкурку и надевая ее на заостренное бревно.

Очистка от жира — большое искусство. Легко испортить шкурку. Надев на заостренный конец бревна мордочку песца, промышленник должен ловкими взмахами ножа отделить жир от нежной шкурки дочиста. Рука Митрофана тверда и верна: очистив три десятка шкурок, он сделал только два пореза, которые пришлось зашить нитками. Скоро все ороны оказались заваленными комочками белоснежных шкурок. По мере очистки Митрофан растягивал шкурки на пялках, разрезанные лапки привязывал ниточками к маленьким дощечкам. Ряды оттаявших песцов под потолком редели и заменялись готовыми шкурками на пялках.

Для меня все шкурки кажутся равноценными. Все белы, все пушисты. Но глаз Митрофана может разложить шкурки по качеству, от первой до последней.

— Самый лучший песец ловится в это время. Всю зиму бегал он по морю и по тундре. Весь слабый волос потерял, остался самый крепкий, самый здоровый. Вот этот, он недавно попался, — первый сорт! На спине волос длинный и ровный. Из него торчит ость — словно серебряная, ровная, как подстрижена. Хвост тоже ровный и пушистый. Во всей шкуре никакого изъяна. А вот у этого все хорошо, да ость неровна. Этого только теперешним приемщикам можно за первый сорт всучить среди партии, а настоящая цена ему второй сорт.

Митрофан достал из белой туды шкурку на мой взгляд такую же, как все другие, но не столь красивую.

— Этот — лежебока, всю зиму в норе пролежал. Волос на боках совсем низкий, спина почти без ости. По вытер, в нору лазаючи. И белизны нет настоящей. На солнце мало был. Лентяй-песец. Третий сорт — вся ему цена. Вот этот совсем хорош, да, видно, нездешний, с юга забеглый: линять уже начал. Такого называем «гагара». Придется гребнем вычесать лишний волос, не то приемщик заметит, что лезет... Осенью еще больше сортов. Песец летом совсем серый. Цены ему никакой нет. На берегу устьянды промышляют особенно молодых «норников». Мы этим не интересуемся. К осени начинает песец менять волос. Сначала белеет на боках, тогда зовем его «крестовка»: на спине вроде креста видится. Когда снег первый раз падает, начинает терять песец летний волос и на спине: только в продажу еще негоден. Посмотришь поближе — совсем еще серый, как чайка. «Чайками» и зовем. Только с Покрова начинает попадаться песец с белым волосом. Да и то до Рождества нет ему еще настоящей цены. Кончик хвоста еще сероват, и на шкурке попадаются серые волоски. Такого мы зовем «ипек». Если серых волос совсем немного, зовем такого «чистай».

Наши дела на Котельном были кончены, пора бы уезжать, — засушить шкурки можно и на Ляховском острове. На два дня задержала нас метель. Только 30 мая она немного улеглась. Накануне вечером приехали на Котельный якуты из артели Сыллагая-Варламова. Мы их перетнали еще у устья Яны. Эти молодые промышленники долго жили в Чай-поварне, охотясь на оленей: корма для собак у них не было. Убили восемь оленей на материке, восемь на Большом Ляховском острове, а на Малом добыли медведицу с двумя медвежатами. В проливе молодые островники запутались. Еле вышли на Котельный. Четыре ночи провели в торо-сах. К приезду на остров все их жизненные припасы состояли из медвежьего окорока, дюжины оленьих ног и полупуда муки. Напившись чаю, два молодых охотника, не отдохнув от трудного перехода, пошли на охоту: не удастся ли убить оленя. Я подивился на дерзость молодежи, приехавшей совсем без провизии. Митрофан тоже покачал головой. Повинуясь какому-то душевному движению, он взял с орона три песцовых шкурки и сунул каждому парню по штуке.

— На счастье! Бери, бери. Бери от старого, лови, как я ловил. Мой последний — пусть будет твой первый!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Молодые парни сказали нам, что на острове Ляховском застал их крупный дождь. Там много проталин. Митрофан забеспокоился: «Не засесть бы нам на Малом! Успеем ли проехать на южный берег на Большом?»

Не дожидаясь прекращения выюги, мы выехали на Малый остров. В начале июня даже на этих северных островах близка распутица. Хотя температура держалась около -5° Ц и продолжалась выюга, рисовавшая по-зимнему свои узоры, снег все же был мягок, липок и рыхл. Нарта шла по нему с трудом. Дружная упряжка собак останавливалась перед каждым препятствием, нужно было помогать на каждом торосе. Все же за день мы прошли километров около 40, т. е. половину пути до Малого острова. На ночлег остановились в торосах, сделав из опрокинутой нарты и груза прикрытия от выюги. 1 июня пришли на Малый остров. Запасливый Митрофан вез с собою из Казачьего кусок листового железа для подбивки полозьев. Теперь лед на них совсем не держится. Железо сослужило добрую службу: нарта пошла в два раза быстрее.

На Малом острове повсюду волнующие картины начала полярной весны. Едва мы выехали на берег, севернее Станчика, над головами резво пролетела стайка краснозобиков. Следом за ней — три поморника и чайки. Щebetали веселые пуночки, свистели кулички. У самой избушки, нахохлившись, токовали самцы куропаток. Они, в любовном экстазе не различая ничего, кидались, сцепленные с соперником, почти под ноги нам. В вышине плыли стада турканов курсом на северо-запад. Птица валила валом. Митрофан хмурился и резонерствовал:

— Вот птица полетела, а мы все еще едем. Не перебраться нам на южный берег! Будем у Булуноя летовать.

Предполагал я на обратном пути с Котельного проехать по восточной стороне Малого острова. Этот берег нанесен на карту пунктиром, только со слов. Когда я сказал Митрофану о своем желании, он руками замахал.

— Что ты, что ты! Залетуем на этом острове. Там поварни одна от другой на 40 верст и дорога плохая. В два раза длиннее. Там собакам и 30 верст за день в это время не пройти. В снегу все время будем ночевать. И с острова не выйдем, собак погубим. Смотри, совсем лето настает.

Пришлось согласиться с разумностью доводов. В самом деле, словно в подтверждение слов Митрофана, только мы успели съехать с берега Малого острова на морской лед, полил проливной дождь. Всю дорогу через пролив мы маялись, помогая тянуть собакам нарту, по вязкой каше снега, пропитанного водой. У берега Большого острова мы тянули нарту по разлившейся на льду воде. Мокрые, задыхающиеся от усталости собаки ложились через каждые пять минут. Митрофан, почти никогда не наказывавший собак, в этот раз не выпускал из рук кнута. Дождь не прекращался всю дорогу. Можно представить, в каком виде оказалась наша меховая одежда, когда маленький караван наш, до крайности измученный, дотащился до Булуноя!

В этой поварне пришлось устроить дневку. Мы нуждались в основательной сушке одежды, а собаки по меньшей мере в суточном отдыхе. Но мы вздохнули свободно. Теперь-то уж на своем острове! Если бы снег начал сходить чрезмерно быстро, мы могли попасть на станцию кружным путем, вдоль берега, по морскому льду. Он еще долго не стает. На наше счастье в ночь на 3 июня слегка подморозило. Без особенных затруднений, лавируя между проталинами и оврагами, заполненными водой, мы пересекли остров.

На этом переходе можно было заметить удивительную черту собачьего характера. Как бы ни были истощены и утомлены собаки, они находят достаточно силы мчать галопом тяжелую груженую нарту, когда перед их глазами находится дичь. Упряжка Митрофана в эту весну без отдыха делала третью тысячу километров, — собаки были истощены до крайности. Но не знавший об этом человек, наблюдая за упряжкой при переходе через остров, не мог бы сказать, что это не свежая упряжка.

Остров ожил. Когда на проталинах всюду токуют низким голосом куропатки и летят стайки ржанок, куликов и камнешарок, когда со всех сторон слышны свисты и крики птиц, собаки находятся все время в нервном напряжении. Они забывают о лямках. Завидев впереди проталину с птицей, вся упряжка дико устремляется к ней. Птицы перелетают на другую, — погоня продолжается. Собаки дрожат от охотничьего экстаза. Они должны бежать, бежать! Если стайка слетает в сторону, передовой не дает упряжке сбиться с пути. Все же возбужденные псы, видя улетающую дичь, продолжают тявкать и не сбавляют темпа. А в это время появится в поле зрения или поморник на кочке, или чайка, пролетающая поблизости, или вылезший из норки лемминг.

За таким мы тнались однажды на протяжении около 200 метров, не понимая причины возбуждения собак.

Только в нескольких десятках метров заметили мы катящийся по снегу маленький комочек. Когда передние собаки его настигли, произошла короткая суматоха. Мы не могли даже заметить, кто из собак схватил зверька. Только минуту спустя заметили, что Кутнях давится, стараясь протолкнуть что-то в свою глотку. Он подавился и выплюнул зверька — вторая суматоха. Собаки на полном ходу стараются схватить полузадушенного лемминга. Наконец, длинному Холто удастся отправить его без задержки в свой желудок. Все это на полном ходу.

С приключениями такого рода мы быстро доехали до Ипсов.

Южный берег совсем обнажился от снега. Мы могли выехать к морю, лишь спустившись в русло речки, настолько извилистой, что 200—300 метров, отделявших нас от моря, по речке составили не менее полутора километра.

В Малом Зимовьи застали наших друзей, Устинова и Говорова, с ними совсем молоденького парня, комсомольца Петра. Говоров рассказал про неудачи партии: мяса нет, Еремеев с Петровым три дня провели на охоте без всякой удачи. Потерял Петр собаку, теперь отдыхает, измученный.

Петр вскоре проснулся. Мы поздоровались. Обычный разговор:

— Дорово, дорово! Капсе.

— Эн капсе (ты говори).

Петр отвечает угрюмо:

— Учуге-ей (хорошо).

И начал рассказ про свои неудачи.

Если вам нет надобности передвигаться в июне, нет лучшего времени на крайнем севере. Весна добралась и до него. Уже нет разницы в эту пору между ночью и днем. Солнце в полночь стоит высоко над горизонтом. Повсюду быстрые бегут ручьи. Каждый день, выйдя

утром, замечаешь, что упорная работа незаходящего солнца подвинулась вперед. Все меньше и меньше становится белых пятен на горах. Какая волшебная перемена! Как быстро исчезла строгая белоснежная пелена на тундре и возвышенностях! Только море одно еще остается белым. Но и на нем у берегов скопилось много воды, а в устьях рек и ручейков везде появились промоины.

Вернувшись на станцию, я не узнал ее окрестностей. Мы покидали товарищей в мае во время сильной метели. Тогда вздымались клубы взрыхленного снега, мелькали через них закутанные в меха фигуры, прятанные лица и руки. Теперь от тундры поднимался темный пар. Всюду весело шныряли из норки в норку лемминги, толкались на парной земле стайки куликов, плавучиков, грязевиков и песочников. С веселым свистом перепархивали у озерков за байджерами живые краснозобики. В метеломе, теперь заброшенный, вселились молодые: парочка пуночек. Их веселое щебетанье не прекращалось день и ночь.

Особенно шумливо было при весеннем пролете. С юга стая за стаей тянулись в высоту вереницы гусей; к острову снижались. Впрочем, гуси у нашего становища не задерживались, они летели дальше к озерам в северо-восточной части острова. Туда же летели серые турканы в брачном наряде.

Болотные птицы сваливались стаями в мелкие озера. В весеннюю пору птицами кишела каждая лужица. Шло токованье, ссоры и драки из-за гнезд. Злые поморники преследовали всю мелюзгу. На вершинах байджерах, светлые на фоне вытаявшей почвы, стали заметны полярные совы.

В конце июня, когда схлынула первая вода, возможны стали длительные экскурсии. Во время экскурсии 28 июня мы довольно легко переходили речки и ручьи.

Только в одном месте наш груженный олень завяз в овраге, заполненном жидкой кашей из снега и воды.

Олень, с которым мы кочевали в эту экскурсию, был оставлен при доме для передвижений в окрестностях станции. Это было старое животное с выбитым глазом, удивительно смирное. Я выбрал его из других наших оленей, отданных для пастьбы промышленникам по той причине, что этот олень был приучен ходить под вьюком. Он мог перевозить все снаряжение и коллекции экскурсантов. Звали оленя «Серый».

«Серый» скоро стал общим любимцем. Первое время мы боялись отпускать его; он пасся привязанным на длинной веревке. Впоследствии мы стали понемногу отпускать его на волю, прикармливая в то же время хлебом. Большинство домашних оленей в Устьянском крае хлеба не ест. Владельцы оленей стараются не приучать к нему оленей. Часто наблюдается, что приученный к хлебу олень при перевозке грузов разгрызает мешки с мукой. Скоро выяснилось, что наш «Серый» изрядный лакомка, хлеб с солью его мало удовлетворяет. Этот гастронорм предпочитает простому хлебу настоящий бутерброд с маслом, густо посыпанный солью. В дальнейшем мы убедились, что наш «Серый» мог считаться животным всеядным. Желая проверить рассказы промышленников про ловлю оленями зазевавшихся леммингов, мы попробовали предложить «Серому» пойманного нами зверька. Олень скушал его с видимым удовольствием. Когда «Серый» получил полную свободу, мы не раз наблюдали его аппетит, направленный на уничтожение остатков супа, налитого в корыто для собак. Получая разные подачки, олень привык целыми днями бродить поблизости к станции. Вместо того, чтобы гулять по тундре и отыскивать лишайники, как полагается оленям по Брэму, этот чудак предпочитал пастись у самого дома на кухонных отбросах.

Неизвестно, до какой степени дошло бы дальнейшее

одомашнивание этого животного. Вероятно, он начал бы посещать кухню — первоисточник благ в виде помоев и отбросов. Такому ходу дела помешал другой олень, которого промышленники привезли к нам для лечения и отдыха. Этот повредил себе ногу. Новый был дик и совершенно не развращен цивилизацией, не ел даже хлеба. Он начал уводить «Серого» от искушений прогнившей культуры на лоно природы, в тундру. Олень — животное стадное. Только соберется попасться «Серый» на кухонных отбросах, его товарищ уходит рысью в тундру. «Серый» перестает копаться в мусоре и мчится галопом туда же. Недели через две «Серый» одичал, стал являться на станцию все реже и реже; труднее давался в руки. В конце концов мы потеряли того и другого оленя. Во время метели дикий товарищ увел «Серого» неизвестно куда. Поиски в течение двух суток не привели ни к чему. Ни мы, ни островники больше этих оленей не видали. По всей вероятности, они присоединились к стаду диких оленей.

При воспоминании о «Сером» мне всегда приходит на память наш щенок «Зорька» — лайка, родившаяся на станции, дочь взбесившейся «Мод». «Зорька» питала к «Серому» нежнейшие чувства. Когда он уходил далеко в тундру, «Зорька» беспокоилась и вскоре отправлялась по следам искать предмет своей страсти.

Мы всегда знали, в каком направлении находится «Серый», достаточно было заметить, с какой стороны возвращалась из тундры «Зорька». Нельзя сказать, чтобы олень отвечал «Зорьке» взаимностью. Если щенок не лежал покойно поблизости, глядя с обожанием на свой «предмет», а вертелся у ног, «Серый» всегда норовил ударить его передним копытом, и «Зорьке» не раз попадало. Но это не служило причиной охлаждения. Вероятно, из «Зорьки», при надлежащей дрессировке, можно бы сделать хорошую оленнюю собаку. К сожалению, мы не могли использовать «Зорьку» для отыскания оленей, когда они потерялись. Олени ушли

во время экскурсии со стоянки в 25 километрах от станции.

Когда группа людей в пустынной местности оказывается отрезанной от обычных развлечений и семьи, тогда дремлющая в каждом потребность заботы о живом существе изливается обычно на животных. Кроме «Серого» и «Зорьки», в летнее время у нас было еще несколько четвероногих питомцев: наш прекрасный передовой «Ермак», пожилой, серьезный, сосредоточенный пес, и несколько леммингов. К концу лета «Ермак» в результате усиленных забот об его питании превратился в подобие валика от оттоманки, обтянутого пушистой блестящей шерстью. Я начал серьезно беспокоиться: будет ли в состоянии вожак нашей упряжки передвигать ногами достаточно быстро, когда в этом будет надобность.

Такой же уход выпал на долю леммингов, живших в ящике с дерном. Эти миловидные животные всегда проявляли кипучую деятельность. Всякий раз, когда в ящике сменялся дерн, вся площадь его скоро оказывалась изрытой ходами по разным направлениям. Зверьки спасались в них от назойливого любопытства.

Первый из леммингов прожил в неволе около трех недель. Первое время он питался исключительно травой и корешками дерна, но скоро привык к крошкам хлеба и сыра. В последующем он начал кушать и масло, предпочитая его и хлебу и сыру. В последнее время он питался исключительно травой и маслом. Пристрастие к жирной пище, характерное для жителей севера, привело лемминга к плохому концу. Наблюдая, с каким удовольствием лемминг кушает масло, наши экспериментаторы стали недостаточно часто менять дерн. Лемминг, питаясь почти исключительно маслом, начал жиреть не по дням, а по часам. В какое-то утро мы обнаружили, что лакомка скончался. Видимо, от ожирения сердца: он был кругл, как шарик.

Июль и август в полярных областях считаются летними месяцами. Просматривая метеорологические наблюдения Ляховской станции и сопоставляя с другими, производившимися в Арктике, я убеждаюсь в том, что Новосибирские острова в ряду других наших полярных островов занимают по суровости климата одно из первых мест. Припоминая свои летовки на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа, я воссоздаю в памяти прекрасные дни с тихой погодой и ярким блеском солнца, когда возможно было благодаря неподвижности воздуха греться на солнышке целыми часами. Характерная черта климата Новосибирских островов — чрезвычайная редкость затишья. День за днем дуют упорные ветры, унося и без того небольшое количество тепла, скопляющегося на земной поверхности от нагревания солнцем. Самая высокая температура, отмеченная нашей метеорологической станцией, — она держалась лишь несколько часов, — равнялась всего $+10,6^{\circ}$ Ц. Это было всего один раз. Обыкновенно же после полудня температура не поднималась выше $+5^{\circ}$ Ц. Средняя температура за июль — самый теплый месяц — равнялась всего $+1,8^{\circ}$ Ц. Такие низкие температуры с постоянными ветрами делают лето на Новосибирских островах чрезвычайно холодным.¹

Тем не менее два месяца — июль и август — и здесь могут считать летом. Снег сходит, развивается растительность, везде цветут полярные цветы, температура опускается ниже точки замерзания только по ночам. Таких ночей в июле отмечено 22 и в августе 21. В коротких чертах можно характеризовать климатические особенности лета в этой местности: постоянные ветры с восточной стороны, частые туманы, слабые заморозки по ночам и редкие дожди. Все эти черты делают летнюю пору крайне суровой.

¹ Та же черта — постоянство ветра — характерно и для зимы. Низшая температура зимой наблюдалась в январе — -43° Ц.

Как ни сурово лето на Новосибирских островах, все же после долгих и жестоких морозов почти до июня месяца здешнее лето составляет разительный контраст с «весной». Сразу после метелей в конце мая и начале июня наступает резкая перемена. Бурным таянием в лучах незаходящего солнца сходят снега. Пробуждается жизнь. Быстро зеленеют обнажившиеся участки земли. Расходится лед. Все это создает впечатление внезапного пробуждения природы, бурной жизни, бодрит, сулит какие-то надежды и поддерживает весенние настроения и жажду работы вплоть до конца августа, когда неожиданно налетевшая метель сразу закроет белой пеленой еще зеленую траву, безжалостно сожжет цветы, которые не успели еще набрать плодов, в одну ночь закроет все озерки и ручейки. До будущего года.

Короткое полярное лето действительно внесло в жизнь нашей маленькой группы чрезвычайное оживление, жажду деятельности. Мы постарались использовать теплую пору для исследований острова в самых широких размерах. По два и по три уходили мы в тундру на несколько дней. Иногда с оленями, иногда с мешком за плечами. То тот, то другой приносили убитых птиц, коллекции растений, грибов, разных водорослей, образцы почв, морских и пресноводных животных, остатки ископаемых или записные книжки, заполненные картографическими материалами. Наш геолог кочевал с островниками по всему острову.

Одна из небольших экскурсий оказалась очень интересной. Мы нашли остатки ископаемого леса. На довольно возвышенном участке, где почва осела в результате таяния ископаемого льда, из нее выглядывали стволы и ветви легко рассыпающихся деревьев. Здесь были только нижние части стволов с ветвями и корнями; верхние части деревьев сгнили много тысяч лет тому назад. Некоторые деревья лежали на боку, другие находились в наклонном положении, но были и стоящие прямо. Уцелевшие части деревьев толщиной не

превышали 7—8 сантиметров. Наша находка была остатком зарослей ольховиков, какие можно видеть и в наше время по берегам небольших речек или озер в более южных областях. Эти деревья в доисторические времена были занесены илом, смешанным с перегноем и остатками различных растений, и оставались замороженными в течение тысячелетий.

Какая-то перемена климата была причиной сохранности этой древней, давно исчезнувшей растительности. Мы провели у «леса» целый день, терпеливо выбирая из почвенных слоев, в которых росли эти деревья, листья умерших растений, дерновики мха, кусочки обломившихся сучьев, коры и остатки насекомых, т. е. все то, что можете видеть и теперь, если ляжете в летнюю пору на берегу озера у зарослей ольховика и будете внимательно исследовать верхнюю часть почвы.

Вся местность, где найдены были погребенные землей деревья, давала картину древнего озерного ландшафта. Невдалеке нашли мы довольно мощные залежи сухого торфа, который сослужил хорошую службу, когда забастовал наш примус. На этом ископаемом торфе мы вскипятили наш чайник и сварили обед.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Когда наблюдаешь изо дня в день за состоянием морского льда, не видишь с берега заметных изменений. Как заметить, что бурный ручеек, долго, долго кативший струи воды, лишь несколькими десятыми долями градуса отличающиеся от температуры таяния льда, день за днем точит и буравит его с упорством дятла? Этот процесс совсем незаметен.

Только в затишье, следя за прибрежными струйками, замечаешь иногда, как отделяется внезапно от ложа ручейка прозрачный ледяной кристаллик и всплывает кверху. Или слышишь слабый шорох рассыпавшейся льдинки. Но эта работа теплой воды непрерывна, как здешний день. Вся масса стаявшего снега, которая оказалась в конце концов разлитой по прибрежным участкам моря, производит в ледяном покрове все большие и большие разрушения. Сначала появляются промоины у прибрежных приливных трещин и по спаям отдельных льдин. Промоины соединяются мало-по-малу с заберегами вблизи устьев ручьев и речек. На этих участках лед оказывается на плаву раньше всего! Затем разъеда-

ются промежутки между речками в прибрежных участках. Приливные течения и ветер гоняют льдины уже по чистой воде. Сталкиваясь между собой, они разрушаются все больше и больше.

К этому времени лед непрочен на значительное расстояние от берега. Зимой на него нанесено бурями множество частиц земли, листиков, семян и стеблей растений. Они, нагреваясь, рассеивают тепло; снег тает в таких местах интенсивнее, образуя на льду озерки и лужи. По мелким порам, всегда имеющимся в морском льде, пресная вода начинает просачиваться книзу, легко растворяя соли, заключенные во льду; весь лед оказывается пронизанными тонкими канальчиками. Они от стока воды расширяются и ослабляют лед прежде всего в местах спайки, где благодаря напору льдин солей больше. Лед распаивается. Теперь, когда у берегов открытая вода, достаточно сильного ветра, чтобы оторвать сначала крупные льдины, а вслед за ними сдвинутся и места и остальные.

Вот почему вскрытие льда нередко происходит на море незаметно. Так было и у нас. Еще в начале августа лед казался неподвижным, хотя по прибрежным промоинам плавали уже оторванные льдины. Только восьмого числа мы заметили, что лед в проливе уже потерял неподвижность. А к половине августа, нам казалось, он только начал расходиться. Однако в поле нашего зрения везде находился густой плавающий лед. Мы крайне удивились, узнав от прибывших на станцию летчиков, что море уже очистилось. Они летели над чистой водой. Только километрах в 12—15 от нашего берега аэроплан пролетал над разреженным льдом. Пример этот наглядно указывает, какую службу может оказать аэроплан для разведки состояния льдов. Несомненно, для уверенного прохода судов по нашим северным морям применение аэропланов в будущем получит самое широкое распространение.

Аэроплан, посетивший новый поселок на пустынном

Ляховском острове, был первым разведчиком воздушного пути на крайнем севере. Экспедиция была организована Осоавиахимом ради выяснения условий полета на крайнем севере.

Прилет не был для нас неожиданностью. С представителем Осоавиахима в этой воздушной экспедиции, Г. Д. Красинским, я разговаривал по радио после того, как самолет, совершив перелет от Петропавловска до реки Колымы, остановился в Средне-Колымске. Красинский сообщил, что вылетает на следующий день. После разговора прошла уже неделя. Мы начали думать, не случилось ли несчастье.

Шестнадцатого августа все были заняты обычной работой: кто в своих комнатах, другие на воздухе. Слышался стук топора, размеренный скрип пилы по металлу и звон посуды в кухне. В эти мирные звуки внезапно ворвался гул мотора. Он сдул, как ветром, нашу обыденную работу. Сделав красивый вираж над станцией, аэроплан спустился на воду и подошел под мотором к берегу. Минуту спустя мы встречали гостей: Г. Д. Красинского, летчика О. А. Кальвица и краснощекоего механика Леонгарда.

Только тот, кто прожил год в отдалении от всего мира, может понять возбуждение, овладевшее нашей маленькой колонией. Правда, мы изредка получали новости из внешнего мира при помощи радио. Но разве может сравниться с ним живое слово! Рассказы о быстрых темпах жизни, о чрезвычайном развитии исследования окраин Советского Союза, о работах на севере, чему наглядным примером был прилетевший к нам аэроплан, вести о знакомых, о Москве и Ленинграде, о наших соседях на острове Врангеля — ничто не насыщало: «Рассказывайте дальше!»

Летчики привезли нам почту: несколько писем с острова Врангеля и из Средне-Колымска и даже подарки: килограмм прекрасного кофе и свежее сливочное масло! Не нужно говорить, что мы постарались

устроить гостям покой и заслуженный отдых после приключений во время вынужденной посадки на пути к Ляховскому острову, когда летчикам пришлось провести несколько дней без сна в упорной работе при выводе на воду обмерзшего самолета.

Следующие два дня стояли густые туманы. Продолжение полета в такую погоду казалось невозможным. Все же 18 августа наши гости покинули станцию при весьма ненадежной погоде и при слабом тумане. Через два дня мы получили известие от промышленников о том, что аэроплан пролетел благополучно западную часть острова.¹

Мы много смеялись над разными описаниями полета тремя промышленниками, которые наблюдали полет чудесной металлической птицы в разных местах.

Киргелий Бочкарев говорил:

— Ироплан — совсем как большая птица, ныряет, как чайка.

Старик Федор уверял, что самолет машет своими крыльшками, как гусь.

И только положительный Петр описывал полет вполне точно и ясно:

— Большой ироплан, идет ровно, немножко боком, гудит, как шмель, а спереди что-то блестит, как сияние округ звезды.

Эффект появления аэроплана на дальнем севере, где человек от роду не видал машины, нельзя сравнить ни с чем. Одно дело — рассказы новых людей-большевиков — о чудесах каких-то стран, где зима коротка, как лето, о «железном следе» (железная дорога), о домах высотой с гору, с населением больше, чем в целом улусе,

¹ Бывший на Ляховской станции самолет Юнкерса № 176 с тем же летчиком Кальвицем и борт-механиком Леонгардом погиб в марте 1930 года при воздушной катастрофе, случившейся вблизи Сангарских копей на реке Лене ниже Якутска. Экспедиция Осоавиахима в 1929 году закончилась благополучно. Кальвиц и Леонгард разбились насмерть.

о том, что человек в один день делает десятки ножей, о нартах с колесами, о том, что летают люди по воздуху и говорят между собою на расстоянии месяца езды.

Ко всем этим рассказам северный туземец относится не то, что недоверчиво, а так, как к шаманскому действию; шаман тоже производит чудеса. Вызывает духов, разговаривает с ними, выгоняет из людей болезни в виде червячка и закликает погоду. Шаману можно верить, но... можно и сомневаться. Шаман, попавшийся в неудачном фокусе, развенчивается навсегда. Рассказчик о чудесах культурного мира всегда находится в положении шамана: рассказам можно верить, можно и сомневаться. В особенности когда большевик начинает завираться, рассказывая, например, о том, что земля круглая и ходят люди по другую сторону ее вниз головами!

Другое дело предмет, который можно видеть среди бела дня, ощупать и рассмотреть. До появления аэроплана на Ляховском острове оставались еще сомнения в правдивости наших рассказов про действительность культурного мира. Было видно, что некоторые из островников с большим подозрением относятся даже к реальности работы радио-телеграфа. Выражались деликатно:

— В Казачьем радива была. Слышали мы, как говорил в трубку голос разные слова. У вас — не слышно. Теперь и думаем, не было ли в Казачьем обмана?

Несколько телеграмм — ответов островникам из Якутска — как будто бы рассеяли сомнения. Но они остались. Только с появлением аэроплана все сомнения окончательно рассеялись, как туман под лучами яркого солнца. Теперь наши новые друзья готовы были верить на слово, что на юге люди ходят вниз головой. Мы (кстати сказать, в глазах якутов мы все большевики, т. е. новые люди) оказались действительными представителями новой жизни, которая придет сюда на север. Теперь нам верили, что мы приехали для изыскания путей к улучшению жизни и облегчению ее примене-

нием машин. Эти машины были перед глазами, их можно было ощущать. Теперь нам можно было верить.

1 сентября исполнился год с тех пор, как шхуна оставила нас на островах одних. Все рассчитывали в сентябре находиться уже в пути к родным местам. В действительности же до возвращения осталось еще не менее восьми месяцев. Все же отъезд был не за горами. К этому времени мы уже знали, что на смену едут новые работники, они рассчитывают в декабре по санному пути добраться до нашей отдаленнейшей станции. Пора была и нам начинать подготовку к трудному путешествию по зимнему пути в темное время года.

Мы совсем не рассчитывали на возвращение санным путем. Где добыть в достаточном количестве теплую одежду и походное снаряжение для санного путешествия? У нас было запасено четыре комплекта одежды для исследовательских поездок. Но они в большей части уже отслужили свою службу. По этой причине осенью нам пришлось заняться шитьем спальных мешков, переделкой меховой одежды, изготовлением обуви, фонарей и разных мелких принадлежностей, необходимых в пути.

Еще хуже, чем с одеждой и походным снаряжением, обстояло дело с собаками. Весной у нас была хорошая упряжка собак. Я отдал их на прокорм лучшему охотнику на острове, Киргелию Бочкареву. Осенью мы узнали о несчастье, случившемся с собаками: две из них погибли от бешенства, а пять собак были случайно отравлены вместе с другими собаками промышленника. На одной из остановок Бочкарев, найдя в погребе ободранных песцов, накормил ими собак. Это мясо оказалось отравленным: песцы, видимо, попались на стрихнин.

По условию промышленник, взявший на прокорм собак, должен был пополнить их убыль или помочь нам

выехать с острова. К этому времени у нас уже установились прекрасные отношения с промышленниками-островниками. Даже в том случае, если бы мы остались совсем без собак, промышленники, конечно, помогли бы выехать, как помогают артели, оказавшейся в затруднительном положении. 28 октября старшие промышленники, Митрофан Иванов и Киргелий Бочкарев, приехали на станцию по собственному почину, чтобы условиться о совместном отъезде с островов.

Радужно, как всегда, встретив наших друзей, мы угостили их праздничным ужином. Показали новые фотографии с знакомых мест. В этот вечер я уговорился с Митрофаном о доставке хороших ездовых собак в Ленинград, когда они понадобятся для давно задуманной экспедиции на Северную землю. А Митрофан сам предложил быть каюром.

На следующее утро я был разбужен какой-то необычайной нотой в голосе Федора Черезова, в комнате которого ночевал Митрофан.

— Митрофан! Митрофан! Что ты?

И тотчас же по нашему дому пронеслась какая-то тревога.

В одном белье, рванув дверь в комнату Черезова, я увидел Митрофана в позе спящего, лежащим на своей постели, устроенной на полу. Эта поза была мне знакома со времени нашего долгого путешествия. Федор с искаженным лицом тряс Митрофана за плечо: он, казалось, крепко спал, совсем как после трудного перехода через торосы. Но Митрофан не просыпался. Он был мертв. Среди нас не было доктора, который бы мог точно установить причину этой неожиданной смерти. Если судить по громадному багровому вздутию в области груди, причиной смерти был разрыв аорты.

Во время совместной с Митрофаном экспедиции на санях я всегда изумлялся выносливости своего спутника. Но замечал иногда, что усилия и напряжение походной жизни все-таки даются Иванову не легко. Не-

редко вечерами видел я на его коричневых обветренных скулах и лбе серый, как пыль, оттенок, так пораивший меня после возвращения Митрофана из поездки по западному берегу Котельного. Но все же Иванов казался еще крепким охотником. Его трудно было называть стариком.

Накануне, при встрече гостей, мне бросился в глаза тот же пыльный оттенок Митрофанова лица. Я спросил, трудна ли была дорога.

— Однако, трудна. Рассол выступил на лед. Почти всю дорогу бегом бежали.

Во время чая удивила необычайная нервность нашего друга. Когда падала ручка чайника, Митрофан вздрагивал, подпрыгивая, как нервная женщина. Киргелий рассказывал нам, как в тот же вечер Митрофан говорил ему несколько раз по-якутски:

— Киргелий, слышишь, как градусники разговаривают?

Киргелий вышел на улицу. Все было тихо. Очень слабым, почти невнятным звуком доносился изредка скрип флюгера на метеорологической станции. Но этот слабый звук не мог быть слышен в комнате. Потом мы поняли: у Митрофана был шум в ушах. Киргелий же рассказывал, что прошлым летом видал он у Митрофана опухоль на груди, внезапно появлявшуюся и внезапно исчезающую. Видимо, Митрофан страдал аневризмом.¹ Но все это стало известным уже после смерти. В несчастное утро 29 октября внезапная смерть лучшего друга станции поразила, как взрыв бомбы, брошенной с аэроплана, подкравшегося незаметно.

Мы похоронили Митрофана в глубокой могиле, взорвав мерзлую почву тетрилом и сняв ее до ископаемого льда. В него и погрузили оклеенный бумагой гроб. Печальный ряд людей, запряженная нарта с гробом, люди с лопатами. Небольшая надгробная речь. Непро-

¹ Аневризм — болезнь, расширение аорты.

шенный комок у горла. Несколько залпов из ружей. Гулкая дробь мерзлых глыб земли на крышке гроба... — Прощай, Митрофан! Ты изловил уже своего последнего песца!

Тело Митрофана Иванова сохранится в ископаемом льде на многие тысячелетия, если не случится изменения в климате этой части земли.

В кругах ученых недавно обсуждался вопрос об устройстве на дальнем севере древнехранилищ. Ушедшие поколения уносят с собой в могилу многое интересное для потомков. Быстро истлевает одежда, немного дольше живут предметы культуры, рукописи и образцы искусства. В течение тысячелетий уходят с лица земли и нарождаются новые виды растений, насекомых, животных и рыб, меняется и человек.

Для таких древнехранилищ Новосибирские острова и Устьянская тундра — лучшие места. Один вопрос — как указать потомкам места таких хранилищ?

Во время пребывания моего в Казачьем была похоронена старуха, вдова одного из купцов Санниковых. Перед смертью вдова завещала похоронить ее рядом с мужем. Могилу копал старик, бывший на погребении Санникова. Докопавшись до гроба, старик не удержался, приоткрыл крышку гроба, который, казалось, был выстроган вчера. Умерший лежал в том самом виде, как в день погребения тринадцать лет назад. Только на стенках гроба, на ресницах, на волосах и на бумажном венчике скопилось много инея. Эта могила была вырыта в промерзшей почве.

Во время путешествий по островам и тундре мне постоянно приходилось удивляться, как могут люди жить жизнью непрерывного физического напряжения, мерзнуть в продолжение десяти месяцев в году — без жалоб. Все невзгоды воспринимаются, как нечто совершенно естественное — и тяжелый труд, и холод, и голодовки. Следил, как во время зарядки пастей якуты обна-

женными руками при морозе, на сильном ветру, натягивали тонкие волоски опускного механизма в ловушке, как в течение получаса они распутывали побелевшими пальцами одеревеневшие ремни у копыла сломавшейся нарты. Всегда работали без жалоб на погоду, без ругательств, терпеливо и сосредоточенно. К нам шли пешком просить две свечки за 30 километров в жестокий шторм, при морозе. Пришедший спокойно распутывал свое бергиэгэ, прикладывал руки к почерневшим щекам и говорил свое: «Капсэ!»

Прожив около полутора года с якутами и проехав всю Якутию два раза с юга на север и обратно, я понял простую истину: не зная иной жизни, свою трудную жизнь, которую легко облегчить при современном состоянии культуры, туземцы севера считают неизбежной долей. Они привыкли к ней.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Незадолго до начала второй полярной ночи была получена телеграмма от новой радиостанции в Булуне. Булун сообщал, что наши приемники выехали на остров по первому санному пути.

— Скоро, скоро домой, — сказал радист, кладя мне на стол телеграмму.

В половине ноября мы отправили в Казачье двух товарищей со всеми коллекциями и прочим грузом. Они уехали с оленным караваном промышленников, в нем были и стационарные олени. На станции осталось пять человек.

В последний месяц на станции жилось неважно. Мы чувствовали себя, как в осажденном городе. Провизия подходила к концу. Последние запасы должны были иссякнуть к двадцатым числам декабря. Небольшое пополнение получили мы от островников, они почти всегда являлись с задком или ногой оленя. Еще одного оленя удалось убить нам, когда большое стадо подошло к метеорологической станции в то время, как я делал отсчеты инструментов.

Мы ждали новых своих преемников в начале декабря. Пролив давно смерзся. Давно уравнились снегом торосы. Начиналось полнолуние — лучшее время для поездки. 7 декабря, вместо людей с материка, приехали промышленники для совета, как быть: провизия у них на исходе. Песцов поймалось немного, нечем кормить собак. Остаться до двадцатых чисел декабря, как было условлено раньше, островники не могли: собакам грозила голодовка. Как ни хотелось встретить новых людей полным составом, пришлось согласиться на отъезд трех товарищей вместе с островниками. На станции оставались лишь крохи провианта.

В половине декабря наш одинокий дом опустел. Замолчал радиотелеграф. Мне удалось уговорить Петра и Василия задержаться, пока не съедим последние крохи. Нужно было дожидаться новых сотрудников во что бы то ни стало. Прервать работу станции — значило обесценить наполовину ее наблюдения. В пустом доме остались плотник Бадеев и я.

С отъездом всех товарищей на нас легло множество забот: нужно было держать в тепле дом, пилить дрова, во-время производить многочисленные наблюдения, носить снег для воды, прибирать помещение после спешного отъезда товарищей и готовиться к пути.

На всем острове в это время оставалось четыре человека: Еремеев с Устиновым в 30 километрах, в становище Дымная, и мы.

Когда станция опустела, мы первым делом собрали в одно место остатки провианта. Выяснилось, что с этими остатками можно при большой экономии прожить на станции еще недели три. Можно было ждать до следующего полнолуния в январе.

Так долго ждать нам не пришлось. В ночь на 19 декабря я услышал какой-то шум в коридоре и Васин тревожный голос:

— Кто там? Кто там? Петра, это ты?

В ответ молчание. Мелькнула мысль — не медведь

ли забрался. Я протянул уже руку к винтовке, но в это мгновение на вторичный окрик Бадеева послышался глухой ответ:

— Радист новой смены. Здравствуйте. Ну, и темно же у вас!

В комнату ввалился в закуржевевших мехах, с облещенной отторочкой у лица, невысокий, плотный радист Андреев. У крыльца возились с собаками два якута — проводники из Казачьего. Смена приехала! Андреев привез с собою провизию, письма и несколько сотен прекрасных, душистых папирос. Они после листового балаганского табака казались вкуснее сусляного пряника. Андреев сделал хороший переход на собаках от Чай-поварни до станции по компасу в течение двадцати двух часов.

Всю ночь мы курили, ели сладости, осматривали комнаты и радиостанцию и говорили, говорили, говорили.

Еще через два дня приехала вторая партия: заведующий станцией Шпаковский и моторист Криворотов. Несколько сумбурных дней. Сдача станции, ознакомление с ней новых людей, наши рассказы об островах и бесконечные разговоры о жизни в двух красных столицах и предстоящей жизни новых хозяев в домике, выстроенном нашими руками.

В полуденный рассвет 27 декабря, в самые темные и безлунные дни наша нарта спустилась на морской лед недалеко от станции. Совсем слабо розовели пологие склоны снежных завалов берега. Отблески полуденной зари на выдающихся торосах были совсем слабы и неясны, они выхватывали только отдельные торосы в море. Верхушки их казались повисшими в неясной лиловой дымке курящейся поземки. На горизонте мгла. В этот раз мы решили сделать пересечение пролива напрямик, к Чай-поварне. Торосов в этом году немного. Лед замерз совсем, спокойно.

Мой спутник Николай Алексеевич Горохов, по прозвищу «Меник» (шалун), известен в Казачьем как прекрасный проводник. Для него поездка за сотни километров в середине полярной ночи — обычное дело. Съехав с берега, Меник остановил собак и начал, совсем как Митрофан, колдовать с компасом. Предвидя возможность поездки к Чай-поварне напрямик, я давно взял точное направление в градусах на горы Святого Носа. Хотя до гор от станции 110 километров, они в особенно ясные дни видны совсем отчетливо. Поэтому я с особенным интересом наблюдал, как проводник чертил свои линии на снегу: Святой Нос в это время нельзя было видеть. Когда окончательная черта легла по снегу резкой бороздкой и Меник стал заботливо прятать компас в заветный мешочек на груди, я тоже поставил свой компас на эту черту. Направление было взято правильно.

Мы двигались довольно быстро, только часа через четыре, уже далеко от берега случилась задержка: застряла нарта в узкой расщелине между торосами. При попытках освободить нарту, оторвался полоз. Пришлось развязывать тонкие оледеневшие ремешки, соединяющие копылы с полозом, и перевязывать их снова. Обледеневшие ремни развязать на морозе возможно, только оттаяв голой рукой.

Эта неприятная работа была окончена уже в темноте, в третьем часу. Ветер усилился. Когда мы снова тронулись в путь, разыгралась метель. В темноте даже вблизи не видно приметных точек, по которым можно было бы проверять, правильно ли мы держимся взятого направления. Но Меник правил так же уверенно, как если бы ехал днем, лишь изредка поглядывая на еле заметные заструги. Часам к семи метель разыгралась не на шутку. Наша нарта с собаками казалась движущейся в бесконечном молочно-сером пространстве. Меник все чаще стал соскакивать с нарты, чтоб рассмотреть, наклонившись, следы прошлых ветров. В конце концов

остановил упряжку: ветер менял направление. Заструги на снегу разобрать было невозможно. Остановились. Меник подумал, осмотрелся и сказал:

— Утуяр нада (спать надо). Утуй.

Походив недолго кругом, мы отыскивали гряду торосов, с ровной площадкой между ними, пригодной для ночлега. Без долгих приготовлений, лишь откинув полог с нарты, мы улеглись на снег.

Меник оказался владельцем прекрасной оленьей дохи, которая доходила ему до пяток. Поверх теплых торбасов он натянул еще меховые калоши. Захлопнул отверстие для лица приделанным к дохе кусочком меха, подогнул доху и сжался в комок. Я забрался с головой в свой испытанный спальный мешок. Вместо одеяла мы прикрылись пологом. Вскоре выюга набросала на полог сугроб.

Так провели мы первую ночевку в пути.

Часов около пяти утра выюга начала ослабевать. Мы вылезли из-под сугроба и, приготовив чай на нескольких взятых с собой поленьях, запрягли собак. Поехали дальше. Отдохнувшие собаки везли хорошо. В десять часов показались первые признаки рассвета. К полудню ветер почти утих, в воздухе носились мелкие кристаллики. Берега не было видно. Я начал беспокоиться. Не едем ли мы параллельно берегу? Не проскочить бы мимо Святого Носа! Потом придется долго блуждать по Эбеляхской губе.

Посоветовавшись с Меником, я направил собак несколько левее. Через несколько минут мы заметили слабые очертания берега. Проводник сразу опознал его. Мы вернулись на прежний курс. Чай-поварня была всего в 5 километрах.

В избушке встретили нас Бадеев с проводником (он выехал со станции двумя сутками раньше) и И. М. Протопопов, четвертый сотрудник станции, уроженец Якутска. Было видно, что этот человек искушен в скитаниях. Он расположился в Чай-поварне со всевозмож-

ными удобствами: ее не узнать. Сделаны сени из мороженных оленьих шкур, у стены кровать из опрокинутой оленьей нарты, в углу умывальник. Неметеный в течение столетия пол чист и ровен. Дыры в стенах заткнуты кусками меха и бумагой, посредине поварни хорошая железная печь. Протопопову предстояло жить в поварне в течение месяца, пока будут подвозиться на оленях из Казачьего продовольствие и снаряжение для станции. Часть грузов — небольшая кучка — уже лежала вблизи избушки. Немного дальше высилась другая груда с торчащими во все стороны копытами и рогами. Это — олени, доставившие груз. В суровое время, при спешном передвижении, они пришли совсем ослабевшими — не дойти до Казачьего. Сорок пять оленей было убито на мясо для собак, перевозящих грузы через пролив.

До нашего приезда Протопопов сидел в поварне одиноким. Только однажды посетил его гость — чрезмерно любопытный песец: прыгнул через отверстие у трубы в поварне. Гость поплатился жизнью за свой неудачный визит. Протопопов убил песца поленом. К сожалению, шкурка оказалась испорченной: песец прыгнул на раскаленную печь и спалил весь бок.

В Чай-поварне мне пришлось задержаться на четыре дня. Меник был подряжен в дороге Шпаковским при случайной встрече на остановке: Меник ехал для осмотра песцовых ловушек. Теперь он хотел продолжать осмотр. Первые два дня Меник ездил по ближайшим ловушкам, на третий день разыгралась сильная вьюга. Выехали мы только 1 января. Бадеева я отправил напрямки. Мне же предстояло сделать с Меником изрядный крюк при осмотре его ловушек.

На нарте Бадеева каюром был молодой парень из Казачьего, по имени Алексей, высокий, по-местному франтовато одетый в щегольских белых торбасах и в шапке бертиэге с песцовой оторочкой. В дальнейшем по дороге в Казачьем я видел, как на этого парня загля-

дывались якутские красотки. Но в голове его была порядочная каша, в этом мы убедились на долгой остановке в Чай-поварне.

В день встречи с Протопоповым для ознаменования благополучного переезда через пролив мы поднесли проводникам по чарочке. Действие алкоголя общеизвестно: он развязывает языки. Счастливый редким угощением, Меник, с красным, сияющим лицом, рассказывал про гордость своего рода, про брата своего, знаменитого проводника, погибшего вместе с Толлем на острове Беннета. Но Меник был прост, как всегда. Франтоватый же Алексей порядочно надоедал нам разговорами о политике в приложении к своей персоне. Даже в постели Алексей не унимался и, обращаясь то ко мне, то к храпящему товарищу, твердил неотступно:

— Игнат Микалыч, а Игнат Микалыч! Я говорю тебе. Все спят. А ты тоже показываешь, что спишь, но не спишь, а слышишь. Я говорю тихонько только для тебя. Ты хороший человек, много знаешь и можешь мне объяснить. Скажи, почему так вышло, что я не советский гражданин? В прошлом году инструктор из Якутска собрал всех нас, молодых ребят. Он говорил, что нужно записаться в Сельхозсоюз. И стали люди записываться. Я встал тихонько и попросил слова: «Товарищ-инструктор, можно мне речь сказать?» — «Пожалуйста, — говорит, — товарищ, говорите». Вот и говорю. «Скажите, — спрашиваю, — товарищи, как мне поступить, я Советской власти вполне доверяю, это — наша власть, а я не купец, а промышленник. Скажите, я раньше в церковь ходил. Теперь могу ли я, советский гражданин, в церкви молиться? Без этого я не могу! А Советской власти я привержен. Как мне быть?» Тогда инструктор говорит: «Записывайтесь. Вы — человек трудящийся и Советской власти не враг. А что верите, это не наше дело. Время придет, сами узнаете, что леригия опиум народный». А как же это вышло, что в этом году меня хотят из союза исключить за то, что

всегда молюсь по утрам. Вот поехал я на остров помогать станции. Как же мне перед дорогой не помолиться, чтоб не погибнуть в ветер и темноту? Станция-то ведь — советское дело. Ведь я молюсь, чтобы дело советское было успешно. И мне за Советскую власть молиться нельзя? Разве нужно мне аппарат чистки дать? Объясните, Игнатий Микалыч. Я говорю тихо, но вы не спите, вы слышите. Вы скажете потом — что не слышали...

Этот монолог я записал почти дословно.

30 января уехали на станцию возчики груза на станционной запряжке и с передовым «Ермаком». Умная собака словно понимала, что в этот раз расставание не кратковременно. Обычно сдержанный «Ермак» кидался на грудь и лаял и несколько раз пытался повернуть запряжку. Проводники не зевали. Скоро полоска с длинным дугом собак скрылась за торосами. Я долго смотрел ей вслед. — Вот еще одна страница жизни перевернута.

Вероятно, с подобным же ощущением провожал и Протопопов два дня спустя упряжку Меника, когда мы покидали Чай-поварню. Пока не скрылся из глаз низенький срубик, я видел рядом с нею неподвижную темную фигурку. В одинокой избушке у Ледовитого моря остался этот человек. Через месяц он переедет еще дальше, чтобы остаться на полтора года с тремя товарищами. Его путь — еще на север. Наш — на юг.

Вопреки ожиданию мы поехали совсем не на юг. В действительности мы сначала направились вдоль пролива почти по направлению станции, затем от реки Отчугуй повернули к юго-востоку в тундру, потом опустились к югу до озера Бус-Тас. Описав от него широкую дугу, выехали на реку Санга-Юрях как раз к месту находки мамонта, остатки которого находятся теперь в музее Академии Наук. От этой реки проехали к Хара-Станской возвышенности и через ее отроги выехали, на-

конец, к реке Ванькиной, близ Мукдуновки. Во время этого путешествия — оно длилось пять дней — я хорошо познакомился с приемами устьянских промышленников при ловле песцов.

Поездка для меня была очень интересна, хотя мы ехали все время, за исключением трех-четырех часов рассвета, во тьме. Погода стояла пасмурная, рассвет был очень слаб, луна не всходила. Около полудня еще можно было различить линию горизонта в южной стороне. Все же остальное время — одинокая упряжка, в безмолвной тундре, в которой не различить ничего, кроме неба и голубовато-серого снега.

Вспоминая теперь дни скитаний в тундре, я ясно представляю эту голубоватую мглу и внезапно обрисовывающиеся неясные очертания какого-то темного предмета: мы подъезжаем к пасте. Меник кричит собакам: «То-о-ой», осматривает пасть и снова садится на нарту. «Батта, бата» — вперед! И снова погружаемся в серый однообразный студень, пока не встанет близко новый черный силуэт. Иногда пастей не было на протяжении десятков километров. Тогда мы ехали часами, ничего не встречая и не оставляя за собой ничего, кроме той же давящей тьмы тундры, слившейся с небом.

Меник в Устьянском крае считается лучшим проводником. За все пять дней нашей ночной поездки он ни разу не терял представления о местности. Уезжая утром из одной поварни, мы поздней ночью внезапно останавливались у другой, с такой же уверенностью, как поезд у станции. По первому впечатлению такое искусство кажется совсем сверхъестественным. Впоследствии, присмотревшись, я понял, что искусство это основано на чрезвычайной внимательности.

Меник свои пасты строил и починал летом. Бывал у них много раз. Конечно, он прекрасно знает взаимное расположение пастей. Но этого мало. Он знает характер почвы и растительности вблизи каждой группы пастей и у поварен. Все заметные овраги и возвышен-

ности нанесены в его мозгу с точностью, превосходящей лучшую карту. Направляя собак в темноте, он знает, через какой промежуток времени должен встретиться приметный предмет или местность, подъем, склон или овраг. Узнав их, он едет дальше до новой вехи. Особенно поразил меня наш переход 3 января.

День был пасмурный и ветреный. Полуденный расцвет отличался только более светлым оттенком мути, стоявшей перед глазами. Была умеренная вьюга. До полудня мы осмотрели несколько пастей, затем начался пустой участок. Мы ехали по ровной тундре, часто под полозьями был виден лед на небольших озерах.

Часу в шестом вечера Меник стал проявлять некоторое беспокойство. Я не стал расспрашивать, так как знал уже, что в пути Меник совсем не разговорчив. Его внимание напряжено до крайности. Утром сказал он мне, что до ночлега девять часов езды. Мы должны были быть там в шесть часов. В начале седьмого часа Меник, внезапно остановив собак, стал раскапывать снег до почвы. Затем пошел налево и, отойдя шагов на сорок, крикнул мне, прося поворотить собак по направлению к нему. Собаки, добежав до хозяина, остановились. Только сойдя с нарты, я увидел, что Меник стоит у входа в низенькую, в человеческий рост, поварню, похожую на шляпку гриба. Она была сплошь залеплена снегом; ее очертания с трудом можно было разобрать не далее десяти шагов. Когда мы, отогревшись, распивали чай в этой норе, я спросил Меника, как он отыскал поварню и зачем раскапывал землю. Меник ответил:

— В этом месте глина есть. Кругом нет нигде.

Эта поварня была такая же, как прочие тундровые поварни в Устьянском крае. Четыре жиденькие бревна, соединенные на высоте человеческого роста полуметровым срубиком и образующие нижними концами конус, упираются в землю. Промежутки между основными бревнами заполнены рядом жердей. Этот каркас прикрыт сверху слоем дерна. Пролезать в такую поварню

приходится через узкое отверстие, заменяющее дверь. Двери нет, при уходе из поварни отверстие закрывают куском оленьей шкуры, придавленной кольями и снегом. Огохов в такие поварни не ставят, необходимо брать железную печь. Дрова в небольшом количестве завозятся к поварням в летнее время. Если дров не хватает, приходится сжигать одну из ближайших пастей. Так поступили и мы, когда в Харастанских горах захватил нас буран. Стоять в такой поварне возможно только в середине, согнувшись в поясе. Ближе к краям, даже стоя на коленях, упираешься в покатые стены. Как бы то ни было, такая норка хорошо укрывает на время ночлетов.

Мы осмотрели полтора ста пастей. Большинство их было посещено песцами. Но добычей Меник похвастаться не мог. Из сорока двух захлопнувшихся ловушек мы вынули всего 11 целых песцов. Остальные были съедены или волками, или голодными родичами попавшихся. Волки съедали песцов совершенно, сваливая лапами боковые дощечки. Песцы для того, чтобы полакомиться телом несчастного товарища, подкапывали снизу бревна и оставляли нетронутой голову. Меник собрал порядочную коллекцию песцовых головок.

По неполным сведениям, собранным в пути до Казачьего, за первую половину зимы на севере Устьянской тундры было съедено около двухсот песцов, около сорока процентов всего промысла. Виной напрасной гибели песцов — плохие пасти и редкий осмотр.

Я забыл сказать, что в Чай-поварне застали мы еще помощника Горохова — парня лет девятнадцати, Уйбачана. Уйбачан был сиротой, воспитанником Горохова. Выглядел он совсем мальчиком, был румян девичьим румянцем и весел, как молодой котенок. Этот парень почти не сидел на нарте. Его фигурка, плотно обтянутая шубкой из песцовых лапок, маячила то впереди нарты, то у песцовой пасти. Отношение его к Менику было проникнуто чрезвычайной почтительностью. Каждое слово Меника, казалось, для Уйбачана было ценнее, чем

наставление ученого профессора студенту-первокурснику. Восседаая на нарте, как на кафедре, Меник поучал воспитанника искусству движения в тундре. Он обращал внимание Уйбачана на каждую мелочь в пути, а иногда устраивал экзамены. Вечером 4-го, перед остановкой на ночлег, Меник послал Уйбачана к поварне, где мы должны были ночевать, прямым путем. Сам же хотел объехать несколько пастей в стороне. Было уже совсем темно. Стройная фигурка Уйбачана была проглочена тьмою в минуту.

Когд мы подъехали минут через сорок к месту ночлега, Уйбачана там не было. Мне показалось, Меник забеспокоился. После некоторого колебания он начал распрягать собак. Я спросил, не попытаться ли отыскать нам парня. Меник ответил:

— Если утром не приедет, поедем искать.

Уйбачан пришел через час. Он выглядел очень сконфуженным.

На пятый день поздно вечером, после перехода в 80 километров, мы выехали на реку Ванькину к уресе Конона Томского. Здесь меня ожидал Бадеев. В это позднее время северная часть Устьянской тундры совсем необитаема. На время полярной ночи Томский откочевывает ближе к устью Яны. Однако этот тунгус, получив через выехавших с оленями островников мою просьбу задержаться в районе Муксуновки, остался на стойбище. У тунгуса были уже приготовлены для нас олени. Отдохнув сутки, мы выехали 9 января дальше на прекрасных оленях Томского. Задержавшись в пути на двое суток из-за метелей вблизи устья Яны, 15 января приехали по знакомому пути в Казачье.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В прошлом году я покинул Казачье при свете весеннего солнца. Тогда и днем и ночью на улицах слышны были веселые голоса, свисали с крыш прозрачные сосульки, и бледноголубое небо казалось уже совсем весенним.

В этот приезд увидел я Казачье в обстановке полярной ночи, закутанным в высокие сугробы. Они погребли юрты и домики, почти уравнив их плоские крыши. Мы подъезжали к селению вечером, около шести часов. Если бы не толстые столбы искр из камельков, можно бы проехать мимо, совсем не заметив селения, занесенного снегом. Но полуденный рассвет здесь был гораздо заметнее в сравнении с северной частью тундры и островами, а небо на юге уже горело яркими красками. Когда на другой день в полдень я вышел на улицу, Казачье выглядело настоящим полярным поселком. Клубы пара, подымавшиеся от каждой юрты и постройки, и дым висели в воздухе густой завесой. Пар поднимался от оленьего каравана, привезшего груз

к фактории, от упряжки собак, натужно тянувших в гору возик с мелкими дровами, пар шел от каждого человека на улице и клубился у каждой двери.

Теперь не видно было ни ребят, играющих на воздухе, ни групп, беседующих на завалинке. Стоял крутой мороз. Торопливо пробегали закутанные в меха люди, каждый, не задерживаясь, скрывался в облаке пара у входа в жилище. Только на плоской крыше у красного флага, как монумент в своей дохе, стоял дежурный.

С половины января до марта местные жители избегают далеких поездок. В эту пору морозы держатся между 40° и 50° . Только необходимость или высокая плата заставляет туземца гнать оленей по морозу. В сильные морозы далекая поездка всегда сказывается на оленях: они быстрее спадают с тела, особенно животные, на которых ездили уже в первую половину зимы. Поездка во время морозов требует хорошо упитанных оленей. Вторая причина, по которой избегают поездок в это время, — трудность поисков в темноте оленей на остановках. Пущенных на пастбище в темную пору легко потерять. Легко и волку подкрасться к оленям.

Мы не могли считаться с уговорами наших друзей в Казачьем — «остаться погостить». Впереди нам предстояла дорога тысячи в четыре километров на санях. Это расстояние нужно успеть проехать до весны. Ни у государственных организаций, ни у жителей не было достаточного количества оленей. Вероятно, нам пришлось бы двигаться маленькими партиями. К счастью, незадолго до нашего приезда в Казачье пришел туда караван с грузом мороженого мяса из Верхоянска. Олени были утомлены, худы и мелки. Принадлежали они верхоянскому якуту Родину. На таких оленях в день не проедешь больше 40 или 50 километров.

С этим высоким, костлявым и подвижным якутом мы торговались два дня о сроках приезда в Верхоянск,

о количестве оленей, о плате и о том, сколько кирпичей чая можно дать ему в дополнение к деньгам. Мы решили выехать двумя партиями. Приехавшие раньше в Казачье уже успели закупить теплую одежду соответственно сезону, сшить палатку и состряпать на дорогу провизию. Им задерживаться не стоило. Я решил выехать на легких нартах. За неделю можно успеть купить снаряжение и, едучи налегке, скоро догнать уехавших вперед.

Наши друзья в Казачьем уговаривали нас обождать здесь до конца февраля не без оснований. От Казачьего до Верхоянска считают 1300 километров. Для жителей Якутии такой перегон довольно обычен. Но этот путь в конце января и февраля особенно тяжел. Верхоянск — полюс холода. Средняя температура января за много лет равна —50,1° Ц. И в феврале обычная температура держится между —50° и —60°. В феврале же 1892 года в Верхоянске были отмечены самые низкие температуры на всем земном шаре —69,8° Ц, т. е. почти —70°. Первая половина пути от Казачьего проходит почти по ненаселенной местности. На первых же 300 километрах вовсе нет жилья. Обыкновенно здесь ездят или на совсем легкой упряжке, на хороших оленях, пересекая без отдыха ненаселенную местность, или берут с собой палатку и печь. За неимением палатки ездят иногда и без нее, ночуя у костров.

Нам, с плохими оленями, нечего было и думать проехать быстро ненаселенный участок. Первая партия с грузом рассчитывала пробыть в пути больше трех недель. Я надеялся выиграть одну неделю.

Для дальнего пути в самую холодную пору здесь снаряжаются серьезно. Запасают новую теплую одежду, готовят большой запас провизии. Следуя советам, мы напекли горы хлеба, булок, пельменей и нажарили котлет. Под провизию, палатку, печь и спальные принадлежности пришлось отвести отдельную нарту. Относительно одежды не было особенных споров. При силь-

ных морозах в дорогу надевают поверх обычной одежды «дундук», или кухлянку — просторную рубаху из шкур молодого оленя, мехом к телу, поверх нее длинный «сукуй», или доху с капюшоном, из шкуры взрослого оленя. На ноги надеваются меховые брюки, заячьи носки, оленьи чулки, камусные торбасы и меховые калоши. В комплекте якутской зимней одежды верхоянских жителей имеются еще напульсники, нагрудники, маски на нижнюю часть лица и разных сортов рукавицы. Из всего этого мы выбрали только двойные меховые рукавицы. Рот и подбородок завязывали, как устьянцы, обыкновенным ситцевым платком.

Когда надеваешь на себя всю эту полярную спецодежду, чувствуешь, несмотря на легкость отдельных предметов, значительное увеличение собственного веса. Ноги плохо сгибаются, руки в движениях связаны. В дороге я надевал сукуй во время ветра или продолжительной езды, когда не было возможности соскочить с нарты и согреться на бегу. Итти в сукуе невозможно. Больше полукилометра не пройдешь, — начинаешь покрываться испариной. А вспотеть, когда температура ниже 50°, — значит зябнуть до ночлега. Мне показалось излишним надевать две пары меховых чулок под торбасы, да еще сверху неуклюжие и толстые калоши из лошадиного меха. Я пробовал было обходиться без них, но едва не поплатился отмораживанием пальцев. Без калош возможно в эту пору ехать, только постоянно соскакивая с саней, чтобы согреть на ходу ноги. При быстрой езде этот комплект одежды совершенно необходим.

В дни, когда дорога была хороша и с нарты нельзя было слезать без задержки каравана, мы всегда приезжали к остановке продрогшими до мозга костей. На мне под верхней одеждой были две фуфайки, тельник и меховой жилет. Все же часов пять спустя после начала пути под одежду начинали пробираться холодные струйки, а когда поднимался хотя бы небольшой ветерок, мы начинали зябнуть раньше. Прежде всего стыли

пальцы на ногах, а в последние часы всегда мерзли руки, не согреваясь больше от сжимания пальцев в кулак и растирания их в рукавицах один об другой. В эти часы особенно мечталось о прелестях якутской юрты с хорошо растопленным камельком, о закопченном чайнике, полном горячего кипятку на огне. А момент приезда в юрту, когда начинаешь снимать заоченевшими руками оледеневшую шапку и, разминая, развязывать шарф, развешивать одежду для просушки перед камельком, — о, это момент действительного блаженства! Недаром в песнях якутов так часто мелькает поэтический образ «кым» — искр из камелька, которые путник видит вечером в конце утомительного перехода.

Казачье покинули мы 23 января. Есть два пути на Верхоянск: через Омолон, по которому возят почту, и второй — старый, заброшенный путь по течению Яны. Мы избрали последний: этот короче. Отъехав полсотни километров, мы ночевали в юрте Василия Болтунова. Это место известно под названием «Малое Казачье». Дальше на юг лежала совершенно ненаселенная и неисследованная местность, занятая горными хребтами Кундюлун-Таала, Куйга и Мултурус-юрях.

До Малого Казачьего мы ехали по следу, напоминавшему дорогу. Дальше дороги нет. Руководились следом наших же оленей, пришедших из Верхоянска. Во многих местах след был незаметен. Тогда шли целиной, стараясь снова найти потерявшийся след.

От самого Казачьего дорога шла редким, довольно чахлым и низким лиственным лесом. Однообразие такого леса действует угнетающе. Голые, раскинув хрупкие промерзшие ветви, неподвижные стоят деревья. Они кажутся совсем безжизненными и сухими. Бурый фон леса на горизонте, резкие штрихи бурых стволов на горных склонах, бурые же стволы и сучья на первом плане, пестрящие по белому снегу, посыпанному оранжевой лиственничной хвоей, — вот тнелущая картина громадного пространства северной Якутии. Идет ли путь по

долине, тянутся ли сани в гору или по берегу извилистой Яны, — безразлично. По сторонам и впереди все те же бурые оттенки и бурая сетка на буром от хвои снегу.

По мере движения к югу лес становился выше, стволы толще. Но характер леса оставался тем же вплоть до самого Алданского хребта. На южном его склоне, тотчас же за перевалом, показались на буром фоне первые зеленые пятнышки приникшей к земле сосновой сланки. А через 10 километров я отломил веточку родной зеленой ели.

В первой части пути мы не встречали иных деревьев, кроме лиственницы. Редко, очень редко по берегам речек попадались заросли ивы или ольховника.

В таких местах всегда было заметно присутствие жизни: снег был истоптан заячьими лапками, покрыт густою сетью куропаточьих следов, вился между ними четкий след песка, и перекрещивали их длинные следы прыгавшего горностая. В самом же лесу мы лишь изредка видали отпечатки волчьих лап и размашистые следы лося и дикого оленя.

Наш караван состоял из пяти оленьих запряжек. Каждые сани тянули два оленя; два запасных бежали сзади на поводу. В Якутии не запрягают больше двух оленей. Управляет караваном проводник на пустой нарте. В его упряжке самые лучшие и сильные олени: этим оленям приходится трогать с места весь караван. Каждая пара оленей привязана поводками к нарте, идущей впереди. После остановки проводник выводит переднюю пару на дорогу и бесцеремонно толкает животных в зад хореом. Олени бросаются вперед, нарта трогается с места, тянет следующую пару, она натягивает поводки у третьей, и весь караван начинает движение.

Покачивая головами, отклоняя рога от сучьев, вытягивая шеи, когда передняя пара ускоряет бег, и заскакивая копытами на идущую впереди нарту на внезапных остановках, идут плавно широкой походкой пес-

трые олени. На хорошей дороге бегут мягкой рысью, бросая в сторону передние ноги и цокая копытцами на задних ногах. Якутская упряжь устроена очень остроумно: олени не могут тянуть с разной силой. Широкая постромка, надетая на плечи оленей и идущая к передней дуге на нарте, не закреплена, но движется по ней свободно, составляя продолжение лямки второго оленя. Как только один из оленей начинает тянуть с меньшим усилием, ослабленная лямка немедленно притягивает ленивца к самой нарте. При каждом шаге ленивый олень ударяется ногой о передок саней. Единственный выход из такого положения для оленя — броситься вперед, чтоб выравняться с другим. Если оба оленя замедляют ход, поводки, связывающие их с нартой, идущей впереди, натягиваются и дают уздечкой шею. Поэтому для оленя нет возможности тянуть слабее, чем все остальные животные в караване. Он тянет, пока есть силы. Если силы иссякают, олень падает. Тогда приходится остановиться всему каравану. Проводник подходит поднять оленя. Обыкновенно его отвязывают и заменяют запасным, пока упавший не отдохнет, идя на поводу сзади каравана.

Если олени очень утомлены или на саниах погружен непомерный по их силе груз, движение каравана представляет безотрадную картину. То тот, то другой олень падает. Проводник подходит заменить упавшего. Через несколько минут падает другой, заменяет и его. В следующий раз приходится взамен упавшего ставить оленя, еще не успевшего отдохнуть. Он падает снова. Запасные силы каравана израсходованы. Обыкновенно тут начинается избиение. Упавшего поднимают пинками и ударами палки. Едва успеет караван тронуться с места, снова падает олень. Дело кончается плохо: усталые олени отказываются идти даже на привязи. Приходится бросать лежащих животных. Потом их подбирают на обратном пути, если к тому времени олень не убредет далеко или не станет жертвой волков.

В нашем караване олени были уже достаточно измучены трудным переходом от Верхоянска. Они привезли на каждой нарте по 10 пудов. Наш груз был меньше 7 пудов на нарту, но утомленные олени тянули с трудом. Начиная с третьего дня, стали чаще и чаще повторяться картины избиения оленей, а ко времени, как дошли мы до населенных мест, где можно было сменить особенно уставших животных, мы успели бросить трех оленей.

Наш проводник, якут Николай Рожин, работник подрядчика, по-русски не знает ни слова. Его маленькая юрта находится где-то на безымянном притоке реки Бытантая. Там у него жена и два ребенка. Сам Николай только летом видится с семьей, а по зимам ходит батраком у своего однофамильца. За зиму успевает пройти по два-три раза путь от Верхоянска до Казачьего или Булуна и обратно.

Его богатство — кухлянка, сшитая женой, истертая до крайности, меховые штаны, шапка, рукавицы, оленьи торбасы и меховые чулки, надетые на голую ногу. Чтоб пальцы на ногах не зябли, обертывает их Николай кусочками меха и подкладывает под стельки много сухой травы. В этой одежде Николай только что прошел в одиночестве с караваном хозяйских оленей в Казачье, без палатки. На остановках в ненаселенном районе, их было много — не менее шести, — Николай строил навес из жердей по якутскому способу в защиту от ветра и проводил долгие ночи у костра на оленьей шкуре, прикрывшись заячьим одеялом. Два раза заставляла его в пути выюга. Тогда приходилось ночевать без костра, зарывшись в снег. За такую поездку получает Николай по 30 рублей на своей еде.

В Николае ни грамма жира. Он сух, как лиственница, подвижен и гибок, как горноста́й. В его одежде каждый из нас — без преувеличения сказать — обморозился бы на пятидесятиградусном морозе в первый же день. Но Николай — чудо выносливости и нечувствительности

к холоду. Управляя передней нартой, он не может сойти с нее, чтобы разогреться на бегу. Только на остановках, которые даются оленям для отдыха через каждые полчаса, проводник может, свернув оленей со следа, побегать взад и вперед, чтоб размять окоченевшие руки и ноги. Каждый из нас в прекрасной одежде зяб. Но от Николая не приходилось слышать жалоб. Правда, для начала разговора он не раз говорил «улахан тымны» (большой мороз), но слова эти не носили оттенка жалобы. Однако, когда я уступил Николаю свою слишком длинную, стеснявшую меня оленью доху, он надел ее с сияющим лицом, и с этого момента началась наша дружба. С его стороны она выражалась разными мелкими услугами и приношением во время еды лучшего кусочка единственного кушанья Николая — вареного конского мяса.

Первую остановку после Малого Казачьего мы сделали, спустившись за границу леса посхе голого перевала хребта Кундюлун. Здесь, под прикрытием скалы разбили мы лагерь. Пока Николай распрягал оленей и привязывал к шеям особенно быстроногих куски дерева, мешающие бегать, и готовил дрова, мы поставили палатку на козлах из жердей. Такая палатка очень удобна для лагерьей в лесистых местностях, где нет недостатка в жердях. Ставится она довольно быстро. На двух козлах из связанных по три жердей кладется третья, просунутая в длинный рукав палатки вверху ее, длинная жердь. После этого остается только привязать к козлам сбоку еще по жерди, прикрепить к ним завязками боковые стенки и в заключение пропустить трубу железной печи через кусок жести, вшитой и переднюю стенку.

Много раз на своем веку приходилось мне ночевать в палатках на морозе. Много разных систем палаток испытано. Эта оказалась самой теплой. Железная печь быстро нагрела заключенный в палатке воздух. В лесу стоял пятидесятиградусный мороз, но мы сидели в од-

них фуфайках. Уже окончили ужин и принялись за чай, прогревая у печи, похожие на камни, заранее нарезанные куски булки и хлеба, когда в палатку вошел Николай. Он бросил последнюю вязанку сухих лиственничных дров, ломких на морозе, как стекло, и, придвинув к себе маленький котелок с куском оленьего мяса, съел его, выпил суп, несколько чашек чая без сахара — весь свой обед и ужин. Мы забрались в спальные мешки в фуфайках. Николай разделся донага и спрятался под заячье одеяло в постель из двух оленьих шкур. С такими удобствами, говорил Николай, ему еще не приходилось ночевать.

Если поддерживать в печи огонь все время, в такой палатке можно жить не хуже, чем в юрте. Но если дрова догорели, температура за полчаса уравнивается с наружным воздухом. Когда я проснулся и протянул руку за спичками, чтобы взглянуть на часы, коробка обожгла мне пальцы. Пока я зажигал хрупкие спички, руки почти окоченели. Огонек от спички, разогнав тьму, осветил палатку. Что за чудо! Черная материя превратилась в светло-серый бархат, от каждого скрещения ткани тянулись длинные кристаллы инея. Он покрывал густым налетом полог палатки и опушил изголовье спящих. Моя шапка примерзла к подушке, а отворот спального мешка стал похожим на ватный.

Мороз разбудил не меня одного. В другом углу палатки тоже вспыхнула спичка. Из-под белого по краям заячьего одеяла показалось голое плечо Николая. Опершись на локоть, он подложил в печку дров и раздул угли. Когда я кончил курить папиросу, серый бархат палатки, оттаяв, снова стал приобретать вид обыкновенной ткани. Задолго до рассвета, часу в восьмом утра, еще раз подбросив в печку дрова, Николай ушел искать оленей и долго не приходил. Вернулся он часов в одиннадцать. Уже горела яркая заря. Через полчаса мы поехали навстречу ей.

Если бы описывать шаг за шагом путешествие на оле-

нях через этот пустынный участок Якутии, такое описание оказалось бы столь утомительным и однообразным, как и сам путь. Мы поднимались по пологим скалам хребтов, поросших все тем же бурым лесом, въезжали на голые каменные перевалы, пустынные и дикие, где снег был тверд и изрыт застругами, как в тундре, погружались, снова спускаясь с перевала, в бурую лесную мглу, а за долиной с глубоким рыхлым снегом начинался новый утомительный подъем.

Перед концом подъема деревья расступались шире. В границе безлесной области отдельные деревья всегда покрыты были инеем до чрезвычайности. Они склонялись под тяжестью ее иногда до земли.

На двух первых переходах немного отдохнувшие в Казачьем олени везли еще сносно; потом чаще и чаще караван стал делать остановки для смены выбившихся из сил животных. К концу пути остались только два оленя, ни разу не падавшие: крупный мохнорогий самец — бур и белая, как снег, самка — важенка, с прекрасными глазами и стройными тоненькими рожками. На последнем переходе упал внезапно и самец. Каравану пришлось остановиться на час, чтобы дать передовому оленю собраться с силами.

На перевале Куйга, ровно в полдень, за панорамой безотрадных и мертвых вершин горного хребта, чуть заметными контурами, отмеченными в розовой мгле, мы увидели в первый раз за эту зиму солнышко. Это было 27 января. Полярная ночь позади. Скоро, скоро позади останутся и эти мертвые, в снежном саване, хребты и унылое однообразие царства бурой лиственницы и мха. Каждое шелканье оленьих копыт, как тиканье маятника, отмеривает время и пространство. Наш путь — к югу и к весне.

Как бы в ответ на такие мысли, за перевалом Куйга начали попадаться следы зверей. Тут же увидели мы первые ловушки-черканы для горностаев, песцовые примитивные пасти и настороженные на зайцев само-

стрелы. Каждый раз как спрашивали мы Николая, не знает ли он, чьи это здесь стоят ловушки, он отвечал неизменно, как в сказке про кота в сапогах: «Иннокентия Сыроватского». По охотничьим угодьям этого Сыроватского мы ехали несколько дней.

Все уже начали сомневаться в существовании его. Только на пятый день добрались мы до его урасы «Суолей». И только тут убедились, что Николай не преувеличивал угодьев, особенно когда наш проводник стал рассказывать хозяину, что вынул по дороге попавшегося в ловушку горноста и положил зверька на сук в 200 километрах от урасы, чтобы не съели ласки.

Самый северный житель в Верхоянском округе все же не этот охотник. Ловушки того не раскинулись столь широко. Его зовут Спиридон Стручков. Давно мы слышали, что, пройдя бесплодную тундру, попадем в самый северный поселок Верхоянского края, Борогонский наслег.

Немало изумились мы, когда увидели этот Борогонский наслег, состоящий из одной-единственной маленькой круглой урасы, обложенной дерном. Мы еле-еле разместились в ней для чаепития. Зато вблизи этой урасешки стоял высокий столб с гордой надписью: «Борогонский наслег». Сам Стручков, молодой якут, живет уединенно в этой пустыне с женой и тремя ребятами. Все его богатство — один олень, берданка, десяток пастей, сотня мелких ловушек для зайцев, горностаев и куропаток и кое-какая домашняя утварь. До следующего жилого места к югу еще два дня пути. Тут-то в урасе и живет Иннокентий Сыроватский, славный охотник. И, действительно, населенные места начинаются отсюда, от урасы Суолей.

У Сыроватского сменили мы измученных оленей на лошадей.

Выносливость, неприхотливость и приспособляемость

якутских лошадей к холоду известны давно. Мы в уресе Суолей впервые увидели этих лошадок.

Представьте животное, только отдаленно напоминающее лошадь.

Это животное покрыто густой шерстью, столь же длинной, как у козла, из которой выделяются длиннейшая грива и хвост. Волосы особенно густы на животе и на шее. Там они свешиваются длинной бахромой. Ноги верхоянской лошади кажутся толстыми мохнатыми бревнами. Густой мех скрывает совершенно очертания мышц и костей. Из-под него выглядывают только передние части копыт.

В северной Якутии лошадей не держат в конюшнях. Лето и зиму пасутся они на подножном корме, разрывая, как олени, глубокий снег. Так же, как и оленей, здешних лошадей ловят арканами.

Об езде в оглоблях здешние якуты не имеют представления, а о парной или троечной запряжке и не слышали. Еще необычнее нашему взгляду местная конская сбруя. Когда мы вышли утром из урасы Сыроватского, наши нарты стояли в том же виде, как по приезде на ночлег. У ограды, привязанными к коновязи-столбу, жались одна к другой пять мохнатых лошадеенок. Двух, уже оседланных старинными высокими якутскими седлами, ямщики подводили к передовым нартам. На каждую лошадь с трудом взгромоздился всадник. Лошади начали было беситься, но скоро утомонились. Мы тронулись в путь.

Караван наш выглядел очень живописно. Впереди каждой нарты тяжелым монументом возвышался верховой в кухлянке-дохе, в громадных конских торбасах и таких же калошах. На коне, кроме всадников, переметные сумы сзади седла — закатанные в трубку постельные принадлежности. Все это солидных размеров и веса. За переднюю луку с седла перекинут широкий ремень — постромки от нарты. Чтобы седло не съезжало от тяги, грудь лошади охватывает нечто вроде

шоры из оленьей шкуры шириной в две ладони и толщиной в одну.

Единственное достоинство здешней сбруи — ее живописность. Нарты, заиндевелившие мохнатые лошадки с оледеневшими мордами, с которых спускаются сосульки, и пушистые башни на седлах — всадники, — все это просится на картину. Искренно жалел я, что кинематографический аппарат отказался работать на пятидесятиградусном морозе, что не было времени зарисовать эту картину.

Но мы очень скоро разочаровались в странном способе передвижения, называемом в этом крае ездой на лошадях. Всю дорогу лошади шли шагом, не быстрее пяти-шести километров в час. Кроме того ямщики частенько останавливались покурить и поболтать с товарищами или вычесать гребнем осевший на лошади иней.

На этот раз мы проехали на лошадях всего один перегон до стойбища нашего подрядчика. Тут получили мы свежих оленей еще на два перегона. Начиная от верховьев реки Бытантая, по всему пути, до самого Верхоянска, живут лошадные якуты. Здесь мало оленьих пастбищ. Этот район населен, по якутскому масштабу, сравнительно густо. Теперь мы каждый день останавливались для ночлега в жилых юртах, иногда заезжали на полпути погреться и выпить чашку чая.

На одной из таких остановок застали мы за работой разъездную факторию Якутгосторга. Агентом оказалась молодая якутка в красном платочке, одетая по-европейски и не без кокетства.

Необычный агент этот оказался очень дельным и энергичным. Мало того — настоящим знатоком пушны. Приказчиком при женщине-агенте состоял супруг ее, молодой якутский парень. Разъездная фактория — истинное благодеяние для жителей далеких северных улусов. В горячее время не нужно оставлять промыслов и ехать за необходимыми предметами за сотни верст в Верхоянск. Разъездной агент примет пушнину и даст

в обмен все необходимое: мануфактуру, охотничьи припасы, пряжу и волос для сетей, соль, муку, чай и другие продукты. Даже лекарства. Агент завезет в глухую юрту лубочную картину, которую поймет и неграмотный, а грамотному — книгу и газету, расскажет, что делается за пределами кругозора таяжских жителей. Нам после долгого пути через пустынную и мало населенную местность эта первая встреча с людьми из культурного мира, встреча с первой женщиной-якуткой, не суетящейся с утра до поздней ночи у камелька, не согнутой привычно, не глядящей рабски из дальнего угла в ожидании, когда мужчины отобедают и отдадут остатки ей, но со свободной женщиной, работающей на правах передового мужчины, — эта встреча показалась символом новой культуры, властно пробивающей дорогу на дальний север.

И, действительно, мы приближались уже к культурным местностям. На верховья реки Бытантая, войдя в юрту, где предполагался ночлег, мы поражены были необычайной чистотой и убранством ее. Эта юрта была разделена перегородкой, стены ее покрыты картинками из журналов и революционными плакатами, на столе лежал комплект газеты «Кым» (на якутском языке) и «Автономная Якутия».

Надо сказать правду: такая культурная юрта оказалась единственной во всем крае. Остальные посещенные нами юрты производили гнетущее впечатление. Это были обыкновенные якутские юрты с хотоном (хлебом), обмазанные снаружи коровьим пометом.

Когда на остановке, согнувшись, протискиваешься в низкую дверь, первым делом в нос ударяет тяжелый запах аммиака, — пахнет хлебом. Обычно такая юрта состоит из двух частей: первая — помещене для людей, вторая — для коров. Хлев-хотон отделен от жилой части тонкими жердями, поставленными отвесно. Перегородка неплотна, всюду широкие щели, через них видны коровьи морды или зады. Пол почти всегда зе-

мляной, годами впитывавший в себя отбросы. Два-три окошечка со вставленными льдинами скудно освещают неприглядную обстановку. В хотоне вечный полумрак, свет пробивается только через щели в перегородке.

Богатые якуты — баи и тойоны — имеют два помещения: для себя юрту без хотона и для работников, которым поручено следить за скотом, — юрту с хотоном. Гнетущую обстановку такого жилища трудно передать словами. Ни на Лене, ни в Устьянском крае нам не приходилось видеть подобной грязи. В юртах с хотоном и пол и стены, ороны и одежда, — все покрыто грязью. Жители этой области почти поголовно болеют трахомой. На каждой остановке осаждали нас просьбами дать лекарства. В каждой юрте больные чесоткой, трахомой, экземой или фурункулезом. О настоящей врачебной помощи нет еще и помина. Лечатся домашними средствами, шаманят, выжигают нарывы, пускают кровь, заговаривают зубную боль, кровотечения после родов останавливают коровьим калом.

На одной из остановок, когда утром натягивал я на себя торбасы, из хотона вылез почти на четвереньках старик, призреваемый в этой юрте из сострадания. Такого жалкого существа не приходилось видеть во всю мою жизнь. Передо мной стоял живой скелет с дрожащими конечностями. Глубоко впавшие глаза были полуслепы, воспалены и слезились. Части грязного голого тела и клочья полуседых волос были видны через разрез и дыры крайне изношенной, почти без волос, кухлянки. Старик протягивал трясущиеся руки, шепча сильным голосом: «Табак, табак!» Потом непослушными руками старался поймать мою руку для поцелуя.

Подобных картин крайней нищеты мы видели немало. Но как бы ни были бедны хозяева, в каждой юрте нас встречали с удивительным гостеприимством. Оно стало несколько ослабевать только при приближении к Верхоянску. Почти всегда, как только останавливался караван, хозяева выходили встречать гостей.

Сразу в камельке буйно разгорался огонь, закипали чайники. На стол, без просьбы, приносились лучшие кусочки пищи, хранившиеся для праздников: юкола, ломтики жирного мяса, хаяк¹ и обязательно ставились таять у камелька кружочки мороженого молока.

Войдя в юрту, сначала не видишь ничего, кроме огня в камельке. Когда глаза привыкнут, начинаешь различать людей. Вся семья в сборе. Хозяйка уже хлопочет у камелька, хозяин помогает снимать и развешивать для сушки оледеневшую одежду, потом ведет на почетное место в углу. Полуголые ребятишки зверьками выглядывают из-за камелька и прячутся за женщин.

По обычаю путнику с дороги прежде всего дают чаю. Но часто чая не находится даже на одну заварку. Хозяин сконфуженно в этом сознается. Когда достанешь кусочек плиточного чая, хозяйка принимает его из рук как драгоценность, ловко скоблит ножом и всыпает горсточку в чайник. Готовит посуду. Посуда редко моется. По большей части видишь, как для гостя протирается подолом юбки стакан, иногда в особенном усердии хозяйка предварительно поплюет на него. Если есть поблизости жилье, через полчаса или позже обязательно являются соседи, приехавшие за пять, за десять километров взглянуть на редких гостей. Хотя известно каждому, кто мы такие — слух о нас надолго опережает караван, — всегда спросят подробно про острова, про людей и промыслы, куда держим путь и сколько «кез» до конца его.

Чаепитие проходит за разговорами. Чай густ и смолист, как деготь. Когда есть чай, якуты пьют очень густой. А когда нет, предпочитают пить горячую воду, но не жидкий или спитой. Сахара не употребляют. В разъездной фактории сахар самый неходкий товар, хотя цена его сравнительно дешева — рубль килограмм. Тем временем варится у камелька конское мясо или рыба.

¹ Хаяк — квашеные сливки.

Вот опорожнены два-три чайника; пьют гости, пьют хозяева и все соседи. Наконец, хозяйка убирает чайную посуду, ставит на стол куски конины на круглой доске или рыбу. Гости, хозяин, соседи и старшие сыновья рассаживаются вокруг стола. Каждый вынимает из ножен собственный нож. Младшим членам семьи и женщинам достаются объедки, а если гость не деликатен, не остается ничего. Окончив еду, быстрым движением крепятся, кланяются хозяину и несколько раз повторяют: «Бахыба, бахыба!» или «Бахыба-тарым» (спасибо, спасибо). Хозяева отвечают: «Наздоров, наздоров!» (на здоровье).

Вечер проходит в разговорах. Мы мало-по-малу узнаем про всех, проехавших этой и прошлой зимой не только в Казачье, но и в Средне-Колымск, о том, что везут в Казачье необычный груз: тяжелые железные бочки для «ироплана», что в Верхоянск привезли муку и в городе сняли жители с церковью кресты, что у Оросина пало десять оленей от неизвестной болезни, что едет за нами Аннуска Слепцова на оленях с двумя младенцами, из них один грудной, едет одна, без проводников, и что прошла неделю назад почта в Булун. Когда мы говорим о городах, через которые лежит наш путь, приходится объяснять, сколько в них юрт и церковей и есть ли там кооператив и какой. Если заходит речь о количестве «кез», оставшихся до дому, считают, когда приедем, и удивляются нашим опасениям, что не успеем до распутицы: «ведь до Егорья далеко». Когда объяснишь, что в начале мая у нас снега нет, дивятся: разве есть места, где весна начинается столь рано? Всегда хозяин хочет узнать, как богаты его гости, сколько членов семьи и как могли мы оставить семью на два года. Все мы, от старшего до младшего, в глазах хозяев «улахан тойены» — большие начальники. Не раз убеждались мы по отношению всех встречных, что о структуре советской власти в этих глухих местах имеют весьма смутное представление. Всякий проез-

жающий «табарысс» в глазах темного населения всегда начальник. Мы говорим «товарищ». И — мы начальники. Если бы нашелся человек, желающий взять на себя роль Короленковского «Арабын-тойена», он мог бы так же успешно разъезжать по этим местам за счет населения, как и герой рассказа девяностых годов прошлого столетия.

В глухом месте у озера Тарынтах мы встретили людей, которым столь же мало известно было о существовании наших столиц, как рядовому гражданину СССР о столицах Новой Зеландии или Тасмании. Спросив у хозяина урасы, стоящей у этого озера, якута Петра Афанасьевича Горохова, слышал ли он про город Ленинград, куда мы едем, мы получили ответ:

— Суох! (нет).

— Ну, а Петербург?

— Суох, бохатын суох (совсем нет).

Москва, Иркутск, Совнарком, пролетариат, Союз советских республик, ВЦИК, Революция, — все эти слова неизвестны.

О сущности советской власти никто не имеет ясного представления. Слово «Сполком» известно как местопребывание ближайшей власти. Но о порядке организации Исполкома ничего не знают. Это — по части географии и политграмоты. Не многим лучше дело обстоит и в отношении знакомства со средствами культуры. Понятие «машина» я мог разъяснить лишь отчасти, показав механизм часов. Тут выяснилось, что о часах эти люди слышали, но видят их в первый раз. Наше измерение времени здесь неизвестно: понятие «час» я с трудом разъяснил, но понятие «минута» оказалось слишком сложным. Зубная щетка и порошок возбудили утром крайнее любопытство, оно достигло высшей степени, когда я вынул зеркало и бритву, чтобы снять недельную щетину. Не только бритвы, но и зеркала здесь не видели, за исключением хозяина, пять лет назад посетившего Верхоянск.

Такая темнота очень удивила нас, ведь совсем недалеко от этого озера изредка проезжают в Средне-Колымск люди, обладающие часами и зубными щетками.

Когда после таких мест попадаешь в Верхоянск, он кажется столицей. Кооператив, магазин Госторга, больница, школа, сравнительно чистые юрты, газеты двухмесячной свежести, светлые комнаты в домиках русского типа — контраст слишком велик! Смотришь на все совсем не теми глазами, как раньше. Приезжему человеку и Якутск кажется на первый взгляд средней руки уездным городом, Булун же — совсем захудалым селом. А Верхоянск перед Булуном — не что иное, как деревушка.

Только проехав по местам, еще совсем не тронутым культурой, начинаешь сознавать, как трудно было выдвинуть культуру юга сюда, до этих далеких городов-деревень. И начинаешь в полном объеме понимать значение этих форпостов при начавшемся походе советской культуры на «дикие» и «гиблые» места, где люди живут, как звери, по темным норам, где кругозор обитателей ограничен по пространству 200—300 километрами, а в стремлениях — заботой о пище, только о ней. Эти обыватели в стороне от тысячных и миллионных коллективов, не имеют еще никакого понятия о бурных волнах человеческого моря, которое скоро зальет и эти места.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Верхоянск мы увидели издали с вершины горного хребта. Стояла тихая погода с морозом больше 50° . Караван наш двигался в облаке морозного тумана, поднимавшегося от людей и лошадей. Я ехал на последних санях. Иногда наша часть каравана отставала. Мы теряли из глаз переднюю группу саней. Догоняя ушедших, всегда замечали первым делом эту тонкую дымку тумана от недавно прошедших людей и животных, осевшую между деревьев, а затем уже и самый караван.

И Верхоянск мы заметили, увидев в глубине дальней долины не самый городок, но плотное облако испарений и дыма, которое скрывало все постройки. Такой туман здесь явление обычное. Он держится над городами неделями и месяцами, благодаря полной неподвижности тяжелого, холодного воздуха. Сильных ветров зимой здесь совсем не бывает. День изо дня стоит ясная и тихая солнечная погода со знаменитыми верхоянскими морозами. Дым из труб и пар от строений поднимаются столбами, низкое солнце розовыми лучами с трудом пробивает эту пелену морозного тумана.

Существует много описаний Верхоянска, города, известного всему миру тем, что он стоит на полюсе холода. Лучшие описания принадлежат политическим ссыльным. Они до 1917 года в Верхоянске не переводились, им было достаточно времени для полного знакомства с городом. Жуткая слава этого холодного города упрочилась давно. В царское время одна угроза попасть в Верхоянск действовала охлаждающе на горячие головы либералов. По внешнему виду Верхоянск мало отличается от прежних описаний.

По правому берегу Яны разбросаны юрты на большом расстоянии одна от другой. Центр города — длинный ряд одноэтажных домиков и юрт с плоскими дерновыми крышами, без дворов и оград; многие из домиков и юрт снизу до окон закрыты толстым слоем снега, залитого водой. Вокруг города — болота и множество мелких озерков. И близко обступила его бурая стена лиственных лесов. На горизонте кольцом — высокие горы. Город стоит в глубокой котловине.

Мы поместились в одном из лучших домов, занятом теперь метеорологической станцией. Здесь предстояло прожить с неделю, запастись провизией на дорогу до Якутска, найти подрядчика с оленями и починить одежду.

Стояли лютые морозы — февраль здесь самый холодный месяц. Весь воздух казался густым и осязаемым. Белесое голубое небо, слабые в стылой голубизне воздуха очертания гор, слабая голубизна теней на розовом снегу, зеленоватые оттенки наледей на узкой здесь Яне, бурые оттенки на бревнах домов из лиственницы, и бурая же стена лесов кругом — вот краски, которые мы неизменно видели в Верхоянске каждый день. Надо сказать правду: после длинного по морозу пути нет желания подолгу любоваться этой картиной, особенно при жестоком, колющем холоде. Каждый вышедший из дому торопится поскорее снова спрятаться в теплое помещение. Шестьдесят градусов мороза не шутка.

Впрочем, мы были все же несколько разочарованы.

Такая температура при полном отсутствии ветра не так страшна, как представляется, особенно человеку тренированному. Чтобы проверить свои ощущения более точно, я попробовал сделать те же самые метеорологические наблюдения, которые мы делали на Ляховской станции. Я нашел, что мороз $59,8^{\circ}$ Ц при безветрии легче переносится, чем — 30° при умеренном ветре в 7—8 метров. При тридцатиградусных морозах на острове наблюдатели в ветреную погоду почти всегда возвращались с побелевшими пальцами; потом ходили с черными, отмершими кончиками их. Не помогали и шерстяные перчатки. В Верхоянске я закончил весь круг наблюдений без перчаток, не отморозив ни пальца. Это явление особенно сильного действия холода на живой организм при ветрах хорошо известно метеорологам и всем, долго жившим на севере. В Верхоянске я ни разу не видел таких ужасных обмораживаний щек и носа, как у жителей Устьянской тундры и островников. Там почерневшие, изъязвленные скулы и носы — явление обыкновенное.

От Верхоянска до Якутска считается 1056 километров. Почта ходит по зимам еженедельно и раз в месяц в летнее время. Во время распутицы совершенно прекращается всякое сообщение Верхоянска не только с Якутском, но и с ближайшими местностями.

Все же почта связывает городок с Якутском крепко. Люди здесь — современного быта и мысли. Подавляющее большинство их — приезжие. Постоянных работников очень мало: большая часть командированных сюда служащих через год или два стремится уехать из этого непривлекательного и холодного городка, где 25° мороз считается теплой погодой, где нет газет, телеграфа, кино и театра, или же считают дни, когда отправятся на родину из города, получившего с царских времен печальную известность «гиблого места». Таких — большинство.

Но встретили мы здесь несколько человек, уже нахо-

дящих хорошие стороны в жизни странного этого города, где на лето запасают лед для питья, где бьют уток через окно из комнаты, где в летние ночи, прозрачные, как день, на глазах быстрым ростом тянутся вверх пышные травы и манит приволье девственного леса, где каждая вещь и каждое дело человеческих рук остаются надолго памятником культуры.

Каждый из верхоянских работников уже несколько раз совершил трудный путь от Якутска летом или зимой. Семейные с детьми ездят в летнее время, затрачивая в один конец месяца по полтора. Летний путь особенно долог и труден. Большие и малые едут по узкой тропе верхом на лошадях, связанных как в оленьем караване: уздечка от задней лошади прикреплена к хвосту идущей впереди. Путь пустынен. Только перед самым Якутском начинаются населенные места. На остальном участке тропа проходит в безлюдной местности, пересекает хребты, реки без мостов, бурные ручьи и потоки, болота, не стаивающие наледи — «тарыны». Путешествуют с грудными младенцами и детьми в переметных сумках, ночуют под открытым небом, редко — в поварнях. Кормят подолгу лошадей на подножном корму, встречают по дороге диких зверей. Жена одного служащего ехала в Якутск, но, задержавшись в пути, разрешилась девочкой в тени высокой лиственницы. И девочка осталась жива. Другой похоронил жену тоже у лиственницы на склоне хребта Тора-Тукулан.

Зимний путь оборудован лучше. Выстроены через каждые 40—50 километров, а местами и чаще, хорошие поварни. В зимнее время в поварне живут ямщики; они немедленно приводят оленей, пасущихся невдалеке, и везут почту до следующей поварни. При особенно спешных надобностях на этих почтовых оленях приезжали люди из Якутска в Верхоянск на четвертый день. Обыкновенно почта идет 8 или 9 дней.

Описывать ли жизнь Верхоянска? Не имеющим представления о далекой и суровой Якутии сценки и слова, схваченные путником за неделю пребывания в городе, скажут ли что-нибудь? Дополнят ли они картину пробуждения от векового сна великой страны? Едва ли. Но для путника каждая встреча, каждый внимательный взгляд вокруг, как кистью по холсту, рисуют эту картину. Каждый новый штрих — это след зубила по камню, которое ваяет твердое и ясное представление.

Красные флажки у Исполкома, портретик Ленина в венке из зеленых лишайников над воротами, триумфальная арка с красными флажками на полуулице, где дома стоят лишь на одной стороне раскинутыми метром на двести один от другого, стройная шеренга красноармейцев в белых балахонах и торбасах, с серыми от мороза винтовками, упряжка понурых, совсем заиндевевших оленей на привязи у этой арки как раз под надписью каракулями: «Вся власть советам», тесная лавка кооператива с мануфактурой, плитками чая, посудой, кожей и обувью, со связками песцовых и горностаевых, заячьих и лисьих шкур по стенам, с продавцом-якутом, глаза которого не воспалены трахомой, руки чисты, приемный покой больницы, где доктор и фельдшер дают лишь советы, — запас лекарств уже исчерпан наплывом больных, который год за годом все увеличивается в размерах, совсем не предвиденных, — якутские ребята из школы-семилетки, бегущие домой в оленьих куклянках, запущенных инеем, — с одним таким молодым человеком я беседовал на темы о биноме Ньютона и о формах давно прошедшего времени на немецком языке, — на столбе древней традиционной якутской конюязи афиша о предстоящем спектакле, объявления разных кружков на воротах клуба, приклеенные при помощи плевков, крепко сцепивших бумагу со стылым деревом, тут же лист со списком кандидатов, командируемых в вузы, баня с веником и красным флажком на

одной палке, с горою ледяных кусков для предстоящего банного дня, блестящий воздушный шар в руке дежурного метеоролога — вот следы советского зубила в Верхоянске.

Один из домиков занят под почту. Тут же сберегательная касса. На воротах объявление об очередной отправке почтового каравана. У входа знакомый всем голубой ящик для писем и плакат сберкассы. Почта между Верхоянском и Якутском перевозит не только письма и газеты, — много ли их для Верхоянска, вся корреспонденция поместится в суме одного письмоносца, — но, главным образом, посылки. Можно по почте послать и людей. Почта берет пассажиров. Я тоже направился в Якутск с почтовым караваном. Другого быстрого способа передвижения здесь нет.

Начальник почтовой конторы, верхоянский старожил с седыми усами, дал несколько дельных советов в дорогу, указал, где можно купить проходную нарту, как сделать возок и как вести себя на станциях с ямщиками. Потом принял 210 рублей за перевозку моей персоны, выдал квитанцию такую же, как на посылку, и стукнул штемпелем по гуттаперчевой подушке.

Почта отправилась на лошадях точно в назначенное время, почти минута в минуту. Упряжь — обычная русская сбруя с дугой и оглоблями, но не нелепое сооружение северных округов. Но нарты — оленные. На них погружены всем известные кожаные почтовые баулы с запорами-цепями. Впереди проводник и две наши пассажирские нарты с полотняными кибитками, натянутыми на ивовых прутах и с овальным прикрытием в передней части. Оно предохраняет ноги от забрасывания снегом.

Про зимнюю дорогу от Якутска до Верхоянска слышались мы немало. Рассказывали про случаи гибели каравана при переправах через бурные реки

с тонким, разъеденным льдом, про знаменитые тарыны-наледы, — ветер сдувает с них караван, как пушинку, — они с трудом проходимы в тихую погоду; про встречи с волками и медведями, про событие, случившееся много лет тому назад, когда лошади, чем-то испуганные, понесли и свалились вместе с нартами с высокой кручи в реку, про ужасный случай в прошлом году, когда спящий путешественник при быстром спуске с горы был проткнут полузасыпанной снегом тонкой лиственницей от паха до горла, про постоянную опасность налететь с ходу на дерево в здешнем густом лесу или лишиться глаза. И, наконец, множество рассказов про страшный в зимнюю пору перевал через хребет Тора-Тукулан.

Нас не постигло ни одно из описанных бедствий. Благополучно мы проехали тарыны. Сильный мороз крепко сковал даже самые быстрые речки. По дороге видели мы много звериных следов, но звери не беспокоили ни нас, ни оленей. Только однажды ночью, когда я спал в своей кибитке, один из оленей, испугавшись чего-то при спуске с горы, бросился в сторону, а нарта налетела с полного хода на ствол лиственницы. Я, к счастью, отделался царапиной на щеке, но нарты и кибитка пострадали порядочно. В другую ночь я был разбужен самым неприятным образом: сани перевернулись.

Стесненный теплой одеждой, я долго волочился по снегу, крича диким голосом проводнику, прося его остановить караван. Но проводник не слышал или дремал. Я освободил ноги из передка уже после остановки каравана, когда один из оленей, не выдержав тяжести, свалился с ног. Мы долго чинили кибитку, искали во тьме подушку, чемодан, мешочки и зацепившийся за ветку шарф. И на этот раз отделался я только новыми царапинами.

Почта движется день и ночь. Но ямщики не любят ездить поздней ночью. По правде сказать, и мы не особенно настаивали на строгом исполнении расписа-

ния. Поэтому пять ночей из десяти мы спали на станках по пяти или по шести часов.

Отъехав километров на 200 от Верхоянска, мы больше не встречали жителей до самого Алдана. Тут, приблизительно километрах в 250 от Якутска, начинаются снова населенные места.

Но каждый станок по зимам — жилое место: зимуют ямщики. С весны и до поздней осени станки необитаемы. Свежему человеку они показались бы, может быть, жалкими, но после поварен, оставленных нами позади, и в сравнении с юртами в населенных местах — эти станки чисты и удобны. Большая часть их новой советской постройки, во многих на стенах — портреты вождей и современные картинки, камельки хороши, — есть сложенные из камней; ороны выстроганы, везде имеются полы, а в самых новых — и настоящие окна. По стенам туристские надписи. У содержателя станка — книга для записи проезжающих.

Подъем на Тора-Тукуланский хребет начинается после станции Турух-Тахской.

Все, кому приходилось переваливать через хребет в зимнюю пору, описывают его не слишком привлекательно. У хребта всегда дуют крепкие ветры. Проводники не осмеливаются идти на перевал, когда погода ненадежна. Там, на вершине, среди обрывистых горных склонов, ужасна и слабая вьюга.

Она легко может сбросить путника книзу по твердому и скользкому, как лед, снегу, а в январскую и февральскую пору при морозе в 50—60° и при сильном ветре на перевале не может спасти никакая одежда. Поэтому вблизи перевала поставлена поварня, в которой укрываются при внезапной перемене погоды. Все же бывают случаи, когда захватит вьюга на самом перевале и еще чаще при спуске с хребта, когда спасительная поварня уже позади. Ямщикам соседних с перевалом станций — Анасохской и Тора-Тукуланской — нельзя

нозавидовать. И при подъеме на хребет и при спуске, везде нам попадались груды мешков, цыбиков чая и другого груза, сваленных в снег при бегстве ямщиков от внезапно начавшейся метели.

Нам при подъеме на хребет повезло. Стояла тихая, довольно пасмурная погода, температура не спускалась ниже 40° — по-здешнему сравнительно тепло.

Хребет суров и безжизнен. Вскоре за Анасохской станцией кончается лес, подъем идет среди каменистых россыпей. Вокруг толпятся крутые склоны бело-голубоватых гор. Верхняя часть перевала очень крута. Даже самые лучшие олени не могут поднять на перевал груженные полностью нарты; обыкновенно половина груза оставляется внизу. На вершине перевала чудесное зрелище. Беспорядочной толпой всюду вздымаются острые вершины горной цепи. Некоторые, опоясанные снизу синими лесами, совсем похожи на приземистые сахарные головки. А дальше хребты, как белые зубчатые башни.

Спуск с перевала еще труднее подъема. С хребта виден крутой спуск крепко убитого ветром снега; он неровен и извилист. Внизу под крутизною везде торчат из снега камни.

Когда олени отдохнули на вершине перевала, наши проводники выпрягли их и привязали уздечками к задкам саней. Мы спустились книзу на собственных салазках. Ноги на перевале не держат. Все быстро оказались внизу у камней. Несколько минут спустя у вершины перевала закурилось густое облако из снежной пыли с мелькавшими в нем темными фигурами, — это спускались олени и нарты. Через минуту облако промчалось мимо нас, обдав снежной пылью. В этот раз я особенно пожалел, что кино не действует на якутском морозе. Впереди спускавшегося каравана бороздили снег связанные вместе нарты. Задняя была поставлена поперек, к ней в один ряд и по бокам передних саней привязаны были олени. А сзади животных, расставив

Юги, откинувшись назад и держась за длинные веревки от нарт, катились люди на собственных задах — наши ямщики. Вся эта удивительная группа пронеслась мимо нас со скоростью трамвая, несмотря на то, что олени упирались изо всех сил. Один из них волочился на уздечке.

Группа налетела на камень, — свалился еще один олень, но на следующем сани задержались. Спуск совершился благополучно. Свернулся всего один полоз у саней. Нарту быстро починили. Ехавший сзади караван с нашим грузом спустился не столь благополучно. Привязанные к одной веревке олени оторвались, а связка саней, оказавшись на свободе, долго прыгала среди камней. Сыпались ящики с грузом, ломались сани и бились по камням поваленные олени.

Тора-Тукуланский хребет резко отграничивает северную Якутию. Оставив хребет позади, мы въехали в леса уже не столь однообразные. Правда, большую часть леса составляет все та же лиственница, но деревья не жмутся к земле, а высоко поднимают могучие стволы. Часто попадались уже тополь, ель, сосна и береза.

За Алданом снова начались населенные места. На станках теперь подавались не олени, а лошади. Чаще и чаще видели мы в стороне от дороги дымки, иногда стоги снега, проезжали мимо изгородей, нередко видели жертвенные ленточки, пучки лошадиных волос и оленьего меха вблизи священных мест. В юртах теперь разговоры о городе. Между якутской речью постоянно скользили новые слова: «табарысс», «табарысс-секретарь», «делегат», «кабератип», «бередседатель» и «сатхос».

В каком-то селении, где юрты раскинуты по якутскому масштабу густо — не дальше полкилометра одна от другой, в продолжение часа перегоняли мы ребят с книгами в кожаных мешочках. На остановке в просторной урасе стены увешаны были диаграммами, географическими картами и детскими рисунками, — мы по-

пали в юрту-школу. Две якутки, не согбенные от вечного стояния в низком хотоне, но прямые, одетые уже по-европейски, лишь в торбасах, занимались с ребятами. Нас окружила веселая орава шустрых, не прячущихся по углам якутят с острыми, косыми глазенками. Один из этих молодых людей с гордостью предложил поговорить по телефону с Якутском — «совсем близко, в 15 километрах от школы» — и показал мне свой телефон, самодельный, из двух полых костей с натянутым бычьим пузырем и ниткой вместо провода. Другой мальчонка поделился мечтой приехать в гости ко мне в Ленинград.

На самом деле мы подъезжали к культурному центру. На каждой остановке узнавали новости или новые для нас сведения о якутской столице. За два года немало перемен. Узнали о якутской магистрали — ходят уже по ней от Амурской дороги до Незаметного автомобиля. Почту из Иркутска привозит теперь аэроплан. Провезли в Казачье бензин для самолетов, которые скоро начнут летать до самого «тымны-байкал» — студеного моря. Ходят слухи о богатых золотых приисках на реке Сеймчане, — бросился туда народ. Строятся в Якутске заводы.

— О, как изменился за два года характер «капсе»!

Мы впитывали все эти слухи и новости, как земля воду после засухи. Когда, говоря «капсе», спрашивали и о наших новостях, было даже конфузно: мы могли сообщить только одну — о том, что на дальнем севере, на острове, в этом самом «тымны-байкал» — студеном море, стоит теперь новый дом, где вспыхивает по временам электрический свет и работает радио. Впрочем, эта новость читавшим газеты казалась не свежей. О ней читали полтора года тому назад.

От последней станции на одном из островов широкой здесь Лены мы ехали уже в кошевке почти городского типа.

В глубоких сумерках скатилась кошевка с последнего острова на широкую, главную протоку Лены. Что это за звезды там, голубые и яркие, на южном горизонте? А вот рядом, немного ниже их, еще целый ряд желтых, красноватых и оранжевых звездочек. Что это за зарево? Неужели Якутск?

У противоположного берега, как скелеты чудовища, полузанесенные снегом шпангоуты разобранного карбаса, мачта черкнула по небу, за ней отдельное зарево и синие на фоне его круглые комочки пара, бросающиеся вверх трубой какой-то машины, не видной нам за крутым откосом берега.

Что значит этот ряд елочек? Он долго тянется вдоль дороги. Потом сворачивает под прямым углом от нее. Что же это такое? — Быть может каток? — В жизни не видал такого большого катка. — Пожалуй, каток. Да, вот и теплушка. Только к чему такие тесные группы елочек в углах прямоугольника? И что за круг посередине катка из тех же тесно-сдвинутых елочек? Почему снег не убран со льда? — Да это аэродром! Так это не пустое «капсе» — воздушное сообщение с Якутском, а действительность! Через четверть часа наши санки остановились перед знакомым зданием почты. В конце того же часа мы стояли в подъезде гостиницы у телефона, вызывая то один, то другой номер, прося приютить путников, прибывших с Ледовитого океана. Увы, все свободные углы в городе были заняты.

Было только начало марта. Но в Якутске уже чувствовалось слабое дыхание весны. Солнце в полдень стояло непривычно высоко, и, хотя морозы держались еще ниже 20° , к полудню все же становилось теплее. На южной стороне темных крыш уже везде висели длинные, блестящие сосульки. На площадях у Гостиного двора и у новых каменных торговых рядов, выстроенных Госторгом, медленно вытаивал у коновязи зимний навоз.

Сколько перемен за два года! На главных улицах и даже на окраинах, среди потемневших от времени построек, везде высились новые двухэтажные с дерзко-большими — на зло морозам — окнами, золотом горящие на солнце, ладно построенные дома. Стройка шла всю зиму, невзирая на пятидесятиградусные морозы. На недостроенных домах артели плотников, люди в кухлянках и торбасах, как муравьи, облепили пахнущие смолой бревна. Целый день на фоне голубого неба — блеск серебряных топориков. Целый день звонкие звуки ударов по мерзлому бревну и стоны пилы.

Что за звук разрывает в полдень морозный воздух, вплетаясь в стук топоров, в ржание лошадей на базаре, глуша скрип полозьев по снегу и говор на улице, — мы раньше его не слышали! Это свисток нового завода.

В один из первых дней горячий, плохо выбритый, быстро припадавший на поврежденную ногу человек с хорошей улыбкой увлек нас на шустрой, лохматой лошадке за город. Там, в километре от окраины его, росло с каждым днем высокое и обширное здание с башней. Рядом стояли начатые срубы: тут будет целый городок — якутская обсерватория.

На обратном пути посреди знакомого пустыря еще группа новеньких домов с двумя высокими мачтами, — там, на севере, такая группа домов была бы «городом». Это — выстроенный без нас якутский радиоцентр.

В один из первых вечеров купили мы билеты в театр, не рассчитывая видеть что-либо хорошее, — так, чтоб вспомнить привычное зрелище. Какой театр может быть в Якутске? Скептицизм наш был наказан самым приятным образом. Маленький зал оказался полным, небольшая труппа наполовину из местных сил живо провела современную пьеску. Декорации на крошечной сцене сделаны со вкусом и оригинально. Среди зрителей много якутской молодежи.

За завалом снега, сметенного с улиц, который чуть ли

не доходит до высоты второго этажа, еле видно белое каменное здание. Тут день и ночь кипит работа. Сюда, в Совнарком и ЦИК, вход не заказан никому. Идут делегаты, идут и раскулаченные. На моем докладе в большом зале с портретами, у длинного стола, накрытого красной скатертью, ряд внимательных лиц — все якуты. После доклада — оживленные прения. Выносятся резолюция: «Отметить работу...», «Организовать на Новосибирских островах промысловый совхоз...», «Поручить Госплану выработать порядок организации на островах органов Советской власти», «Выработку резолюции поручить комиссии в составе...».

Около четырех часов утра, когда солнце еще не поднималось, подъехал я к маленькой теплушке аэродрома, обсаженного елочками. Механики возились уже около самолета, наливая в радиатор горячую воду. К передней части самолета приткнута была толстая труба, похожая на самоварную, внизу, тудя и шипя, плевали огнем в отверстие трубы две паяльных лампы: разогревался мотор. Металлический Юнкерс с этой трубой напоминал не то гигантскую птицу с хоботом, не то комара. Скоро влез по крылу в пилотскую кабинку похожий на медведя человек. У пропеллера встал другой, такой же медвежонок в заячьем комбинэ. Начался разговор, хорошо знакомый каждому летчику:

— Контакт! — Есть контакт! — Выключил. — Давай еще. — Контакт! — Есть контакт...

Пропеллер дрогнул, качнулся в нерешительности, повернулся рывком два раза и пошел, гоня струю морозного воздуха вдоль окованных медью и снегом полированных лыж. Оживилась группа людей у теплушки, захлопала дверь пассажирской кабины: вносили последний багаж — баулы с почтой. Десять минут — отрывистые фразы прощания, заглушаемые гулом мотора, суетливые движения во व्यюге, поднятой пропеллером, рассаживание по местам, внезапно усилившийся гул

пропеллера, превратившийся в рев, раскачивание самолета повисшими на плоскостях людьми, еще минута — ускоряющийся бег самолета. И подъем, вызывающий жутко-сладостное чувство.

Летим...

Вот она, как на карте, первобытная Якутия. Леса, леса без перерыва. Застывшие в морозном сне леса. Через сотню километров одна короткая цепочка обоза на тонкой ниточке-дорожке. Через десяток километров одинокие мохнатые лошадки в оглоблях. Редкие заимки с первобытными юртами-хотонами. Леса, леса. Один прорыв — широкая Лена.

Вот она внизу под нами, старая Якутия, страна, о которой писал Геденштром:

«Якутская область — одна из тех стран, где просвещение или расширение понятий человеческих более вредно, чем полезно. Житель сей дикой пустыни, сравнивая себя с другими мира жителями, понял бы свое бедственное состояние, но не нашел бы средств к его улучшению. Он доволен теперь при счастливом своем невежестве».

На остановках — посадочные площадки, аэро-вокзалы. Газеты на якутском языке. Кучки восторженных широкоскулых школьников. Депеши о погоде. Споры о колхозах.

Чиновник особых поручений Геденштром, — вы ошибались.

Жители сей дикой пустыни, даже на крайнем севере ее, поняв бедственное свое состояние, средства к улучшению его уже нашли.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	31
Глава четвертая	46
Глава пятая	60
Глава шестая	71
Глава седьмая	79
Глава восьмая	98
Глава девятая	107
Глава десятая	116
Глава одиннадцатая	129
Глава двенадцатая	148
Глава тринадцатая	159
Глава четырнадцатая	179
Глава пятнадцатая	190
Глава шестнадцатая	200
Глава семнадцатая	212
Глава восемнадцатая	232

2р.25к. переплет 50к.

УДК 1308

СКЛАД ИЗДАНИЙ:
КНИГОЦЕНТР ОГИЗ
№ 218